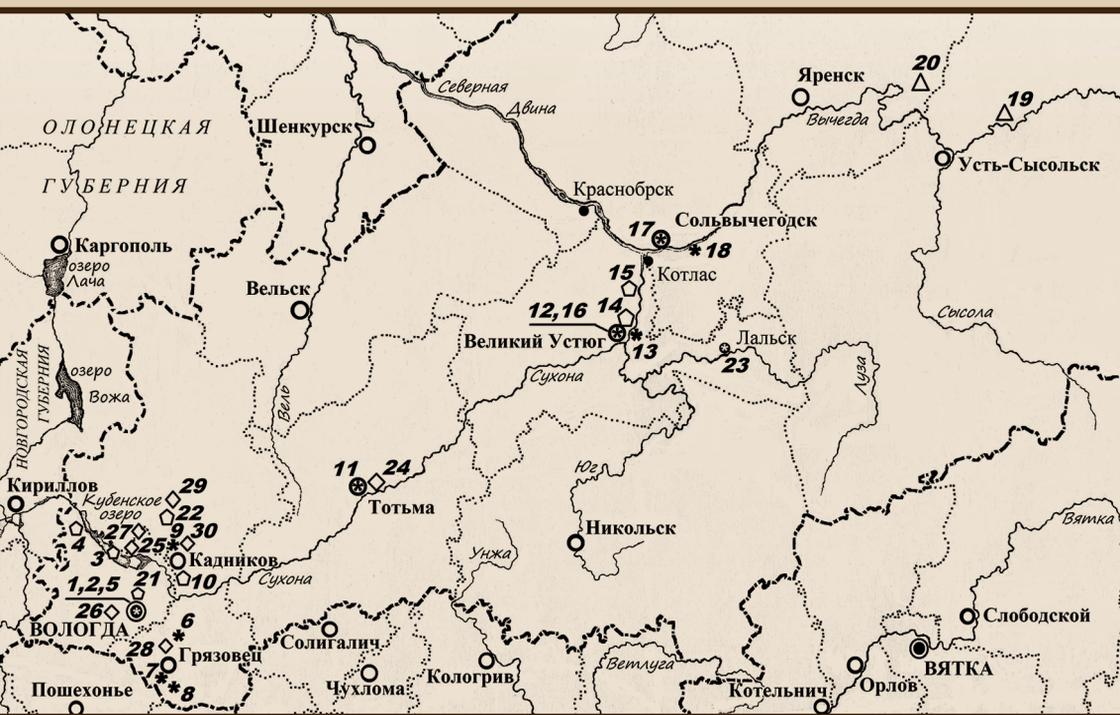

П.П. КОТОВ, А.В. РОЖИНА

МОНАСТЫРИ

в системе церковной власти
в конце XVIII - начале XX века

по материалам Вологодской губернии

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук»

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

П.П. КОТОВ, А.В. РОЖИНА

**МОНАСТЫРИ В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ**

*Ответственный редактор
доктор исторических наук И.Л. Жеребцов*

Сыктывкар
2022

УДК 930.2:27-788(470.12)«17/19/...»
ББК 86.372(28-8Вол)
DOI 10.19110/89606-041

К73 Котов П.П., Рожина А.В. **Монастыри в системе церковной власти в конце XVIII – начале XX века: по материалам Вологодской губернии.** – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 238 с.

ISBN 978-5-89606-632-3

В монографии рассматриваются взаимоотношения православных обителей и церковных властей в конце XVIII – начале XX в. на примере многочисленных материалов по Вологодской губернии. Охарактеризованы система синодально-епархиальных учреждений, виды иноческих обителей, численность и состав братии, регулирование числа монашествующих в Вологодской епархии. Особое внимание уделено анализу развития хозяйственных занятий в обителях, установлению уровня монастырских доходов и расходов, эволюции социальной и благотворительной деятельности монастырей. Выявлено как положительное, так и отрицательное влияние церковных властей на все стороны жизни монастырей.

Издание адресуется исследователям истории, учителям, студентам и всем, кто интересуется прошлым нашей страны и Европейского Севера.

Kotov P.P., Rozhina A.V. **Monasteries in the system of church authority in the late XVIII – early XX century: based on the materials of the Vologda province.** – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 238 p.

The relationship between Orthodox monasteries and church authorities in the late XVIII – early XX century is considered on the example of numerous materials of the Vologda province. The system of synodal-diocesan institutions, types of monastic monasteries, the number and composition of the brethren, regulation of the number of monastics in the Vologda diocese is characterized. Special attention is paid to the analysis of the development of economic activities in monasteries, the establishment of the level of monastic income and expenses, the evolution of social and charitable activities of monasteries. Both positive and negative influence of the church authorities on all aspects of the life of monasteries has been revealed.

The publication is addressed to history researchers, teachers, students, and all those interested in the past of our country and the European North.

УДК 930.2:27-788(470.12)«17/19/...»
ББК 86.372(28-8Вол)

Рецензенты:

*доктор исторических наук В.А. Саблин (Вологодский государственный университет)
доктор исторических наук М.А. Мацук (ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН)*

ISBN 978-5-89606-632-3

© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022
© П.П. Котов, А.В. Рожина, 2022

*Светлой памяти исследователей
истории Европейского Севера
Ю.С. Васильева (29.12.1939–02.06.2016)
и А.В. Камкина (14.02.1950–10.12.2017)
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ВВЕДЕНИЕ

Общественный интерес к роли православия в российской культуре и истории значительно усилился после празднования 1 000-летия Крещения Руси¹. Этот процесс напрямую связан с политическим переустройством российского государства, которое началось со второй половины 80-х гг. прошлого века.

Особую актуальность тема исследования приобретает в связи с реформированием организационной структуры Русской православной церкви, повышением статуса некоторых епархий до митрополий, восстановлением древних обителей и открытием новых монастырей. История развития монастырей занимает особую нишу в сфере исследовательского интереса учёных². При этом важным аспектом для исторической науки является изучение статуса монастырей в синодальный период, когда Русская православная церковь существовала в условиях огосударствления.

Для более эффективной совместной деятельности государства и Русской православной церкви на современном этапе важно представить целостную, научно достоверную картину развития взаимоотношений монастырей с церковными властями в конце XVIII – начале XX в. как на общероссийском, так и на региональном уровне. Получение объективного представления по указанной проблеме важно как в теоретическом, так и в прикладном смысле. Таким образом, актуальность изучения отношений монастырей и церковной власти в России в конце XVIII – начале XX в. является вполне закономерной и обоснованной.

В предлагаемом исследовании взаимоотношения монастырей и церковной власти анализируются по материалам Вологодской губернии. В конце XVIII – начале XX в. в неё входили 10 уездов: Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Тотемский, Никольский, Вельский, Великоустюгский, Сольвычегодский, Яренский и Усть-Сысольский (см. карту-схему)³. Отметим, что после ликвидации в 1796 г. Лальского уезда

¹ House F. Millennium of Faith. Christianity in Russia ad 988–1988. New York, 1988; Русское православие: веки истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989; Церковь в истории России. М., 1997.

² Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 2002; Камкин А.В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. Вологда: ВГПИ, 1992.

³ Котов П.П., Семушина Н.И. Архангельская и Вологодская губернии в системе административно-территориального деления России в XVIII – начале XX веков // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Тезисы докладов научной конференции. Сыктывкар, 1992. С. 20–21; Котов П.П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 1 (130). С. 18–22; Котов П.П., Климовский А.В. Яренский уезд в системе церковно-административного устройства России до 1918 г. // Вычегодский край в истории России. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994. С. 129–132; Котов П.П. Система православно-территориального устройства и Коми край в XI – начале XX вв. // Церковь и государство: православные епархии и приходы, история и современность. Материалы научно-практической конференции, посвященной 2 000-летию христианства и 5-летию Сыктывкарской и Воркутинской епархий.

его основная территория была включена в состав Великоустюгского уезда, восточная часть – Лузская Пермца – вошла в Усть-Сысольский уезд, и Лальск стал заштатным городом.

После административно-территориальных реформ конца XVIII в. границы губернии стали совпадать с границами Вологодской епархии. Размеры уездов в Вологодской губернии изменились лишь единожды – с 1851 г. северо-западная оконечность Вельского уезда была отнесена к Кадниковскому уезду⁴. В отличие, например, от соседней Архангельской губернии, в которой в XIX в. Кольский уезд ликвидировали, затем воссоздали вновь, а из Мезенского уезда в 1891 г. выделили самостоятельный Печорский уезд⁵.

На западе граница Вологодской губернии пролегла за Кубенским озером. С юга губерния вмещала в себя нынешние Вологодский и Грязовецкий районы Вологодской области. На севере и северо-востоке она занимала теперешние Вельский, Устьянский, Верхнетоемский, Красноборский, Котласский и Яренский районы Архангельской области и всю южную часть современной территории Республики Коми. Юго-восточная оконечность Вологодской губернии входит сейчас в состав Лузского и Подосиновского районов Кировской области.

Монастыри Вологодской губернии были значимыми духовными центрами Севера России, традиционными местами паломничества и «церковной» ссылки. На территории региона располагалось свыше 20 обителей. Это даёт возможность провести исследование типичных особенностей развития отношений монастырей, церковных и светских властей в России и выявить особенности их проявления в Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX в.

Нижняя хронологическая рамка определяется тем, что новые государственно-церковные отношения, обусловленные переводом монастыствующих на штатное содержание и переходом на иной уровень регулирования управления монастырями, приводят в 1796 г. к унификации епархиальных границ в соответствии с административно-территориальным делением государства.

Верхняя хронологическая рамка – 2 марта 1917 г., когда революционные события изменили весь строй общественной жизни, привели к разрушению системы управления церковью и упразднению власти им-

Сыктывкар, 2001. С. 55–62; Савваитов П.И. Об учреждении Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1865. № 5. С. 164–196; № 6. С. 198–204; Суворов Н.И. Доп. к ст. об учреждении Вологодской епархии // ВЕВ. 1865. № 5. С. 170–183.

⁴ Котов П.П. Изменение границ Вельского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в середине XIX века // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2019. № 3 (39). С. 65–71. DOI 10.19110/1994-5655-2019-3-65-71.

⁵ Котов П.П., Семушина Н.И. Архангельская и Вологодская губернии ... С. 20–21; Котов П.П. Образование Печорского уезда в 1891 г. // Актуальные проблемы краеведения Республики Коми. Тезисы докладов научно-практической конференции. Сыктывкар, 1997. С. 50–52.

ператора как главы Русской православной церкви. Обширный период исследования позволяет рассмотреть проблему в историческом развитии.

После учреждения 5 августа 1917 г. Министерства вероисповеданий юридически завершился синодальный период в истории Русской православной церкви⁶. Однако, так как пост министра занял последний обер-прокурор Синода А.В. Карташев, «определения» от имени Святейшего синода публиковались вплоть до 18 января 1918 г.⁷ 20 января 1918 г. Советским правительством был принят «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах»⁸, ознаменовавший отделение церкви от государства и окончательно разрушивший синодально-епархиальную систему.

Проблема формирования отношений между монастырями и церковной властью, поставленная в исследованиях XIX в., остаётся недостаточно исследованной. Так, на сегодняшний день нет комплексного монографического издания, охватывающего историю взаимоотношений монастырей Вологодской епархии в конце XVIII – начале XX в. с системой церковных властей. При этом существует широкий круг неисследованных источников, позволяющих раскрыть региональные особенности проблемы в развитии. Это придаёт особую значимость изучению указанного важного аспекта отечественной истории на основе известных источников и впервые вводимых в научный оборот архивных документов⁹. Не касаясь обрядовой стороны вопроса, в предлагаемой работе для специального исследования авторы выделяют проблему влияния власти на социально-экономическое развитие монастырей.

Для анализа проблем в системе взаимоотношений монастырей и церковной власти с конца XVIII по начало XX в. на примере Вологодской губернии привлечён обширный массив опубликованных и неопубликованных материалов. Учитывая специфику анализируемых документов, мы посчитали правомерным охарактеризовать источники с точки зрения их «нахождения», т. е. отдельно опубликованные и неопубликованные источники.

Опубликованные материалы подразделяются на пять типов: законодательные акты, нормативные документы, сведения статистического характера, данные периодических изданий, источники личного происхождения.

⁶ Журналы заседаний Временного правительства. Март–октябрь 1917 года: в 4 т. М.: Росспэн, 2001. Т. 4: Сентябрь–октябрь 1917 года / Сост. Е.Д. Гринько; отв. ред. Б.Ф. Додонов. 2004.

⁷ Церковные Ведомости. 1918. № 3–4 (31 января). С. 22; Московские Церковные Ведомости. 1918. № 3. С. 1.

⁸ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 371–374.

⁹ Рожина А.В. Архивные источники конца XIX – начала XX века о монастырях и монашествовавших Коми края // Архивы Республики Коми: на пути к единому информационному пространству. Материалы VII научно-практической конференции (24 октября 2017 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2017. С. 118–121.

Карта-схема. Размещение православных обителей на территории Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX века.

Цифрами обозначены монастыри: 1 – Спасо-Прилуцкий, двухклассный, муж.; 2 – Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов), трехклассный, муж.; 3 – Спасо-Каменный, заштатный, муж.; 4 – Сямский Богородице-Рождественский, заштатный, муж.; 5 – Горне-Успенский, трехклассный, жен.; 6 – Арсениево-Комельский, трехклассный, муж. (с 1904 г. – жен.); 7 – Корнилево-Комельский, трехклассный, муж.; 8 – Павло-Обнорский, трехклассный, муж.; 9 – Глушицкий Покровский, трехклассный, муж.; 10 – Лопотов Богородицкий Григорьево-Пельшемский, заштатный, муж.; 11 – Спасо-Суморин, заштатный, муж.; 12 – Михайло-Архангельский, двухклассный, муж.; 13 – Троицкий Гледенский, трехклассный (в 1841–1896 гг. – приписной), муж. (с 1912 г. – жен.); 14 – Знаменно-Филипповский, заштатный, муж. (с 1908 г. – жен.); 15 – Николаево-Прилуцкий, заштатный, муж.; 16 – Иоанно-Предтечев, трехклассный, жен.; 17 – Сольвычегодский Введенский, трехклассный, муж.; 18 – Николо-Коряжемский, трехклассный (в 1863–1896 гг. – приписной, с 1896 г. – заштатный), муж.; 19 – Ульяновский Троицко-Стефановский, общежительный, муж.; 20 – Кылтовский Крестовоздвиженский, общежительный, жен.; 21 – Заоникиевская пустынь, заштатная, муж.; 22 – Семитородная Успенская пустынь, заштатная, жен.; 23 – Лальский Михайловский, трехклассный (с 1860 г. – приписной), муж.; 24 – Дедова Троицкая пустынь, приписная, муж.; 25 – Александро-Кушская Успенская пустынь, приписная, муж.; 26 – Арсениево-Маслянская Одитриевская пустынь, приписная, муж.; 27 – Белавинская пустынь, приписная, муж.; 28 – Николо-Озерская пустынь, приписная, муж.; 29 – Кастромский Николаевский, приписной, муж.; 30 – Покровско-Глушицкий, приписной, муж.

Законодательные акты позволяют в динамике проследить общие тенденции политики церковных властей в отношении православных монастырей и систему контроля над их деятельностью. Большая часть источников этого типа собрана и опубликована в трёх изданиях «Полного собрания законов Российской империи»¹⁰. Здесь указы и постановления расположены в хронологическом порядке. Из них наиболее ценными для исследования взаимоотношений монастырей и органов синодально-епархиального управления являются следующие законы: «О присылке ежегодных рапортов в Синод из всех Епархий об остаточных суммах» (1799)¹¹, «О сокращении делопроизводства по Синодальным Конторам и Консисториям» (1832)¹², «О правилах отчетности по ведомству Святейшего Синода» (1834)¹³.

В отличие от «Полного собрания законов», в «Своде законов Российской империи» законодательные акты размещены по тематическому принципу¹⁴. Многие из указов и определений Синода публиковались в периодических официальных изданиях: «Церковных ведомостях», «Вологодских губернских ведомостях» – и в ряде сборников документов¹⁵.

Часть законоположений по истории Русской православной церкви и монашества собрана в сборниках неофициального характера, составленных в 1880-х – 1905 гг. Т.В. Барсовым, В.Н. Ивановским и другими исследователями¹⁶.

Нормативные документы определяли непосредственную деятельность учреждений духовного ведомства по отдельным направлениям и представлены уставами и инструкциями. Унификация законов епархиального управления была предпринята в 1841 г. в «Высочайше утверж-

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (далее – ПСЗРИ-1). 1649–1825 гг. СПб., 1830. Т. I–VI; Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (далее – ПСЗРИ-2). 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. СПб., 1830–1884. Т. I–LV; Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье (далее – ПСЗРИ-3). 1 марта 1881–1913 гг. СПб., 1882–1916. Т. I–XXXIII.

¹¹ Ноября 9 [1799 года]. Синодский. – О присылке ежегодных рапортов в Синод из всех Епархий об остаточных суммах // ПСЗРИ-1. Т. XII. № 19183. С. 856–857.

¹² Августа 31 [1832 года]. Синодский. – О сокращении делопроизводства по Синодальным Конторам и Консисториям // ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5585. С. 591–592.

¹³ Декабря 29 [1833 года]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – О правилах отчетности по ведомству Святейшего Синода // ПСЗРИ-2. Т. VIII. № 6681. С. 820–821.

¹⁴ Свод законов Российской империи: сводный текст за 1832–1917 гг. / отв. сост.: А.Р. Соколов, Д.И. Раскин. СПб., 2007 (далее – СЗРИ). Т. 1–16.

¹⁵ Определения Святейшего Синода // Церковные Ведомости. 1914. № 30, 34; Об обращении Арсениево-Комельского мужского монастыря Грязовецкого уезда в женский // Церковные Ведомости. Прибавления. 1904. № 48. С. 1976–1977; Указ об учреждении Великоустюжского викариатства // ВЕВ. 1888. № 4–5. Прилож. С. 1–6.

¹⁶ Ивановский В.Н. Русское законодательство XVIII–XIX вв. в своих постановлениях относительно монашеских лиц и монастырей. Харьков, 1905; Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т.В. Барсов. СПб., 1885; Чижевский И. Собрание церковно-гражданских постановлений о монашестве и монастырях. Харьков, 1898.

дённом Уставе Духовных Консисторий». Затем этот Устав дважды переиздавался – в 1883 и 1912 гг.¹⁷ В нём содержались нормы епархиального управления и суда, регламентировались обязанности консисторий и полномочия монастырских настоятелей¹⁸. Отдельные статьи, регламентирующие деятельность церкви, содержались в многочисленных уставах по гражданскому ведомству, таких как «Лесной устав», «Счётный устав», «Устав общественного призрения и врачебный устав», «Уставы судопроизводства», и в других подобных нормативах¹⁹.

Следующая группа источников нормативно-распорядительного характера представлена инструкциями, регламентирующими сферу деятельности и обязанности служащих в структуре церковно-государственных властей: обер-прокурора Синода, викариев, благочинных. Инструкция, «данная обер-прокурору» в 1722 г., предписывала наблюдать «за порядком и законным производством дел»²⁰. Права, обязанности и назначение благочинных монастырей были определены особыми инструкциями²¹.

Различные цифровые материалы в России в XIX в. собирались не всегда строго по канонам статистической науки (которые тогда ещё только разрабатывались). Часто они представляли собой скорее набор цифровых данных, нежели собранные по специальной программе и на базе анкетирования сведения. Поэтому эти материалы и обозначены нами как сведения статистического характера. По монастырям изучаемого периода они публиковались с 50-х гг. XIX в.²² Например, в сборниках Л.И. Денисова и В.В. Зверинского приведены сведения о времени основания, местоположении православных обителей, постройках и хозяйственной деятельности монастырей²³. Материалы по Вологодской губернии отдельно собирались губернским статистическим комитетом. Данные публиковались с 1853 по 1916 г. в официальных справочных из-

¹⁷ Устав духовных консисторий. СПб., 1841, 1883, 1912 и др. издания.

¹⁸ Марта 27 [1841 года]. Высочайше утвержденный Устав Духовных Консисторий // ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

¹⁹ СЗРИ. Т. III, VIII, IX, XIII, XVI и др.

²⁰ Генваря 25 [1721 года]. Регламент или Устав Духовной Коллегии // ПСЗРИ-1. Т. VI. № 3718. С. 317.

²¹ Выписка из инструкции Великоустюжскому епископу, викарию Вологодской епархии // ВЕВ. 1888. № 8. С. 71–74; Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т.В. Барсов. СПб., 1885. Т. 1. С. 157–164.

²² Ратишин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852.

²³ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М., 1908; Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. В 3 т. СПб., 1890–1897.

даниях – памятных и справочных книжках²⁴, которые содержали историко-географические сведения о регионе, включая данные о духовном ведомстве, монастырях, благотворительности, а также цифровые сведения.

Большую ценность для исследователей истории Европейского Севера России представляет историко-археологический сборник И.К. Степановского «Вологодская старина», опубликованный в 1870 г. при содействии Вологодского губернского статистического комитета²⁵. Автор ставил целью обобщить многочисленные местные исторические и археологические источники и труды исследователей Вологодского края. В сборнике описаны уезды, города, исторические памятники региона, при этом особое внимание уделено церквям и монастырям.

Отдельную группу источников составляют данные периодической печати, опубликованные в том числе в «Вологодских епархиальных ведомостях», «Вологодских губернских ведомостях», «Церковных ведомостях», «Памятных книжках». Материалы содержали разнообразные сведения о монастырях, порой отсутствовавшие в других источниках, назначениях архимандритов, экономическом состоянии обитателей, участии церкви в благотворительности. Конечно, эти данные требуют особого подхода и дополнительной критической обработки, так как публиковались с разрешения церковных и светских властей, нередко после своеобразной или даже прямой цензуры, наблюдались изъятия части информации. С другой стороны, сведения этой группы источников часто были отрывочными. Как правило, их невозможно системно и единообразно выстроить по длительным хронологическим периодам.

Источники личного происхождения представлены воспоминаниями и путевыми заметками. Особый интерес для изучения истории развития монастырей Вологодской губернии представляют путевые заметки Б.В. Безсонова, А.С. Панкратова, И.А. Шергина. Путешественники оставили описания православных обитателей северного края, которые встретились на их пути²⁶. Богаты информацией воспоминания благотворителя северных монастырей, купца и судовладельца XIX в. А.В. Булычёва, впервые изданные в 2008 г.²⁷

²⁴ Вологодский календарь на 1881 г. [Церковный календарь. Статистический ежегодник. Адрес-календарь] / Издание Вологодской губернской типографии / Сост. Н.А. Полиектов. Вологда: Тип. губ. правл., 1870; Справочная книжка для Вологодской губернии за 1853 год. 2-е изд. доп. Вологда: Губ. тип., 1853; Памятная книжка для Вологодской губернии за 1860 год. Вологда: Тип. губ. правл., 1860 и др.

²⁵ Степановский И.К. Вологодская старина (историко-археологический сборник). Вологда, 1890.

²⁶ Безсонов Б.В. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ея Богатствам на реку Ухту. СПб., 1908; Панкратов А.С. Миллионы в земле. Поездка на Ухту. М., 1914; Шергин И.А. Богатства севера. М., 1908.

²⁷ Булычёв А. «Ныне к вам прибегаю». Жизнеописание соловецкого инок Афанасия, написанное им самим. Архангельск, 2008.

Важными источниками для выявления региональной специфики системы взаимоотношений монастырей и церковных властей являются неопубликованные документы, хранящиеся в 24 фондах четырех государственных хранилищ: Российского государственного исторического архива (РГИА)²⁸, Государственного архива Вологодской области (ГАВО)²⁹, Муниципального казённого архивного учреждения Великоустюгского муниципального района «Великоустюгский центральный архив» (МКАУ ВУЦА)³⁰, Государственного учреждения Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НА РК»)³¹.

Неопубликованные материалы, которые позволяют проанализировать направленность взаимоотношений монастырей и властей в Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX в., можно разделить на три группы: источники распорядительного характера, отчётные документы и «внутренняя» документация монастырей. Многие из этих источников в впервые вводятся в научный оборот.

Значительную часть материалов составляет документация распорядительного характера – нередко и по сути они являются актами нормативного плана. Эти источники представлены указами, распоряжениями, докладами и докладными записками, исходящими от Вологодского архиепископа и Великоустюгского епископа, из духовной консистории и духовных правлений. Эти документы характеризуют финансовое положение обитателей, их роль в пенитенциарной деятельности и благотворительности.

Отчётная документация представлена материалами всех уровней церковной иерархии. Наиболее интересны отчёты обер-прокуроров

²⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796 – Канцелярия Синода; Ф. 1183 – Хозяйственное Управление при Синоде.

²⁹ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496 – Вологодская духовная консистория; Ф. 511 – Горно-Успенский женский монастырь, г. Вологда Вологодской губернии; Ф. 512 – Спасо-Прилуцкий мужской монастырь, село Прилуки Вологодской губернии; Ф. 513 – Рождества Богородицы Сямский мужской монастырь, Вологодский уезд Вологодской губернии; Ф. 515 – Спасо-Каменный монастырь, Вологодский уезд Вологодской губернии; Ф. 519 – Арсениев Комельский женский монастырь, Грязовецкий уезд Вологодской губернии; Ф. 520 – Корнилиево-Комельский мужской монастырь, Грязовецкий уезд Вологодской губернии; Ф. 521 – Павло-Обнорский Троицкий мужской монастырь, Грязовецкий уезд Вологодской губернии; Ф. 522 – Григорьево-Пельшемский Лопотов мужской монастырь, г. Вологда Вологодской губернии; Ф. 523 – Дионисиево-Глушицкий мужской монастырь, Кадниковский уезд Вологодской губернии; Ф. 526 – Спасо-Суморинский монастырь; Ф. 693 – Троицкий Гledenский мужской монастырь, г. Великий Устюг Вологодской губернии; Ф. 1041 – Свято-Духов мужской монастырь, г. Вологда Вологодской губернии.

³⁰ Муниципальное казённое архивное учреждение Великоустюгского муниципального района «Великоустюгский центральный архив» (далее – МКАУ ВУЦА). Ф. 23 – Канцелярия Велико-Устюгского епископа; Ф. 364 – Великоустюгское духовное правление; Ф. 435 – Великоустюгский Иоанно-Предтеченский монастырь; Ф. 436 – Великоустюгский Михайло-Архангельский монастырь; Ф. 437 – Великоустюгский Знаменно-Филипповский монастырь; Ф. 438 – Николаево-Прилуцкий монастырь Великоустюгского уезда.

³¹ Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее – ГУ РК «НА РК»). Ф. 165 – Серёговский солеваренный завод; Ф. 231 – Яренское духовное правление; Ф. 232 – Троицко-Стефановский Ульяновский монастырь.

Святейшего синода, часть из них опубликована³². Они позволяют представить развитие монастырей в общероссийском масштабе и оценить их место в системе Вологодской епархии.

Весьма ценным источником являются отчёты монастырских благочинных, которым не уделяется должного внимания в исторической науке. Так, в этих отчётах отражены общие показатели по экономическому развитию обитателей, и они позволяют сопоставить окладные и неокладные доходы монастырей.

Деятельность отдельных иноческих обитателей раскрывается в отчётах, рапортах и ведомостях настоятелей. Данные об основании обителей, их расположении, о монастырском имуществе и хозяйственной деятельности указывались в ведомостях о состоянии монастырей, что позволяет рассматривать их как ценные источники по истории социально-экономического развития православных обитателей. В архивных фондах ведомости монастырей Вологодской губернии сохранились несистемно и не в полном объёме. Однако в целом они позволяют восстановить параметры контроля государственно-церковных властей и степень их вмешательства в хозяйственные отношения обитателей.

Значительный интерес представляют фонды архивов монастырей Вологодской епархии. Эти документы являются источниками для изучения финансовой деятельности монастырей, содержат отчёты об остаточных суммах и позволяют выявить причины усиления экономической состоятельности православных обитателей в конце XIX – начале XX в.

Более подробную информацию об обителях содержит «внутренняя» документация, представленная главным образом приходно-расходными книгами, описями имущества, послужными списками братии, журналами входящих и исходящих документов. Эти материалы являются ценными источниками и позволяют обнаружить общее и частное во взаимоотношениях православных монастырей и властей.

Необходимо отметить, что документы, отложившиеся в монастырских архивных фондах по Вологодской епархии, отличаются фрагментарностью и плохой сохранностью. Значительная часть источников утеряна, что усложняет системный анализ ряда вопросов и различных важных показателей.

Источники, выявленные и привлечённые для исследования отношений православных обитателей, с одной стороны, церковных и светских властей, с другой стороны, включают в себя многогранный материал. Видовое разнообразие, объём и состав выявленных документов позво-

³² Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода за 1884–1914 гг. СПб., 1885–1916; Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1836–1861, 1866–1883. СПб., 1837–1864, 1867–1885.

ляют системно анализировать историческую действительность и обеспечивают необходимую достоверность исследования эволюции связи монастырей и властей с конца XVIII по начало XX в. на примере Вологодской губернии.

Исследование указанной связи проводится нами в рамках концепции «центр – периферия», т. е. в рамках анализа взаимодействия центральной власти и периферии. Авторы осознают, что в роли «центра» могли выступать и губернские, и центральные органы власти, хотя нередко наблюдалось их сочетание. При этом теоретико-мировоззренческой составляющей является теория социальной модернизации, позволившая рассматривать взаимоотношения церковных властей и монастырей с позиций изменений в переходный период от традиционного типа общества к индустриальному. Другой составляющей является цивилизационная теория, в соответствии с которой большое внимание акцентируется на социокультурных особенностях процесса модернизации как в России в целом, так и в Вологодской губернии в частности. Оговорённые подходы позволяют исследовать процессы взаимодействия монастырей как элемента государственной церкви и властных структур в контексте политических, социально-экономических и социокультурных процессов, происходивших в России в конце XVIII – начале XX в. С течением времени общественная роль церковных институтов менялась. С одной стороны, на смену религиозной мотивации и церковной организации социальной деятельности пришли рационалистические мотивы и светские гражданские структуры, связанные с перестройкой общественного сознания на ориентированность в будущее, вследствие чего значение церковной организации стало падать. С другой стороны, власти, используя традиционные формы, пытались сдерживать кризисные явления в институте иночества. В конечном итоге взаимоотношения между православными монастырями и властями анализируются во временной динамике и в контексте соответствующего исторического фона, с учётом накопленных к нашему времени знаний.

Отметим, что монастырями в представленной научной работе называются общины монахов. В качестве синонимов используются формулировки «обитатели», «иноческие обитатели», «православные обитатели». При этом небольшие монастыри в отдалённых уединённых местах, возникшие в XV–XVII вв., получали название «пустынь», позднее, в XVIII – начале XX в., так традиционно именовались даже очень многолюдные монастыри³³.

Используемое в исследовании понятие «церковная власть» применяется к синодально-епархиальным органам управления. Напомним, что церковь в дореволюционный период являлась элементом государствен-

³³ Богословская энциклопедия. М.: Директмедиа Паблишинг, 2005. С. 790.

ного аппарата, представляя собой структуру со строгой иерархией, на нижней ступени которой находились монастыри. И наконец, авторы посчитали возможным поместить в Приложении 1 краткую справку о монастырях, существовавших в Вологодской губернии в 1796–1917 гг., основной материал для которой почерпнут из архивных источников, опубликованных документов и существующих исследований.

Глава 1

МОНАСТЫРИ И ЦЕРКОВНАЯ ВЛАСТЬ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Изучение истории монастырей и церковных властей имеет достаточно длительную традицию, в которой выделяются три этапа: 1) до-революционный – с 40-х гг. XIX в. до 1917 г.; 2) советский – с 1917 до конца 1980-х гг.; 3) постсоветский, или современный (1990-е гг. – начало XXI в.). На каждом этапе менялись круг изучаемых проблем и методологические подходы к объекту изыскания. Работы отличались разнообразием, что позволяет выделить несколько групп исторических исследований: сочинения по проблеме церковного управления, труды по истории монастырей и монашества, произведения, связанные с изучением отдельных вопросов развития иноческих обителей, и литература справочно-энциклопедического характера.

§ 1. Исследования по истории церковного управления

В дореволюционный период большое внимание авторов было обращено на изучение синодально-епархиального управления в Российской империи. Вопрос о целесообразности и эффективности синодального управления особенно остро стоял в обществе в конце XIX в.

Официальную позицию правительства Александра III относительно роли православной церкви в жизни общества и государства выразил обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев. Его перу принадлежит исследование «История Православной Церкви до начала разделения Церквей», отражающее ортодоксально-консервативную позицию³⁴.

Тема истории управления церковью развита в труде статского советника, члена церковного историко-археологического общества Казанской епархии И.Ф. Покровского. В работе достаточно подробно отражены создание и реформирование архиерейских кафедр, изменение границ епархий до конца XIX в.³⁵

На рубеже XIX–XX столетий выдвигались новые идеи по реформированию синодального устройства³⁶. Изучив деятельность Синода с 1721 г., профессор Санкт-Петербургской духовной академии Т.В. Барсов отме-

³⁴ Победоносцев К.П. История Православной Церкви до начала разделения Церквей. [Репринтное изд. 1891 г.]. СПб.; М., 2006.

³⁵ Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв. Казань, 1897. Т. 1; 1913. Т. 2.

³⁶ Барсов Т.В. Синодальные учреждения настоящего времени. СПб., 1899; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1–2. [Репринтное изд. 1904, 1917 гг.]. М., 2002.

чал, что в конце XVIII–XIX вв. существовала прямая зависимость церковных учреждений от светских властей. Исследователь предпринял попытку обосновать реформирование управления Русской православной церковью в направлении увеличения самостоятельности духовных ведомств³⁷.

В докторской диссертации Ф.В. Благовидова «Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия», изданной в виде монографии, синодальное устройство, напротив, рассматривалось как взаимовыгодный союз церкви и государства. В ней проанализированы взаимоотношения внутри церковно-государственной иерархии. По мнению Ф.В. Благовидова, с одной стороны, церковь в лице высшей иерархии и духовных учреждений наделялась обширными экономическими правами, выходящими за пределы социально-церковной сферы. С другой стороны, государство было заинтересовано в использовании авторитета и власти духовенства в своих интересах, поставив для этого во главе Синода обер-прокурора³⁸. В русле идей, высказанных Ф.В. Благовидовым в конце XIX в., звучали основные положения советской историографии.

Советская концепция истории развития Русской православной церкви изложена в монографии Н.М. Никольского, впервые опубликованной в 1930 г.³⁹ В исследовании, охватившем период от крещения Руси до «кризиса государственной церкви» в начале XX в., автор обобщил большое количество источников по истории Русской церкви. История православия в период XVIII – начала XX вв. рассматривалась Н.М. Никольским сугубо в контексте марксистско-ленинских идей (иного тогда не могло и быть) – в рамках разложения феодализма и генезиса капитализма в период от крепостного строя к пореформенной эпохе.

В исследованиях 1920–1980-х гг. подчёркивалось, что духовенство в дореволюционный период служило интересам самодержавия⁴⁰. В монографиях по истории русских революций православная церковь в целом

³⁷ Барсов Т.В. Святейший Синод, его первоначальный состав и последующие в нем изменения: к истории проектов улучшения в нашем церковном управлении // Христианское чтение. 1894. № 5–6. С. 441–470; Он же. Святейший Синод в царствование императора Александра II // Христианское чтение. 1895. № 11–12. С. 442–467; Он же. Положение Святейшего Синода в ряду высших государственных учреждений // Христианское чтение. 1896. № 1–2. С. 53–92; Синодальные учреждения настоящего времени. СПб., 1899 и др.

³⁸ Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1899.

³⁹ Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1988.

⁴⁰ Геркулов Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969; Геркулов Е.Ф., Курочкин П.К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. М., 1967. Вып. 4; Преображенская Е.А. Православная церковь и первая русская революция: Историографический обзор // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып. 5; Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 9.

воспринималась как контрреволюционная сила, при этом признавалось, что часть рядового духовенства тяготела к либерально-буржуазным позициям⁴¹. Неэффективность управления церковью советские историки считали одной из сторон кризиса самодержавия⁴².

В 1990–2000-е гг. публикуются новые научные изыскания, в которых предпринимается попытка воссоздания объективной картины исторической действительности в развитии церкви и государства (Ю.А. Катунин, А.И. Комиссаренко, Ю.Е. Кондаков, А.Ю. Полунов, Д.В. Поспеловский, С.В. Римский, В.А. Федоров)⁴³. Исследователи обратились к изучению различных вопросов истории религии, взаимоотношений между церковью и государством, условий возникновения и существования разных типов монастырей, влияния православных обитателей на материальную и духовную жизнь общества. Однако проблема отношений церкви и государства в синодальный период остаётся весьма дискуссионной.

§ 2. Труды по истории монастырей и монашества

Отдельную группу исследований составляют научные работы, отражающие историю монастырей и монашества. В частности, к изучению этой проблемы подключились церковные иерархи XIX в. В их трудах развитие иноческих обителей рассматривалось в контексте истории православия в России⁴⁴. Так, в 12-томном труде митрополита Макария (Булгакова) по истории Русской православной церкви приводится важный материал, в том числе и по различным аспектам развития монастырей и монашества⁴⁵. В 1877 г. была издана книга П.И. Чудецкого, в

⁴¹ Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 58–61; Кандидов Б.П. Церковь и 1905 год. М., 1926; Путинцев Ф.М. Политическая роль сектанства. М., 1929.

⁴² Куров М.Н. Революция 1905–1907 гг. и кризис царизма в религиозном вопросе / Вопросы научного атеизма. М., 1967. Вып. 19. С. 183; Платонов Н.Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 156–157.

⁴³ Катунин Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг.: (На материалах Крыма): автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2004; Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990; Кондаков Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003; Полунов А.Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е – первая половина 1890-х годов) // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 125–136; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995; Римский С.В. Российская церковь в период реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999; Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003.

⁴⁴ Архиепископ Филарет (Гумилевский). История Русской Церкви: Периоды 1–5 [Переизд. 1847–1848 гг.]. М., 2001; Знаменский П.В. История Русской церкви. [Репринтное изд. 1870 г.]. Paris–Москва, 1996.

⁴⁵ Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. В 12 т. [Репринтное изд. 1864–1886 гг.]. М., 1994–1998.

которой собрана информация о количестве и состоянии монастырей, существовавших и закрытых в Российской империи с XVIII в. до преформенного периода⁴⁶.

Заслуживают внимания работы по истории монастырей Вологодской губернии, написанные в 1840–1910-х гг. Важную веху в дореволюционной историографии региона представляют труды уроженца Вологды, магистра богословия, действительного статского советника П.И. Савваитова. Статья, напечатанная в журнале «Москвитянин», связана с посещением Вологды в 1841 г. издателем журнала М.П. Погодиным⁴⁷. Материал составлен в форме заметок путешественника и представляет собой описание старинных монастырей, расположенных в окрестностях Вологды, Тотьмы и Великого Устюга. В 1840–1860-х гг. автор опубликовал несколько книг и статей описательного характера о монастырях Вологодского, Великоустюгского, Сольвычегодского, Тотемского, Кадниковского уездов Вологодской губернии⁴⁸.

Во второй половине XIX в. изучением истории региона занимался редактор «Вологодских епархиальных ведомостей», сотрудник «Вологодских губернских ведомостей» Н.И. Суворов. Его перу принадлежит ряд трудов описательного характера по истории отдельных монастырей, некоторые из них содержат важные данные. Так, в «Описании Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря» автор существенно расширяет исторические сведения об одной из крупнейших обителей губернии. В другой работе – «Описание Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии» – предпринята первая попытка обращения к историко-краеведческому изучению этой обители⁴⁹.

Серию исследований о вологодских обителях достойно продолжила монография А.К. Лебедева о Вологодском Горнем Успенском женском монастыре. В ней содержатся редкие сведения, в том числе о создании и истории обители, почитаемых реликвиях, количестве братии, постройках, земельных владениях и приписной Николаевской Озерской пустыни⁵⁰.

⁴⁶ Чудецкий П.И. Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев, 1877.

⁴⁷ Савваитов П.И. Дорожные заметки от Вологды до Устюга // Москвитянин. 1842. Ч. 6. № 12. С. 310–336.

⁴⁸ Савваитов П.И. Описание Великоустюжского Архангельского и Троицкого Введенского монастырей. СПб., 1848; Он же. Описание Вологодского Спасо-Каменного Духова монастыря. СПб., 1860; Он же. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. СПб., 1844; Он же. Описание Семигородной Успенской пустыни и упраздненного Катромского Николаевского монастыря. СПб., 1856; Он же. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря. СПб., 1850 и др.

⁴⁹ Суворов Н.И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1902; Он же. Описание Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии. Вологда, 1866.

⁵⁰ Лебедев А.К. Успенский женский монастырь в г. Вологде и приписанная Николаевская Озерская пустынь. Вологда, 1899.

Ф.А. Арсеньев изучил прошлое Ульяновского мужского монастыря, ещё одной крупной обители Вологодской губернии, которая имела специфику создания в конце XIX в. и располагалась на северо-востоке региона – в Усть-Сысольском уезде. Важно, что автор уделил большое внимание описанию хозяйственной деятельности монашествующих в пореформенную эпоху⁵¹. Интерес к этой обители проявил и В. Лебедев, результатом чего стал труд «От Вологды до Ульянова монастыря, на дальнем севере у Зырян». Эта работа отличалась от написанной Ф.А. Арсеньевым даже по форме – паломническое путешествие по северо-восточной части Европейской России. При этом В. Лебедев описал расположение и других монастырей Вологодской епархии, их святыни и постройки, позволяя читателю увидеть православные обители Севера России в историко-географическом аспекте⁵².

Обратим внимание на тот факт, что работы по истории монастырей Вологодской губернии создавались с расчётом на широкий круг читателей: в 1840–1880-х гг. они публиковались в основном в «Вологодских губернских ведомостях». Их авторами были церковные иерархи (Архимандрит Августин⁵³), известные вологодские исследователи (Н.И. Суворов⁵⁴, П.И. Савваитов⁵⁵) и др.⁵⁶ Следует также особо выделить журнал «Вологодские епархиальные ведомости», который издавался Вологодской духовной семинарией с 1864 по 1917 г. В неофициальной части журнала публиковались статьи о прошлом иноческих обителей⁵⁷.

⁵¹ Арсеньев Ф.А. Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель. [Репринтное изд. 1889 г.]. Сыктывкар, 1995.

⁵² Лебедев В. От Вологды до Ульянова монастыря, на дальнем севере у Зырян // Труды IV Областного историко-археол. съезда в Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914.

⁵³ Архимандрит Августин. Описание Великоустюжского Архангельского монастыря // Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1847. № 8. С. 73–79; № 9. С. 83–87; № 19. С. 102–114.

⁵⁴ Суворов Н.И. Введенский монастырь и приписанный к нему Николаевский Коряжемский // ВГВ. 1878. № 11; Он же. Глушицкий Сосновецкий Дионисиев монастырь // ВГВ. 1876. № 16–23; Он же. Лопотов монастырь // ВГВ. 1875. № 18–20; Он же. Описание Арсениево-Комельского монастыря // ВГВ. 1869. № 23, 24; Он же. Описание Павло-Обнорского монастыря // ВГВ. 1866. № 3–7; 1870. № 2, 3; Он же. Описание Спасо-Каменного монастыря, что на Кубенском озере // ВГВ. 1871. № 1–10; Он же. Список монастырей прежних и существующих в Вологодской епархии // ВГВ. 1883. № 3–6.

⁵⁵ Савваитов П.И. Описание Семигородней Успенской пустыни и упраздненного Катромского Николаевского монастыря // ВГВ. 1870. № 6, 7.

⁵⁶ Балов Е. Сольвычегодский Введенский монастырь // ВГВ. 1851. № 9; Лобанов М. Семигородная пустынь // ВГВ. 1859. № 17; Попов А. Описание Иоанно-Предтечева девичья монастыря // ВГВ. 1877. № 9–15; Корнилиево-Комельский монастырь // ВГВ. 1883. № 1–6, 8–10; Корнилиев монастырь // ВГВ. 1839. № 13; Николаевский Прилуцкий монастырь // ВГВ. 1886. № 10; Описание Вологодского Спасо-Каменного Духова монастыря // ВГВ. 1885. № 1–4, 6; Описание Спасо-Прилуцкого монастыря // ВГВ. 1884. № 5–10, 12; Описание Спасской Ульяновской пустыни // ВГВ. 1867. № 2, 3; Сямский монастырь // ВГВ. 1881. № 1.

⁵⁷ Архимандрит Неофит. В колыбель зырянского женского иночества со святынею // Вологодские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1911. № 18. С. 437–447; Голосов А. Великоустюжский Михайло-Архангельский монастырь // ВЕВ. 1900. № 1, 4–6, 10, 14, 15, 18, 20; 1901. № 1, 3, 6, 8; Савваитов П.И. Об учреждении Вологодской епархии // ВЕВ. 1865. № 5. С. 164–196; № 6. С. 198–204; Суворов Н.И. Доп. к ст. об учреждении Вологодской епархии // ВЕВ. 1865. № 5. С. 170–183; Он же. К истории г. Вологды: Четыре богадельни духовного ведомства, бывшие некогда в г. Вологде // ВЕВ. 1890. № 16. С. 235–239 и др.

В советский период обобщающих трудов по истории русского монашества не издавалось, однако отдельные исследования прошлого монастырей Севера всё-таки проводились. Так, Ю.В. Гагарин заинтересовался историей Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря, совершил экспедицию в пос. Кылтово и опубликовал часть своих исследований в региональной прессе⁵⁸. В.И. Иванов проанализировал приходно-расходные книги архангельских и вологодских монастырей как источник по социально-экономической истории России⁵⁹, чем открыл широкое поле для дальнейших научных исследований.

В настоящее время на исследование фондов региональных архивов обращено особое внимание учёных. Расширение базы источников способствует изучению истории православных обитателей на материалах Вологодской губернии. На современном этапе сложилась новая исследовательская ситуация – появились многочисленные репринтные издания публикаций XIX – начала XX столетий по истории церкви и монастырей. В современной отечественной историографии развитие монастырей в XVIII – начале XX в. стало предметом отдельного рассмотрения учёных.

Развитию традиций монашества и истории монастырей в России посвящаются конференции и научные сборники⁶⁰. Публикуются научные статьи и монографии по различным аспектам истории православных обитателей⁶¹.

Особый интерес для нашего исследования представляет монография ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук П.Н. Зырянова, посвящённая православным монастырям России в 1800–1917 гг.⁶² Он обратил внимание на разные стороны жизни русского иночества и сделал ряд важных выводов. В частности, на основе приведённых статистических данных автор показал значительный рост монастырей и монашества в XIX – начале XX в.

⁵⁸ Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С. 125–126; Он же. Монастырь в Коми крае. Машинопись. 1979 // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 11. Л. 9; Он же. Недалеко от Серегово // Краевое знамя. 1977. 2 февраля.

⁵⁹ Иванов В.И. Приходно-расходные книги северных монастырей как источник по социально-экономической истории России: автореф. ... канд. ист. наук. М.: Ун-т дружбы народов, 1982.

⁶⁰ Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. Вып. 7: Историческое краеведение и архивы. Вологда, 2001; Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России / отв. ред. и сост. С.Б. Филатов. М.; СПб., 2002; Материалы Первой Всероссийской конференции «Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее». М., 2005; Монашество и монастыри в России XI–XX веков. М.: Наука, 2002 и др.

⁶¹ Иванов А. Свет миру. Книга о монашестве и монастырях на Руси. М., 2002; Русские монастыри: центральная часть России. М., 1995; Карпов А.Ю., Юрьев А.А. Самые знаменитые святые и чудотворцы России. М.: Вече, 2000; Монашество и монастыри в России, XI–XX века: ист. очерки / отв. ред. Н.В. Синицына. РАН, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2005; Рожина А.В., Рожина Т.Я. Женская обитель. История Крестовоздвиженского Кылтовского женского монастыря от основания до современности. Сыктывкар, 2018 и др. издания.

⁶² Зырянов П.Н. Русские монастыри ... М., 2002.

Положение православных обителей в России в синодальный период рассмотрено В.А. Федоровым⁶³. Он проанализировал как изменения в законодательстве в отношении монастырей, так и общие тенденции развития монашества.

В 1990-х – начале 2000-х гг. было защищено несколько диссертаций по истории северных монастырей⁶⁴. Появились и новые научные исследования, в которых отражены различные вопросы истории обителей, расположенных в Вологодской⁶⁵ и других северных губерниях⁶⁶. Из региональных работ выделяется труд доктора исторических наук А.В. Кам-

⁶³ Федоров В.А. Правовое положение русского монашества в XVIII–XIX вв. // Церковь в истории России. М., 1997. С. 151–154; Он же. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М., 2003.

⁶⁴ Есеева О.В. Пинежские монастыри Архангельской губернии в XVII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006; Котов П.П. 12 лет деятельности Диссертационного совета по отечественной истории в Сыктывкарском университете // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 5: История. Филология. Философия. 2007. № 5. С. 158–168; Рожина А.В. Монастыри и церковная власть в Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2012; Самсонова Т.Ю. Соловецкий монастырь: Хозяйственная деятельность, социальный состав и управление; вторая половина XIX – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Стикина Н.В. Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: на материалах Вологодской епархии: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2007; Третьякова С.В. Основатели монастырей в исторической памяти и религиозном укладе Белозерья: вторая половина XIX – первая четверть XX вв.: автореф. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2007 и др.

⁶⁵ Рожина А.В. Основание первого женского монастыря в Коми крае // Двинская земля. Материалы вторых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Котлас: «Правда Севера», 2003. Вып. 2. С. 172–177; Она же. К вопросу о феномене русского монашества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 01 (72). 2015. М., 2015. Ч. I. С. 109–110; Она же. Феминизация монашества на Европейском Севере России в начале XX в. // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции 27 февраля 2015 г.: в 7 ч. / под общ. ред. М.Г. Петровой. Белгород: ИП Петрова, 2015. Ч. IV. С. 44–46; Она же. Религиозные традиции и основание Кытловского Крестовоздвиженского женского монастыря у коми (зырян) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения – 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 223–225; Она же. Монастыри Вологодской губернии в записках путешественников XIX – начала XX вв. // XXIII научная конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин историко-архивного института РГГУ. К 70-летию со дня рождения Виктора Александровича Муравьева // Историческая география: Пространство человека. VS человек в пространстве. Материалы XXIII Международной научной конференции. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 385–387; Рожина А.В., Рожина Т.Я. Женская обитель ...; Желонкина А.А., Рожина А.В. Дело о закрытии Кытловского Крестовоздвиженского монастыря в начале XX века // III Всероссийская (XVIII) молодежная научная конференция «Молодежь и наука на Севере». Сыктывкар, 2018. С. 102–103; Карнюшина А.Д., Рожина А.В. Исторические источники о строительстве Кытловского Крестовоздвиженского монастыря в конце XIX века // III Всероссийская (XVIII) молодежная научная конференция «Молодежь и наука на Севере». Сыктывкар, 2018. С. 106–107; Реброва П.В., Рожина А.В. Священники Кытловского Крестовоздвиженского монастыря в конце XIX – начале XX века // III Всероссийская (XVIII) молодежная научная конференция «Молодежь и наука на Севере». Сыктывкар, 2018. С. 118–119; Роцневская Л.П. Несколько страниц из истории Кытловского Крестовоздвиженского женского монастыря в Коми крае // Монастыри и монашество и отношение к ним государства и общества: история и современное состояние. Материалы научно-практической конференции. Сыктывкар, 2000. С. 88–92; Таскаев М.В. Ульяновский монастырь как памятник церковного зодчества второй половины XIX века: история и современное состояние // I Коми республиканская научно-практическая конференция по историческому краеведению (тезисы докладов и сообщений). Сыктывкар, 1988; Он же. Ульяновский монастырь (историческая справка) // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. С. 83–95 и др.

⁶⁶ См., например: Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М.: Круглый год, 1999. С. 79–96.

кина. Исследователь истории Русского Севера посвятил развитию монастырей отдельную главу своей работы. В конце XIX – начале XX в., по убеждению А.В. Камкина, «в жизни северных монастырей наблюдался некоторый духовный и хозяйственный подъём»⁶⁷.

Представители духовенства, участвовавшие в возрождении древних обителей, также обращались к изучению истории монастырей региона. Их исследования, опубликованные в научно-популярных сборниках, носят историко-краеведческий характер⁶⁸.

§ 3. Изучение отдельных вопросов развития иноческих обителей

В научных статьях и монографиях рассмотрены различные аспекты проблемы регулирования государством развития монастырей: формирование экономических отношений, социальное служение, демографические процессы. Ещё в XIX в. исследователи обратились к изучению экономического положения православных обителей. В историографии дореволюционного периода дан анализ изменения системы церковного землепользования и экономического развития монастырей с 60-х гг. XVIII до начала XX в.

В дореволюционный период, как правило, отрицалась целесообразность отторжения церковных вотчин в пользу государства⁶⁹. Так, в статье «Отношение государственной власти к церкви и духовенству в царствование Екатерины II» П.В. Беликов высказал негативное отношение к результатам секуляризации. Он считал, что усиление давления государства на внутреннюю жизнь монастырей негативно повлияло на их развитие⁷⁰.

В работе «Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей», опубликованной в 1876 г. под псевдонимом, В.И. Семевский, напротив, подверг критике чрезмерную самостоятельность церкви и иноческих обителей. Однако выводы об экономическом развитии монастырей были сделаны исследователем без учёта реальных потребностей обителей. В итоге он предложил лишить обители земельной соб-

⁶⁷ Камкин А.В. Православная церковь ... С. 64.

⁶⁸ Епископ Питирим. Основатели Ульяновского монастыря // Связь времен / сост. И.Л. Жеребцов, М.И. Курочкин. Сыктывкар, 2000. С. 175; Иеромонах Трифон. Кытловский монастырь // Родники Пармы. Научно-популярный сборник / сост. В.А. Блинов, М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 1993. С. 181–185; Старшая монахиня Стефанида (Запорощенко). История и современность Крестовоздвиженского Кытловского женского монастыря // Монастыри и монашество и отношение к ним государства и общества: история и современное состояние. Материалы научно-практической конференции. Сыктывкар, 2000. С. 108–112.

⁶⁹ Завьялов А.А. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. СПб., 1900; Милютин В.О. О недвижимых имуществе духовенства в России. СПб., 1862; Кузнецов Н.Д. К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России. Сергеев Посад, 1907 и др.

⁷⁰ Беликов П.В. Отношение государственной власти к церкви и духовенству в царствование Екатерины II // Чтения в обществе Любителей духовного просвещения. М., 1875. № 7.

ственности и ужесточить контроль со стороны государства и земств над монастырскими доходами и расходами⁷¹. В продолжение выдвинутых идей известный историк, рассмотрев положение экономических крестьян до начала XIX в., дал положительную оценку реформы 1764 г. как «великой и благодетельной для крестьян»⁷².

Представители церкви, в свою очередь, крайне негативно оценивали контроль над монастырями, выступая за усиление самостоятельности русских обитателей и освобождение их из-под излишней опеки⁷³. В целом эта позиция характерна для дореволюционных исследователей, которые негативно смотрели на сложившуюся систему церковного управления.

Советские историки изучали экономическое развитие монастырей как вотчинников, уделяя преимущественное внимание рассмотрению землевладения и хозяйственной деятельности духовенства⁷⁴. В историографии преимущественно рассматривалось положение монастырей после секуляризации. В трудах, посвящённых изучению реформы 1764 г., отмечалось, что огосударствление церковных земель и оформление финансового содержания священно- и церковнослужителей способствовали сокращению доходов духовенства⁷⁵.

В конце XX – начале XXI в. оказались затронуты и вопросы о роли монастырей и монашествующих в политической жизни в период Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и в годы Гражданской войны. В частности, эти вопросы были исследованы М.В. Таскаевым на примере двух обитателей Коми края⁷⁶. Впрочем, в целом отмеченные вопросы по-прежнему редко оказываются в центре внимания историков и требуют специального изучения.

⁷¹ Ростиславов Д.И. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876.

⁷² Семевский В.И. Крестьяне духовных вотчин во второй половине XVIII в. // Русская мысль. М., 1882. Кн. IX–X. С. 158.

⁷³ Архимандрит Пимен (Мясников). В защиту монашества. Опыт ответа на книгу «Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей». М., 1876; Епископ Леонид (Кавелин). Критический обзор сведений о Свято-Троицкой Сергиевой лавре, сообщаемых в книге «Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей». СПб., 1876». М., 1876.

⁷⁴ Борисов А.М. Кризис церковного и монастырского землевладения и хозяйства в 40-х – 60-х годах XVIII в. // История СССР. М., 1968. С. 3; Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1930; Смирнова В.Б. Вотчинное хозяйство в XVIII – первой четверти XIX в. (по материалам Саровского монастыря): дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.

⁷⁵ Водарский Я.Е. Землевладение Русской православной церкви и ее хозяйственно-экономическая деятельность (XI – начало XX в.) // Русское православие: Вехи истории. М., 1985; Захарова Л.Ф. К последствиям секуляризации церковных земель в России // Вопросы истории. М., 1982. № 12; Зинченко А.Л. Секуляризация церковного землевладения на Правобережной Украине (конец XVIII – 40-е годы XIX века): дис. ... канд. ист. наук. М., 1983 и др.

⁷⁶ Таскаев М.В. Ульяновский монастырь в годы революции и гражданской войны // Русская Православная Церковь в Коми крае: некоторые вопросы истории (Материалы научно-практической конференции). Сыктывкар, 1998. С. 68–79; Он же. Духовенство в гражданской войне (1918–1920 гг.) (по материалам Коми края) // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 264–266; Он же. Духовный отец Коми автономии // Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В., Жданов Л.А. Создатели Коми автономии (серия «Стоявшие у истоков», вып. 2). Сыктывкар, 2006. С. 47–61.

В настоящее время имеется комплекс научных разработок по истории земельной собственности русских монастырей в синодальный и досинодальный периоды⁷⁷. История развития сельскохозяйственного производства в России, на Европейском Севере страны в том числе, уже неоднократно анализировалась исследователями⁷⁸. Эти проблемы по Вологодской губернии или части её рассматривались как в контексте страны или региона, так и собственно по губернии⁷⁹.

Однако в современной исторической науке экономические аспекты развития монастырей по-прежнему остаются одной из значимых проблем. Нуждаются в специальном исследовании и некоторые другие аспекты, связанные с тем, что церковь и монастыри являлись частью государственного механизма, в рамках которого нередко вводились особые обязательства. Так, с конца XVIII в. в России были введены запасные хлебные магазины для создания продовольственных резервов. Каково было участие монастырей в этой системе, остаётся не до конца прояснённым⁸⁰. Между тем для отдельных категорий крестьянства это выливалось в серьёзные трудовые обязательства. Так было, например, в удельной деревне, где ввели общественную запашку⁸¹. Заметим, что

⁷⁷ См., например: Яшина О.Н. Земельная собственность Русской Православной Церкви в России в XVIII – первой половине XIX веков (Историческое исследование): дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

⁷⁸ История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1; 1986. Т. 2; История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994; Ковальченко И.Д. Динамика уровня земельного производства России в первой половине XIX в. // История СССР. 1959. № 1. С. 53–86.; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976; Котов П.П. Производство зерновых и картофеля в Архангельской губернии в 1801–1890 гг. // Слово о людях и земле Поморской. Доклады и тезисы докладов III научно-краеведческих чтений. Архангельск, 1995. С. 177–181; Он же. Роль законодательных актов Российской империи в изучении результативности земледелия XVIII–XIX вв. // История государства и права. 2010. № 22. С. 12–14; Он же. Уровень земледелия в Архангельской губернии в последней трети XVIII в. // Проблемы истории России XVIII–XX вв. Научные чтения памяти профессора Ю.Д. Марголиса. Сыктывкар, 1997. С. 25–45; Он же. Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX в. // Хозяйство северного крестьянства в XVI – начале XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1987. С. 21–29; Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века (по материалам губернских отчётов) // Исторические записки. 1968. Т. 81. С. 216–258.

⁷⁹ Котов П.П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX века. Сыктывкар, 1996; Он же. Посевы и урожаи зерновых хлебов в Вологодской губернии в начале – второй трети XIX в. // Россия в девятнадцатом веке. Политика, экономика, культура. Санкт-Петербург, 1994. С. 114–121; Рожина А.В. Источники доходов монастырей Вологодской губернии в 1860–1917 годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 160–163; Она же. Доходы монастырей Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4/2 (76). С. 180–183.

⁸⁰ Котов П.П. Формирование системы хлебных и денежных запасов на случай неурожая в законодательстве России XVIII – первой половины XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2-1 (28). С. 91–95; Он же. Хлебные запасные магазины по законодательным источникам России XVIII – первой половины XIX веков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 90–96; Чудов С.И. Система продовольственной безопасности Российской империи на Европейском Севере в XVIII – начале XX века. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2020.

⁸¹ Котов П.П. Материалы об общественной запашке удельных крестьян Европейского Севера

её введение повлекло за собой отрезку крестьянской пашни – лучших по качеству участков. Это сокращение не было преодолено и в ходе отмены крепостного права, и крестьяне навсегда лишились указанных угодий⁸².

В историографии выделяется значительный пласт исследований по вопросам православной благотворительности и реализации социально-исправительной практики в монастырях. Изучение проблем социального служения монастырей началось уже в дореволюционной историографии. В трудах В.О. Ключевского, И.К. Лабутина, Е. Никитина, Г. Ульгорна православная благотворительная деятельность рассматривалась как важная, неотъемлемая часть социальных практик⁸³. С другой стороны, тема использования пенитенциарной практики монастырей как средства внесудебной расправы поднимается исследователями с 1840-х гг.⁸⁴ Вопросы «ссылки» в северные обители были рассмотрены в трудах С.В. Максимова и А.С. Пругавина⁸⁵.

В советской историографии православная благотворительность почти не изучалась. Лишь в отдельных работах (Е.Ф. Грекулов, М.С. Корзун) критически оценивались социальные практики церкви⁸⁶. Однако социально-исправительная деятельность православной церкви получила освещение. Наиболее зримой проблемой была дискуссия о церковной инквизиции. Историки не отделяли монастырскую тюрьму от государственной и считали, что заключение в монастырь – это проявление тюремной системы дореволюционной России⁸⁷. В частности, в работах

России как исторический источник // Петербургские чтения – 97. Петербург и Россия. СПб., 1997. С. 453–457; Он же. Общественная запашка в удельной деревне России в 1828–1861 годах: по материалам Европейского Севера // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2018. Т. 28. № 1. С. 13–22; Он же. Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828–1861 гг.) // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период). Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1986. С. 86–95.

⁸² Котов П.П. К вопросу о реформе 1863 г. на Севере // Изучение аграрной истории Европейского Севера на современном этапе. Сборник статей / Коми научный центр УрО АН СССР. Сыктывкар, 1989; Он же. О земельном обеспечении бывших удельных крестьян по реформе 1863 года // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. Воронеж: Воронежский ун-т, 1988. С. 54–63.

⁸³ Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. М., 1915; Никитин Е. Христианская благотворительность. М., 1907; Лабутин И.К. Характер христианской благотворительности. СПб., 1899; Ульгорн Г. Христианская благотворительность в древней церкви. СПб., 1899.

⁸⁴ Веретенников В.И. История Тайной канцелярии Петра I. Харьков, 1910; Голубев А.А. Сыскной приказ. Общественный быт и судопроизводство. По документам Московского архива и министерства Юстиции. М., 1884; Есипов Г. Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880; Линовский В. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1848.

⁸⁵ Максимов С.В. Год на Севере. М., 1890. С. 24–25; Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1905. С. 11–16; Он же. В казематах. Очерки и материалы по истории русской тюрьмы. СПб., 1909. С. 13–14.

⁸⁶ Грекулов Е.Ф. Православная церковь – враг просвещения. М., 1962; Корзун М.С. Русская Православная церковь на службе эксплуататорских классов (X век – 1917 год). Минск, 1984 и др.

⁸⁷ Артамонов Д.С. Северные церковники на службе у царизма. Архангельск, 1940; Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1–5. М., 1960–1963; Дмитриев А.Д. Инквизиция в России. М., 1937.

Г.Г. Фруменкова и Б.И. Расина подробно рассматривались практики заключения в северные монастыри⁸⁸.

Начиная с 90-х гг. XX в. «социальная активность», «социальное служение» и «благотворительность» православной церкви стали объектами кандидатских и докторских диссертационных исследований⁸⁹. Учёные рассмотрели основы и исторические этапы православного попечительства и призрения в контексте развития России, взаимосвязь благотворительности с государственными структурами социального обеспечения⁹⁰.

Отдельным аспектам православной культурно-благотворительной деятельности в Вологодской губернии посвящены исследования О.Е. Бондаренко, Л.Т. Кубышкиной, Н.А. Дойниковой, С. Рассказовского, Н.И. Суркова⁹¹. Некоторые направления истории благотворительности церкви на Севере России исследованы в диссертациях Г.Д. Курмановой, Т.А. Носовой, Л.В. Хотемовой, подготовленных под научным руководством профессора П.П. Котова⁹². Эти же вопросы затронуты и в серии статей перечисленных авторов⁹³.

⁸⁸ Расин Б.И. Тюрьма без решеток. Из истории царской ссылки. Сыктывкар, 1966; Фруменков Г.Г. Из истории ссылки в Соловецкий монастырь в XVIII в. Архангельск, 1963; Он же. Судьба Знаменосца. Я. Потапов в ссылке в Соловецком монастыре // Наука и религия. 1976. № 12; Он же. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1979.

⁸⁹ Афиногенова А.П. Социальная активность Русской православной церкви: дис. ... канд. филос. наук. М., 1993; Зубанова С.Г. Социальное служение Русской Православной Церкви в XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002; Кустова Е.В. Монастыри и монашество в социокультурной истории Приуралья в середине XV – первой четверти XVIII века: дис. ... д-ра ист. наук. Киров, 2017; Фирсов М.В. Социальная работа в России: теория, история, общественная практика: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997; Штепа А.В. Социальное служение Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX веков: на материалах Калужской епархии: автореф. ... канд. ист. наук. Брянск, 2005 и др.

⁹⁰ Власов П.В. Обитель милосердия. М., 1999; Он же. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001; Кононова Т.Б. История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; Пашенцев Д.А. Благотворительная деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1995.

⁹¹ Бондаренко О.Е., Кубышкина Л.Т. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в Коми крае (кон. XIX – нач. XX вв.) // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований: Материалы межрегиональной научной конференции, Вологда, 20–21 июня 2000 г. Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. Вологда, 2001. С. 55–64; Дойникова Н.А. Социальное служение православной церкви во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Вологодской епархии): автореф. ... канд. ист. наук. М., 2006; Кустова Е.В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Киров, 2016; Рассказовский С. Общественная деятельность благотворительных заведений Вологодской губернии // Вестник НСО. Серия: Психолого-педагогические науки. Вологда, 2004. С. 15–24; Сурков Н.И. Благотворительная деятельность священнослужителей Русской Православной Церкви в Коми крае в начале XX века // Социальное служение Русской Православной Церкви: исторический опыт и современное состояние: Материалы научно-практической конференции. Сыктывкар, 1998. С. 66–71.

⁹² Курманова Г.Д. Социальное призрение на Европейском Севере в последней трети XIX – начале XX вв.: автореф. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2001; Носова Т.А. Православные братства Вологодской епархии в конце XIX – начале XX века: автореф. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006; Хотемова Л.В. Система социального призрения детей на Европейском севере России (последняя четверть XVIII – начало XX века): дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2003.

⁹³ Котов П.П., Курманова Г.Д. Расходы Сольвычегодского уездного земства на социальное призрение (по материалам отчетов о суммах и капиталах за 1908–1912 годы) // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX – XX вв. Тезисы научно-практи-

Вопросы использования монастырей для наказания провинившихся лиц рассматриваются современной историографией в различных социально-правовых аспектах⁹⁴. Среди работ по социально-исправительным практикам монастырей в России и по губерниям Европейского Севера страны, в частности, можно выделить научные исследования А.Д. Марголиса и Е.В. Пашенко⁹⁵.

Социально-исправительная деятельность северных монастырей наиболее полно представлена в диссертации А.Р. Павлушкова⁹⁶. На примере Вологодской, Новгородской и Архангельской губерний учёный рассмотрел количество, состав ссыльных, пенитенциарную специализацию монастырей, а также нормативно-правовые основы монастырской социально-исправительной деятельности и непосредственно монастырский пенитенциарный цикл от судопроизводства до освобождения

ческой конференции. Яренск, 2003. Ч. 1. С. 96–100; Котов П.П. Политика попечительства удела и ее результаты: на примере Европейского Севера России // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2012. № 3. С. 103–107; Котов П.П., Носова Т.А. Возникновение и основные направления деятельности Стефано-Прокопьевского православного братства // Двинская земля. Материалы вторых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Отв. ред. Н.В. Шептяков. Котлас, 2003. С. 151–159; Котов П.П., Хотимова Л.В. Виды призерия детей в начале XX века на территории Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX–XX вв. Тезисы научно-практической конференции. Яренск, 2003. Ч. 1. С. 89–92; Они же. Роль земств в становлении системы социальной поддержки детей в начале XX века (на примере Сольвычегодского уезда) // Двинская земля. Материалы вторых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Отв. ред. Н.В. Шептяков. Котлас, 2003. С. 35–44; Они же. Формирование системы социальной защиты и поддержки детей-сирот на Европейском Севере России (последняя четверть XVIII – середина XIX в.) // Вузовская наука – региону. Вологда, 2004. С. 365–367; Рожина А.В. К вопросу о социальном служении православных монастырей в России в начале XX века (по материалам Вологодской епархии) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы X Междунауч. конф., Иваново, 16–17 февраля 2011 г.: в 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 341–347; Она же. Благотворительная деятельность монастырей Вологодской губернии в годы Первой мировой войны // Уроки истории. Великая Отечественная и Вторая мировая войны, исторические и геополитические аспекты: сборник статей Пятой международной научно-практической конференции: «Уроки истории. Великая Отечественная и Вторая мировая войны, история России и мира XX–XXI веков» / 29–30 сентября 2011 г., Санкт-Петербург, Россия / под ред. А.П. Кудинова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. С. 136–138; Она же. Благотворительная деятельность монастырей Вологодской губернии как один из аспектов социальной практики в России в конце XVIII – начале XX вв. // Новая локальная история: социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей. 2010. Интернет-конференция. Межвузовский научно-образовательный центр Ставропольского государственного университета и Российского государственного аграрного университета: <http://www.newlocalhistory.com/node/402>.

⁹⁴ Детков Н.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994; Ефремов В.А. Сыск и политическая полиция самодержавия: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996; Зориков А.Н. Региональные структуры пенитенциарной системы и благотворительные тюремные общества России на рубеже XIX–XX вв. На материалах Тверской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 1996; Лисин А.Г., Петренко Н.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российского государства в XVIII – нач. XX вв. М., 1996; Чернышевский Д.В. Карательная политика царизма в 1881–1894 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1990; Рожина А.В. Пенитенциарная практика монастырей Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. № 7 (102). Вып. 18. С. 116–122.

⁹⁵ Марголис А.Д. Тюрма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996; Пашенко Е.В. Некоторые аспекты ссылки в женские монастыри Архангельской губернии в XIX–XX вв. // Экология человека. 1999. № 1. С. 80.

⁹⁶ Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2000.

дения ссыльных. Изучая социально-исправительную практику Вологодских обитателей XVIII–XIX вв., А.Р. Павлушков указывал на наличие специализации содержащихся в монастырской ссылке по типу правонарушений и социальному составу⁹⁷. Он выявил, что пик активности ссылки в Вологодских обителях приходился на первую половину XIX в., и во второй половине XIX в. северные монастыри не использовались как место «религиозно-исправительного наказания» светских лиц⁹⁸.

Демографические процессы, протекавшие в монастырях в синодальный период, получили меньшее освещение в историографии. Общие данные по численности послушников и монахов в Российской империи приведены в монографиях С.Л. Фирсова, П.Н. Зырянова, В.А. Федорова⁹⁹. В их работах социальный состав монастырских насельников исследовался на примере отдельных регионов на основе архивных источников и статистических данных.

Анализ социального состава иноков до XIX в. был затруднён плохой сохранностью источников. Отдельные показатели демографической ситуации в монастырях в XIX–XX вв. рассмотрены в диссертациях Е.В. Андреевой, Т.В. Балашовой, С.С. Жирова, Ю.Н. Кожевниковой, Н.П. Рузановой¹⁰⁰. К исследованию социального и возрастного состава монахинь Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря в конце XIX – начале XX в. обращалась Л.П. Роцевская¹⁰¹. Однако социальный состав братии монастырей Вологодской губернии в целом за период с конца XVIII до начала XX в. остаётся малоизученным.

Значимый вклад в изучение истории православия и различных сторон монастырской жизни внесли также представители зарубежной исторической мысли. Последний обер-прокурор Синода А.В. Карташев, став профессором Парижского Богословского института, издал монографию по истории Русской церкви. Исследовав фактический материал до начала XIX в., он разделил историю Русской православной

⁹⁷ Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей ... С. 77.

⁹⁸ Там же. С. 122.

⁹⁹ Зырянов П.Н. Русские монастыри ... М., 2002; Федоров В.А. Русская православная церковь ...; Фирсов С.Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. М., 1996. Приложение.

¹⁰⁰ Андреева Е.В. Монастыри Екатеринбургской епархии: административно-экономическое и социально-культурное развитие: 1861–1935 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006; Балашова Т.В. Московские монастыри в социокультурной среде столичного города второй половины XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Жиров С.С. История монастырей и монашества Курской епархии во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2003; Кожевникова Ю.Н. Православные монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в.: автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2006; Рузанова Н.П. Социально-историческая роль монастыря Козельская Введенская Оптина Пустынь в общественной жизни России XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

¹⁰¹ Роцевская Л.П. Экономика Ульяновского монастыря в Коми крае 1866–1917 гг. / Проблемы истории России XVIII–XX веков (Научные чтения памяти профессора Ю.Д. Марголиса) / отв. ред. А.В. Ненахов. Сыктывкар: ИПО СГУ, 1997. С. 64–73.

церкви в соответствии с дореволюционной традицией. В его работе периоды выделены в зависимости от изменения структуры церковного управления: митрополитский, патриарший и синодальный¹⁰².

В 1929 г. в Париже была опубликована книга «Святая Русь» ещё одного русского историка и писателя русского зарубежья Н.Д. Тальберга. В ней автор ярко и убедительно доказал, что Русское государство находилось в неразрывной связи с православной церковью¹⁰³. Другой монументальный труд Н.Д. Тальберга «История русской церкви» охватывает период с правления Александра I до Николая II и включает в себя рассмотрение таких вопросов, как епархиальное управление и развитие монастырей¹⁰⁴.

В 1996 г. в нашей стране было издано исследование по истории Русской церкви сотрудника Восточноевропейского института при Свободном университете (Берлин), доктора философии и богословия И.К. Смолича, написанное ещё в 1960-х гг. Особое внимание автор монографии уделил характеристике системы ведения монастырских хозяйств. По его мнению, проведение секуляризации было весьма целесообразно и предоставило церкви возможность для внутреннего обновления¹⁰⁵. В следующей монографии «Русское монашество» И.К. Смолич изучил вопрос о становлении института монашества на Руси и его реформировании с Крещения Руси до 1917 г. При этом он не ставил целью изучение монастырей в региональном аспекте¹⁰⁶.

§ 4. Литература справочно-энциклопедического характера

Одним из важных показателей накопленных знаний по любой проблеме являются литература справочного характера, энциклопедии и путеводители. Подобного рода труды по русским православным монастырям стали издаваться в начале XX в. Наиболее известный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи был выпущен в 1907 г.¹⁰⁷ Разнообразные сведения об иноческих обителях Российской империи были систематизированы в энциклопедии «Православные русские обители», составленной П.П. Сойкиным¹⁰⁸, и «Пра-

¹⁰² Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1–2. [Репринтное изд. 1959 г.]. М.: Терра, 1991–1992.

¹⁰³ Тальберг Н.Д. Святая Русь. Париж, 1929.

¹⁰⁴ Тальберг Н.Д. История русской церкви. Джорданвилль, 1954.

¹⁰⁵ Смолич И.К. История Русской Церкви. М., 1996. С. 255.

¹⁰⁶ Смолич И.К. Русское монашество: 988–1917. М., 1997.

¹⁰⁷ Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и св. г. Афону. [Репринтное изд. 1907 г.]. СПб.: Альфарет, 2008.

¹⁰⁸ Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне / сост. П.П. Сойкин. [Репринтное изд. 1910 г.]. СПб., 1994.

вославной богословской энциклопедии» в 12 томах, опубликованной под редакцией А.П. Лопухина и Н.Н. Глубоковского¹⁰⁹.

В 1990–2000-х гг. в связи с усилением интереса к церковной истории было выпущено несколько работ энциклопедического характера, в которых систематизируются различные сведения, в том числе и о древних иноческих обителях Российской империи. Авторы предприняли попытки собрать и систематизировать материал об основании обителей, настоятелях монастырей, социально-экономической истории монастырских комплексов¹¹⁰.

Статьи ведущих учёных Европейского Севера России о судьбах православных обителей Вологодской губернии заняли достойное место в справочной и энциклопедической литературе по истории городов и регионов¹¹¹. В публикациях по истории монашества, изданных в начале 2000-х гг. при поддержке Русской православной церкви, представлены важные сведения о Вологодской епархии и монастырях Вологодской губернии¹¹².

Обобщение материалов по истории церквей и монастырей, сохранившихся на территории современной Вологодской епархии, представлено в «Церковно-историческом атласе Вологодской области»¹¹³. В первом томе приведены характеристики бывших и ныне существующих церквей и монастырей: время их возникновения и упразднения, статус обители в начале XX в., основатели и месторасположение¹¹⁴. Однако он

¹⁰⁹ Православная богословская энциклопедия / под ред. А.П. Лопухина и Н.Н. Глубоковского. В 12 т. СПб., 1900–1911.

¹¹⁰ Православные монастыри России: Краткий справочник. Новосибирск, 2000; Русские монастыри. Север и Северо-Запад России. М., 2001; Храмы. Монастыри / Серия: Самые красивые и знаменитые. М.: Аванта+, 2003 и др. издания.

¹¹¹ Вологда в минувшем тысячелетии. Очерки истории города / редкол.: А.В. Камкин, Л.Д. Коротаева, А.Н. Лукичев и др. Вологда: Древности Севера, 2004; Жеребцов И.Л. Кылтово // Республика Коми: Энциклопедия / под ред. П.М. Столповского. Т. 2. Сыктывкар, 1999. С. 181; Вологда, XII – начало XX века: Краеведческий словарь / Ф.Я. Коновалов, Л.С. Панов, Н.В. Уваров. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1993; Рогачев М.Б. Кылтовский Крестовоздвиженский монастырь // Коми-зыряне. Историко-этнографический справочник / сост. Н.Д. Конаков. Сыктывкар, 1993. С. 66–67; Он же. Строитель Ульяновской пустыни // Связь времен / сост. И.Л. Жеребцов, М.И. Курочкин. Сыктывкар, 2000. С. 89; Он же. Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь // Коми-зыряне. Историко-этнографический справочник / сост. Н.Д. Конаков. Сыктывкар, 1993. С. 155–156; Родецкая Л.П. Игуменя Кылтовского монастыря // Связь времен / сост. И.Л. Жеребцов, М.И. Курочкин. Сыктывкар, 2000. С. 190; Сазонов А.И. Моя Вологда: Прогулки по старому городу. Вологда: Древности Севера, 2006 и др.

¹¹² Монастыри: энциклопедический справочник / сост. А.В. Никольский; под общ. ред. архиеп. Бронницкого Тихона. М.: Издательство Московской Патриархии: Республика, 2000; Монастыри русской православной церкви: справочник-путеводитель. Вып. 1 / сост., подгот. и оф. Л.Г. Рудин, П.В. Кузнецов. М.: Изд-во Моск. Патриархии: Фонд «Преображение», 2001; Смирнова С.С. Вологодская и Великоустюгская епархия в XVIII – начале XX вв. // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Алексия II. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. Т. 9. С. 245–248.

¹¹³ Церковно-исторический атлас Вологодской области / автор-сост. Н.М. Македонская. В 2 т. СПб., 2007.

¹¹⁴ Списки церквей и монастырей // Церковно-исторический атлас Вологодской области / автор-сост. Н.М. Македонская. СПб., 2007. Т. 1. С. 233–253.

составлен относительно территории современной Вологодской области, границы которой существенно отличаются от территории Вологодской епархии в начале XX в. В результате в издании отсутствуют сведения о нескольких монастырях, в том числе о двух обителях Великоустюгского уезда – Лальском Архангельском и Николаево-Прилуцком. С другой стороны, в «Атласе» сведения об основании отдельных монастырей не совпадают с данными из других источников и исследований.

Таким образом, анализ научных и научно-энциклопедических трудов позволяет выявить существенное различие между степенью изученности церковной истории в целом и её локальных региональных измерений. Определённые успехи достигнуты в изучении отдельных сторон монастырской жизни, в первую очередь хозяйственно-экономической.

Дореволюционные исследователи не были единодушны в оценке взаимоотношений синодально-епархиальной структуры властей с монастырями, и многие признавали излишнюю опеку государства над церковью. В советский период полномасштабные исследования истории православных обителей не проводились. В немногочисленных работах советских историков наибольшее внимание уделялось экономическому развитию монастырей и их общественной роли как мест заключения без учёта реализуемых социальных практик.

Всплеск научного и общественного интереса к истории Русской церкви прослеживается в постсоветский период. В настоящее время предпринимается попытка переосмысления и поиска новых подходов к изучению, в частности, монашества в контексте развития общества и государства. Несмотря на широкое обсуждение в современном обществе развития Русской православной церкви как неотъемлемой части истории России, история православных обителей остаётся слабо освещённой в научной литературе.

Глава 2

МОНАСТЫРИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В 1796–1917 ГОДАХ

§ 1. Структура синодально-епархиальных властей

Изучение истории развития синодально-епархиального управления началось в XIX столетии и по-прежнему является актуальной темой для исследований. Внимание современных учёных направлено на рассмотрение правового положения православной церкви и взаимоотношений внутри аппарата государственно-церковных властей в России¹¹⁵.

С начала XVIII в. главой Русской православной церкви провозглашался действующий император. В «Духовном регламенте», утверждённом в 1721 г., фиксировалось, что «Император яко христианский Государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния»¹¹⁶. Наряду с этим утверждался Святейший правительствующий синод. Он представлял собой высшую административно-судебную инстанцию Русской православной церкви во главе со светским чиновником – обер-прокурором, опиравшимся в своей деятельности на штат служащих духовного ведомства. Для ведения делопроизводства была учреждена канцелярия Синода. В её компетенцию входили оформление указов и журналов заседаний Синода, сбор сведений о состоянии епархий, монастырей, приходов, церковных миссий и духовных учебных заведений.

Для осуществления церковного управления на местах Святейший синод назначал в епархиях архиереев. Духовный регламент вменил в обязанности архиереев объезжать свою епархию не менее раза в год и «непрерывно» представлять годовые отчёты в Синод¹¹⁷. Изменения продолжались и в последующее время. Так, до середины XVIII в. в органах духовной власти на местах не было единообразия, в связи с этим подверглись унификации местные органы управления. По закону «Об именовании Архиерейских домовых Правлений Консисториями» от 9 июля 1744 г. на всей территории Российской империи вводилось единое наименование органов церковной власти и суда. Епархиальные учреждения (духовные приказы, духовные канцелярии и дикастерии) стали именоваться консисториями¹¹⁸.

¹¹⁵ Зырянов П.Н. Русские монастыри ... М., 2002; Федоров В.А. Правовое положение русского монашества ... С. 151–154; Он же. Русская православная церковь ... С. 3–23.

¹¹⁶ ПСЗРИ-1. Т. VI. № 3718. С. 314–346.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Июля 9 [1744 года]. Синодский. – О именовании Архиерейских домовых Правлений Консисториями // ПСЗРИ-1. Т. XII. № 8988. С. 166–167.

Новые органы наделялись распорядительными, административными, судебными и хозяйственными функциями по управлению церковными делами в епархиях. Консистории контролировали финансовые документы епископов, монастырей и церквей, а также имущественные и финансово-хозяйственные дела; рассматривали вопросы назначения, увольнения, перемещения по службе священнослужителей, пострижения в монашество. В ведении органа епархиального управления находился суд, которому подлежали лица духовные, а также светские по делам бракоразводным и по проступкам, повлекшим наложение церковной епитимьи.

Консистория состояла из присутствия и канцелярии. Их члены избирались епархиальным архиереем из представителей духовенства и утверждались Святейшим синодом. Одновременно консистории являлись и присутственными местами при архиереях, но не входили в структуру архиерейских домов, ставших резиденциями епископов. По упомянутому закону от 1744 г. были образованы духовные правления – органы территориального управления в рамках епархий, подведомственные консисториям¹¹⁹. Новые учреждения создавались, как правило, в уездах, на отдалённых от епархиальных центров территориях с целью улучшения состояния церковного управления на местах.

В 1764 г. все епархии в Российской империи были подразделены на три класса: митрополии, архиепископства, епископства. Вологодская епархия была отнесена к 3-му классу и получила статус епископства. Поначалу церковная и гражданская системы административно-территориального деления нередко не совпадали. На унификацию границ были направлены реформы, осуществлённые в 80–90-х гг. XVIII в. Так, для приведения территории епархии в соответствие с границами губернии в 1788 г. была упразднена Великоустюгская епархия. Входящие в неё монастыри и церкви причислялись к Вологодской епархии с именованием епископа «Вологодский и Устюжский»¹²⁰. В ходе административно-территориальной реформы в 1796 г. Вологодское наместничество было преобразовано в Вологодскую губернию, и её границы оставались идентичными с границами епархии¹²¹.

Особое место в епархиальном управлении занимал благочинный. Первоначально для разбора «распрей» и примирения в духовном ведомстве были введены должности десятоначальников. В 1797 г. их

¹¹⁹ ПСЗРИ-1. Т. XII. № 8988. С. 166–167.

¹²⁰ Майя 6 [1788 года]. Именной, данный Синоду. – О разделении Епархий сообразно с разделением Губерний // ПСЗРИ-1. Т. XXII. № 16658. С. 1073–1074.

¹²¹ См.: Декабря 12 [1796 года]. Именной, данный Сенату. – О новом разделении Государства на Губернии // ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 17634. С. 229–230; Саввантов П.И. Об учреждении Вологодской епархии ... 1865. № 5. С. 164–196; № 6. С. 198–204; Суворов Н.И. Доп. к ст. об учреждении Вологодской епархии ... С. 170–183.

переименовали в благочинные¹²². Должность благочинного для осуществления ближайшего контроля над монастырями была узаконена в структуре епархиального управления по именному указу 1797 г., «изъяснённом» в указе Синода 1799 г. Благочинных по монастырям по представлению духовной консистории назначал архиерей из самих настоятелей иноческих обителей¹²³.

Вступив на престол, Павел I в «Акте о наследовании Всероссийского Императорского Престола», подписанном 5 апреля 1797 г., подтвердил за императором статус «Главы Церкви»¹²⁴. В декабре этого же года глава государства впервые в истории России законодательно признал своей прерогативой награждение духовенства богослужебными наградами – он учредил систему раздачи орденов и лент для всего духовенства¹²⁵.

По инициативе Павла I были введены серебряные наперсные кресты как знаки отличия для всех священников и иеромонахов за «долготелнее беспорочное служение». На лицевой стороне наперсных крестов было помещено рельефное изображение распятия, на внутренней – чеканилась надпись: «Пресвитеру, дающему образ верным словом и житием. Установлен в благочестивое царствование великого государя императора Павла I 1797 г., декабря 18»¹²⁶.

В конце XVIII – начале XX столетия наперсными крестами награждались не только иеромонахи мужских монастырей, но и – за особые заслуги – игуменьи женских обителей и казначеи. Введение наград для духовенства явилось очередным шагом, приблизившим монашествующих к государственным чиновникам, получавшим знаки отличия.

К началу XIX в. правовая зависимость церкви от государства была окончательно оформлена законодательно. В период царствования Александра I предпринимались дальнейшие попытки реформирования церковного ведомства. Так, в 1817–1824 гг. Синод был подчинён Министерству духовных дел и народного просвещения. В этот период министр был уполномочен непосредственно сам «давать предложения» Святейшему синоду. Правда, он имел право действовать и через обер-прокурора. Министра обязали напрямую «доводить» до сведения императора доклады и годовые отчёты¹²⁷. При этом на основании первого пункта Инструкции от 13 июня 1722 г. обер-прокурор по-прежнему наблюдал

¹²² МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1480. Л. 1–3.

¹²³ Августа 4 [1799 года]. Синодский, в следствие Именного Июля 31. – Об учреждении соборных церквей в некоторых городах на денежном окладе; об ассигновании суммы на жалование Священно и церковнослужителям оных церквей и о перемене названий Епархий для единообразия по званию тех губерний, в коих кафедры их состоят // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 19070. С. 750–754.

¹²⁴ Апреля 5 [1797 года]. Акт, Высочайше утвержденный в день священной коронации Его Императорского Величества, и положенный для хранения на престоле Успенского Собора // ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 17910. С. 587–589.

¹²⁵ Лисовой Н.Н. Награды Русской Православной Церкви. М.: Ферт, 2001. С. 40.

¹²⁶ Там же. С. 42.

¹²⁷ Октября 12 [1817 года]. Учреждение Министерства Духовных дел и Народного Просвещения // ПСЗРИ-1. Т. XXXIV. № 27106. С. 814–834.

«за порядком и законным производством дел, подлежащих рассмотрению и решению Синода»¹²⁸. В 1824 г. по указу «О производстве дел Святейшего Синода в том же порядке, в каком оне находились до назначения Министра Духовных дел» функции двух ведомств были вновь разделены¹²⁹.

В эпоху Николая I начался новый этап регулирования взаимоотношений Русской православной церкви и монастырей. В частности, были уточнены полномочия контрольных органов на местах. В 1828 г. должностные обязанности благочинных были чётко определены и приведены к единообразию в общей инструкции (второе издание вышло в 1885 г.)¹³⁰. «Помощнику епископа» предписывалось посещать монастыри один или два раза в год, в случае выявления «непорядков проводить дознания». Благочинные имели право осматривать «все дела и помещения» обителей, «во всем требовать отчета и объяснения», «делать настоятелю наставления», разбирать «распри» и проступки братии.

По инструкции благочинные осуществляли также контроль за «правильным» ведением приходно-расходных книг, хранением денег, заготовлением хозяйственных припасов, содержанием зданий и «за отдачей оброчных статей» в обителях. В рапортах, представляемых епископам, они обязаны были докладывать о численности монастырской братии, взаимоотношениях настоятеля и иноков, состоянии построек и ремонтных работах, об открытии благотворительных заведений и «о ведении сельского хозяйства и рыбной ловле»¹³¹.

В течение 1830-х гг. проводилось реформирование центральных органов управления церковью. В 1836 г. обер-прокурор Синода получил права министра «по законодательным и административным делам церкви»: в случае рассмотрения вопросов по его компетенции он «посещал заседания» Государственного совета и Комитета министров. Обер-прокурор ежегодно представлял императору всеподданнейшие отчёты по «ведомству православного исповедания», как и министры внутренних дел, государственных имуществ, двора и уделов и другие высшие должностные чины. С 1836 г. стали официально публиковаться извлечения из этих отчётов. В 1884–1916 гг. издавались уже полнотекстовые отчёты¹³².

¹²⁸ Июля 13 [1722 года]. Именной, данный Синоду. – О решении, во время отсутствия Государя, нетерпящих отлагательства дел, Синоду обще с Сенатом // ПСЗРИ-1. Т. VI. № 4051. С. 737.

¹²⁹ Мая 15 [1824 года]. Именной, данный Синоду. – О производстве дел Святейшего Синода в том же порядке, в каком он находился до назначения Министра Духовных дел // ПСЗРИ-1. Т. XXXIX. № 29914. С. 319.

¹³⁰ Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / сост. Т.В. Барсов. СПб., 1885. Т. 1. Приложение к ст. 643.

¹³¹ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 15, 105, 187 и др.

¹³² Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1836–1861, 1866–1883 гг. СПб., 1837–1864, 1867–1885; Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода за 1884–1916 гг. СПб., 1885–1916.

Начиная с 1839 г. изменилась система управления духовными учебными заведениями. При Святейшем синоде было открыто Духовно-учебное правление, в 1867 г. преобразованное в Учебный комитет. Его председатель и девять членов назначались Синодом: председатель – обязательно из духовных лиц, члены – из духовных и светских. Причём светские члены комитета утверждались Синодом «непрерывно» по представлению обер-прокурора. Помимо постоянных членов к участию в деятельности комитета «председателем с ведома Синода или обер-прокурора» приглашались и другие лица из проживавших в Санкт-Петербурге «ученых и педагогов»¹³³. Учебный комитет осуществлял административное управление и научно-методическое руководство всеми семинариями и духовными училищами и подчинялся непосредственно обер-прокурору.

Детальная регламентация взаимоотношений внутри духовного ведомства была прописана в «Уставе Духовных Консistorий», первое издание которого предприняли в 1841 г.¹³⁴ В «Уставе» были разделены полномочия епископа, консистории и духовных правлений и «предписаны» правила «сношения» Синода с органами епархиального управления¹³⁵. Исследователь истории Русской православной церкви В.А. Федоров писал, что «архиерей обладал административной, судебной и хозяйственной властью над вверенным ему духовенством»¹³⁶. В пределах епархии архиереи действительно были наделены широкими полномочиями. Они имели право ходатайствовать перед Синодом об учреждении или закрытии монастырей, выступать с законодательной инициативой. В своих епархиях архиереи определяли «доверенных лиц на места и должности, через которых производилось управление и надзор»¹³⁷. Однако все важные вопросы по делам Русской церкви решались Святейшим синодом, им же принимались основополагающие решения.

Указы из Синода исходили на имя епархиальных архиереев и от них поступали в консистории, которые направляли распоряжения всем должностным лицам духовного ведомства. В свою очередь архиереи ежемесячно отчитывались «об исполнении дел и указов в епархии», предоставляли сведения по утверждённым формам «о неисполненных Высочайших повелениях», «о получаемых от Святейшего Синода ука-

¹³³ Барсов Т.В. Святейший Синод в царствование императора Александра II ... С. 447.

¹³⁴ См.: ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263; Устав духовных консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1841, 1852, 1883, 1891, 1912.

¹³⁵ Рожина А.В. Взаимоотношения епархиальных властей и монастырей по Уставу Духовных Консistorий 1841 г. // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов Европейского Северо-Востока: Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов: Материалы конференции. Сыктывкар, 2010. С. 30–31.

¹³⁶ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 17.

¹³⁷ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

зах», «о указах Святейшего Синода окончательно неисполненных» и «с особенными именными ведомостями о нерешенных ... делах». По истечении каждого года представлялся обобщённый отчёт¹³⁸.

В соответствии с «Уставом» консистории имели собственные канцелярии. Во главе канцелярии стоял секретарь. Он подчинялся «как епархиальному архиерею, так и обер-прокурору Синода»¹³⁹. Однако положения «Устава» и источники делопроизводственного характера позволяют сделать вывод о прямом и первостепенном подчинении секретаря канцелярии консистории Синоду. В подтверждение этого приведём несколько аргументов.

Во-первых, «Устав» предписывал назначать на должность секретарей консисторий по предложению обер-прокурора непосредственно Святейшим синодом. И.К. Смолич так охарактеризовал отношения, выстроенные между Синодом и архиереями: «...обер-прокуроры стремились сделать консистории филиалами своего аппарата в ущерб власти епископа»¹⁴⁰.

Во-вторых, в консистории составлялись «особые журналы»¹⁴¹, в которых фиксировались высочайшие повеления или указы Синода и «наставления подведомственным местам и лицам, каким образом они должны поступать»¹⁴². В функции консистории, как указывалось, входили вопросы назначений, увольнений, перемещений по службе священнослужителей, пострижения в монашество, строительства и ремонта церквей и монастырей. Одновременно в ведении консистории находился суд, которому подлежали лица духовные, а также светские по делам бракоразводным и по проступкам, повлекшим наложение церковной епитимьи¹⁴³.

Система церковных властей была выстроена таким образом, что консистории и архиереи подчинялись непосредственно Святейшему синоду. Формально епархиальные архиереи играли определяющую роль в принятии решений. В случае если они считали решения консистории правильными, на журналах надписывалось «исполнить», а на протоколах – «утверждается». В случае несогласия архиереи предлагали консисториям пересмотреть дело или внести в него какие-то коррективы¹⁴⁴. От архиереев «журналы и протоколы» поступали к регистраторам, ко-

¹³⁸ Барсов Т.В. Положение святейшего Синода в ряду высших государственных учреждений ... С. 53–92.

¹³⁹ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 20.

¹⁴⁰ Смолич И.К. История Русской Церкви. М., 1997. Т. 8. Ч. 2. С. 112.

¹⁴¹ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 347, 498.

¹⁴² ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

¹⁴³ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1098.

¹⁴⁴ См., например: МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2944. Л. 1; Ф. 364. Оп. 1. Д. 3063. Л. 1, 9, 9об., 16; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 1, 5, 30, 30об.; ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 883. Л. 2 и др.

торые вносили их в реестры и отдавали столоначальникам. Окончательное решение объявлялось в первом присутствии консистории. Затем столоначальники готовили «исполнительные бумаги». После изучения приготовленных секретарями бумаг они подписывались и вносились в общий исходящий и докладной реестры. При этом «Акты, следующие ко всенародному объявлению прочтением в церквах» рекомендовалось направлять «преимущественно в печатных экземплярах», что, судя по сохранившимся архивным документам, в основном и соблюдалось¹⁴⁵.

В «Уставе Духовных Консисторий» подробно регламентировалось выстраивание отношений с духовными правлениями. Эти органы духовного ведомства, бытовавшие в уездах, находились в прямом подчинении консисторий¹⁴⁶. Все взаимоотношения с уездными и губернскими духовными инстанциями архиереи должны были осуществлять через консистории.

В конечном итоге управление церковным аппаратом приводилось в общую систему, и документооборот в епархиях регламентировался и ставился под контроль. Архиереи наделялись правом выносить собственные решения в случае несогласия с предложениями консисторий. Однако подобных прецедентов в архивных источниках за 1841–1917 гг., отложившихся в фондах монастырей и консистории Вологодской губернии, не выявлено. Это позволяет резюмировать, что к середине XIX в. власть архиереев в епархиях носила скорее номинальный характер или их решения строго согласовывались с духовными консисториями. Она уменьшилась за счёт того, что консистории постепенно наделялись значительными полномочиями и стали представлять фактический орган церковного управления и суда на территории соответствующих епархий.

С 1860-х гг. начались очередные преобразования в системе административно-территориального управления Русской православной церковью. Если в начале XIX в. должности викариев существовали исключительно в Московской епархии, то с 1865 г. Синод получил разрешение при наличии средств назначать викариев и в остальных православных епархиях. Кроме того, в 1867 г. все епархии страны были приравнены к рангу митрополий. Отмена деления на категории (митрополии, архиепископства и епископства) расширила права епархиальных архиереев и епископств¹⁴⁷.

В русле новых веяний в 1868 г. в Вологодской епархии было учреждено Тотемское викариатство¹⁴⁸. Его открытие оправдывалось необхо-

¹⁴⁵ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 11об., 14, 14а, 17, 33–35; Д. 228. Л. 7, 8, 9, 12, 12об., 16, 16об., 17, 17об., 17а, 20, 24, 24об., 25, 27, 32, 39, 39об., 41 и др.

¹⁴⁶ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

¹⁴⁷ Федоров В.А. История России ... С. 51.

¹⁴⁸ Указ об учреждении Тотемского викариатства // ВЕВ. 1868. № 4–5. Приложение. С. 1–6.

димостью «окормления» храмов и монастырей в удалённой от центра епархии восточной оконечности Вологодской губернии – Никольском, Великоустюгском, Сольвычегодском, Усть-Сысольском и Яренском уездах. Однако и Тотьма находилась на значительном удалении от упомянутых уездов (см. карту-схему). В этой связи в 1888 г. вместо Тотемского открылось Великоустюгское викариатство. С этого времени епархия стала именоваться Вологодской и Тотемской¹⁴⁹. После открытия в 1909 г. Вельского викариатства за ним было закреплено духовное управление юго-западными уездами¹⁵⁰, за Великоустюгским викариатством оставалось кураторство над северо-восточными уездами.

Находясь в прямом подчинении архиереев, викарные епископы имели полномочия рукополагать в монашество, решать текущие вопросы, однако большинство дел утверждалось епархиальными архиереями. В случае кончины архиерея на руководство епархией назначался викарий до утверждения нового архиерея¹⁵¹.

В конце XIX – начале XX в. усилилась роль благочинных в системе епархиальных управлений. Напомним: для осуществления надзора епархии разделялись на благочиннические округа (благочиния) во главе с благочинными отдельно для церквей, для монастырей и по делам раскола. Для призора за нравственностью и хозяйством в иноческих обителях из числа действующих настоятелей назначалось по одному благочинному и более на каждую епархию.

К приезду благочинных монастыри готовились не менее тщательно, чем к визитам архиереев. Вероятно, такая «подготовка» к визитам как благочинных, так и архиереев выходила за рамки «приличия» и «церковных норм». Не случайно в 1898 г. в Вологодской епархии на основании резолюции епископа был принят циркулярный указ Духовной консистории от 19 июля за № 15. Он предписывал не расходовать «церковные деньги или Попечительския на прием выезжающих для ревизии и обозрения церквей Епископов и благочинных» и предупреждал о наказании «за ослушание» равно как «за растрату церковного имущества»¹⁵².

Через «отцов благочинных» с конца XIX в. консистории также оповещали монастыри о сборах пожертвований, организованных государственно-церковными властями. В годы Первой мировой войны благочинные в отчётах отдельно сообщали о пожертвованиях монастырей,

¹⁴⁹ Указ об учреждении Великоустюгского викариатства // ВЕВ. 1888. № 4–5. Приложение. С. 1–6; Выписка из инструкции Великоустюгскому епископу, викарию Вологодской епархии // ВЕВ. 1888. № 8. С. 71–74.

¹⁵⁰ Указ об учреждении Вельского викариатства // ВЕВ. 1909. № 5.

¹⁵¹ См., например: ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 228. Л. 22, 26, 27.

¹⁵² ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 30.

организации сбора средств и вещей и о других видах благотворительной деятельности в пользу раненых воинов и членов их семей¹⁵³.

Проанализированные источники свидетельствуют о том, что в конце XIX – начале XX в. благочинные стали исполнять функции церковного контрольно-распорядительного органа на местах, являясь важным звеном в системе государственно-церковных властей. Они осуществляли надзор за монастырскими порядками «во всех отношениях», наделялись правом подавать «надлежащие» советы, наставления, увещевать, в случае необходимости требовать объяснения и сообщать архиерею и викарному епископу о недостатках и «всяких чрезвычайных случаях» в монастырях.

Напомним, что в России сложилась практика, когда благочинными определяли настоятелей монастырей. Таким порядкам следовали и в Вологодской епархии. Из архивных документов известно, что в этой епархии на должность благочинных назначали настоятелей крупных обителей из губернского города и игуменов заштатных монастырей. В обителях юго-западной части епархии благочинными были, как правило, настоятели из Спасо-Каменного монастыря Вологодского уезда¹⁵⁴, северо-восточной оконечности – из Николаево-Прилуцкого заштатного монастыря Великоустюгского уезда¹⁵⁵. Контроль за женскими монастырями обычно поручался благочинным мужских монастырей, что также укладывалось в устоявшиеся в стране нормы. В связи с обширностью территории в Вологодской епархии назначалось по нескольку монастырских благочинных. Так, в начале XX в. четверо благочинных осуществляли здесь административный надзор за монастырями¹⁵⁶.

Во время правления Николая II продолжались изменения в структуре властей Российской империи, отразившиеся и на управлении духовным ведомством. После наделения в 1906 г. законодательными функциями Государственного совета и Государственной думы эти органы власти стали промежуточным звеном управления между императором и Синодом и начали влиять на деятельность церкви. Эти новые законодательные учреждения получили право утверждать финансовые сметы Синода и рассматривать законы, которые касались деятельности Русской православной церкви¹⁵⁷.

¹⁵³ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 14, 14об., 15.

¹⁵⁴ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 883. Л. 1 и др.

¹⁵⁵ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–22 и др.

¹⁵⁶ Список монастырей, соборов и церквей Вологодской епархии, подразделением их на благочиннические округа с указанием (по округам) благочинных // ВЕВ. 1908. № 22. Приложение. С. 1–18.

¹⁵⁷ Мая 9 [1905 года]. Высочайше утвержденное мнение Департамента Государственной Экономии Государственного Совета (Собр. Узак. 1905 г. Апреля 12, отд. I, ст. 1331). – О кредите на содержание

В начале XX в. в России наблюдался всплеск общественного интереса к делам церкви. На волне общественной активности предлагались многочисленные проекты реформирования управления Русской православной церковью. Реагируя на активность общества, правительство и церковные власти подняли вопрос о созыве поместного Собора¹⁵⁸.

Одним из результатов внимания к церковным делам стал созыв в 1909 г. Первого всероссийского съезда монашествующих. На съезде были подняты наиболее актуальные проблемы «чёрного» духовенства. Прежде всего, обсуждалась программа, разработанная Синодом. Предложенная программа включала в себя 22 вопроса, которые группировались вокруг 10 проблем: 1) монастыри общежительные и штатные; 2) старчество и духовничество; 3) монашеские обеты и дисциплина; 4) богослужебный устав, церковное пение; 5) монашеское образование; 6) монашество, епископат и белое духовенство; 7) женские монастыри; 8) миссионерское служение монастырей; 9) патриотическое служение монашества Отечеству во время внутренних смут и войн; 10) объединение всех монастырей в союз духовной взаимопомощи.

Однако непосредственно после Первого съезда монашествующих коренных изменений даже в управлении монастырями не произошло. Новая попытка была предпринята после Февральской революции 1917 г. в России. В июле 1917 г. состоялся другой «съезд ученого монашества и представителей от монастырей». На этом съезде разработали программу «устроения монастырей и монашеской жизни» в стране и наметили план изменения управления всей Русской православной церковью¹⁵⁹. Но и эту программу не смогли реализовать, так как было восстановлено патриаршество, и реформирование началось на новых основах. Правда, и оно вскоре прервалось в связи с Октябрьскими событиями 1917 г.

§ 2. Виды иноческих обителей в Вологодской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века

В синодальный период православные монастыри находились на низшей ступени иерархии в структуре духовного ведомства России. Формально они подчинялись архиереям (епископам, архиепископам или митрополитам), однако на практике выполняли указы и распоряжения консисторий, духовных правлений и контролировались благочинными. При этом статус обителей был различен. В историографии существует несколько классификаций иноческих монастырей.

священнослужителей Арсениево-Комельского монастыря // ПСЗРИ-3. Т. XXV. Собрание 1. № 26211. С. 304–305.

¹⁵⁸ Церковные Ведомости. 1906, 1907 гг. и др. издания.

¹⁵⁹ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 85–86.

В соответствии с общепринятой классификацией В.А. Федоров разделяет обители по статусу на лавры, кафедральные монастыри первого – третьего класса, заштатные и приписные монастыри. Отдельно он выделяет скиты, пустыни, киновии, общежительные и необщежительные монастыри¹⁶⁰.

Исследователь истории церкви на Русском Севере А.В. Камкин вместо традиционного деления православных обителей предлагает новую типологию и привязывает её к историческим реалиям России разных периодов. Первый этап формирования северных обителей он связывает с появлением в XII–XIII вв. монастырей-миссионеров. В дальнейшем развитие иночества приводит к образованию различных типов монастырей. В зависимости от идеологических установок и социальной направленности монастырей А.В. Камкин предлагает следующую классификацию: монастыри-вотчинники, аскеты, богадельни, общины, воины, администраторы, тюрьмы, книжники, искусники, просветители¹⁶¹.

Применительно к периоду конца XVIII – первой половины XIX в. для классификации монастырей, существовавших в Вологодской губернии, считаем наиболее уместным применить традиционную типологию В.А. Федорова. В зависимости от разделения на классы бытовали штатные и заштатные монастыри. По форме управления монастыри определялись как самостоятельные и приписные. Устав устанавливал две формы жительства монашеских общин, что привело к различию общежительных и необщежительных обителей. Считаем необходимым отметить, что изначально – и достаточно долгое время – в источниках некоторые обители именовались пустынями. Однако к концу XVIII в. такое наименование утратило своё первоначальное значение, применяемое к небольшим монастырям в отдалённых уединённых местах. С начала XIX в. пустынями назывались даже достаточно крупные монастыри.

Во второй половине XVIII в. после проведения Екатериной II секуляризации управление монастырями и их содержание подверглись кардинальным переменам¹⁶². Реформа 1764 г. проводилась на основании именного указа «О разделении духовных имений и о сборе со всех Архирейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек», изданного в русле развития норм «Манифеста о подведомстве всех Архирейских и монастырских крестьян Коллегии Экономии, и штатов по духовной части»¹⁶³.

¹⁶⁰ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 64–65.

¹⁶¹ Камкин А.В. Православная церковь ... С. 41–44.

¹⁶² См.: Штаты монастырей и монашествующих и способы содержания монастырей // Странник. 1884. № I–II. С. 88; Яшина О.Н. Земельная собственность ...

¹⁶³ Февраля 26 [1764 года]. Именный, данный Сенату. – О разделении духовных имений и о сборе со всех Архирейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души

В ходе данной реформы в России было затворено более половины иноческих обителей. Оказались упразднены 496 монастырей (56,3%), из них 360 (53,1%) мужских и 136 (67%) женских¹⁶⁴. Этот процесс в полной мере затронул Вологодскую епархию, на территории которой были упразднены многие обители, в том числе и довольно древние. Такая участь постигла, например, основанный в 1389 г. преподобным Сергием Нуромским Спасо-Преображенский Нуромский мужской монастырь. Наряду с ним в 1764 г. властями были закрыты следующие мужские обители: Спасо-Преображенский Иннокентиевский монастырь (основал преподобный Иннокентий Комельский в 1478 г.), Телегов Троицкий мужской монастырь (основал преподобный Нифонт в 1553 г.), Теплогорская Богородицкая пустынь (основал нижегородский крестьянин Павел Данилов в 1643 г.), Усть-Недумская Богородицкая пустынь (основал вологодский чудотворец, преподобный Леонид в 1608 г.) и более десятка других обителей. Заметим, что некоторые из закрытых монастырей позже возродились.

В результате секуляризации в стране осталось 318 мужских и 67 женских монастырей¹⁶⁵. При этом следует помнить о том, что «маловотчинные», «безвотчинные» монастыри и пустыни в штаты не вносились и оставались «на своем содержании», если они имели возможность существовать за счёт своих доходов («чем донныне содержаться, и впредь содержать себя могут»¹⁶⁶). Однако такие обители получили унифицированное наименование – они стали называться «заштатными». Одновременно вводилась и другая общая по России норма – по Манифесту 1764 г. предписывалось «по недостатку доходов» многие заштатные обители «упразднить, и приходскими церквями учинить» или «в другие монастыри свести»¹⁶⁷ (перевести в другие монастыри. – П.К., А.Р.).

После секуляризации большинство обителей в России оказались «заштатными». В штатные ведомости были внесены только 159 муж-

по 1 рублю 50 копеек. – С приложением манифеста о подведомственных всех Архирейских и монастырских крестьян Коллегии Экономии, и штатов по духовной части // ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12060. С. 549–569. Заметим, что в это время казённые крестьяне Русского Севера выплачивали по 1 руб. 70 коп. оброчной и подушной подати (Котов П.П. Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социально-демографические аспекты истории Северного крестьянства (XVII–XIX вв.). Сыктывкар, 1985. С. 74–86).

¹⁶⁴ Чудецкий П.И. Опыт исторического исследования ... С. 24; Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 59.

¹⁶⁵ Чудецкий П.И. Опыт исторического исследования ... С. 24; Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 59.

¹⁶⁶ Февраля 26 [1764 года]. Именной, данный Сенату. – О разделении духовных имений и о сборе со всех Архирейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек. – С приложением манифеста о подведомственных всех Архирейских и монастырских крестьян Коллегии Экономии, и штатов по духовной части // ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12060. С. 549–569.

¹⁶⁷ ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12060. С. 549–569.

ских и все учтённые 67 женских монастырей, которые разделялись на три класса. Особый статус оставался у Троице-Сергиевой лавры¹⁶⁸.

По указу 1788 г. «О разделении Епархий сообразно с разделением Губерний» на исследуемой территории произошло два важных события. С одной стороны, напомним, в состав Вологодской епархии была включена Великоустюгская епархия, соответственно, и все приписанные к ней монастыри – пять штатных обителей¹⁶⁹ и три заштатные. С другой стороны, Кирилловский уезд из Вологодской губернии был переведён в Новгородскую губернию и одноимённую епархию. В результате Вологодская епархия лишалась единственного монастыря 1-го класса (Кирилло-Белозерского)¹⁷⁰.

В Вологодской епархии, в отличие от ситуации по России в целом, количество штатных обителей превышало число заштатных монастырей. К 1796 г. в ней было 12 штатных и 9 заштатных обителей. Из них ко 2-му классу относились два монастыря и к 3-му классу – 10 монастырей. «За штатом» было оставлено пять монастырей и четыре пустыни (см. Приложение 1).

К 1796 г. наибольшее количество иноческих обителей было сосредоточено в губернском городе в совокупности с Вологодским уездом и в Великом Устюге и одноимённом уезде. Здесь их насчитывалось одиннадцать, т. е. более половины от общего числа монастырей по Вологодской губернии. На этих же территориях находились и древнейшие обители Вологодской епархии (см. карту-схему и Приложение 1).

В Вологде и Вологодском уезде на 1796 г. сохранилось пять (с 1801 г. – шесть) монастырей, из них три штатных, в том числе один женский. Среди пяти мужских обителей две были штатными: один из наиболее старых Спасо-Прилуцкий (Дмитриев) двухклассный монастырь (основанный в 1371 г. игуменом Дмитрием Прилуцким) и Спасо-Каменный Духов (Свято-Духова Галактионова пустынь) трёхклассный монастырь (создан во второй четверти XVII в. старцем Галактионом Вологодским, в миру – Гаврила Бельский). По закону 1764 г. вводилось обязательным иметь в каждой епархии минимум одну женскую классную обитель. Таковой и стал Горний Успенский женский трёхклассный монастырь, основанный старицей Доминикией в 1590 г.¹⁷¹

¹⁶⁸ См.: Февраля 26 [1764 года]. Именной, данный Сенату. – О разделении духовных имений и о сборе со всех Архирейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек. – С приложением манифеста о подведомственных всех Архирейских и монастырских крестьян Коллегии Экономии, и штатов по духовной части // ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отделение III и IV. № 12060. С. 24–36.

¹⁶⁹ Майя 6 [1788 года]. Именной, данный Синоду. – О разделении Епархий сообразно с разделением Губерний // ПСЗРИ-1. Т. XXII. № 16658. С. 1073–1074.

¹⁷⁰ Майя 6 [1788 года]. Именной, данный Синоду. – О разделении Епархий сообразно с разделением Губерний // ПСЗРИ-1. Т. XXII. № 16658. С. 1073–1074.

¹⁷¹ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060. С. 34, 35; Вологодская губерния: мужских 28, женских 5 // Православные русские обители: полное иллюстрированное опи-

Наряду со штатными, после 1796 г. в Вологодском уезде оказались «оставлены за штатом» Сямский Богородице-Рождественский монастырь (основан крестьянином Иваном Родионовым и другими жителями села Отводное близ Кубенского озера не позже 1524 г.) и Заоникиева (Заоникиевская Богородице-Владимирская) пустынь, основанная около 1588 г. преподобным Иосифом Заоникиевским (в миру – крестьянин Илларион Амвросимов)¹⁷².

В 1796 г. в Великом Устюге и уезде находилось шесть иноческих обителей, переживших секуляризацию, из них четыре включались в штат (три мужских и один женский монастырь). Прежде всего упомянем наиболее древний на всём Севере страны Устюжский Михайло-Архангельский двухклассный (основан в 1212 или в 1216 г. монахом Киприаном), к которому, вероятно, в 1764 г. формально была приписана¹⁷³ (в реальности – включена в его состав) Богородицкая Тихвинская мужская пустынь (создана в начале XV в.). Последняя с конца XVIII в. не упоминалась в качестве приписной. Другим известным монастырём в уезде являлся Гledenский Троицкий трёхклассный (по преданию, основан в конце XII – середине XIII в., но достоверные сведения о его существовании выявлены с середины XVI в.). Обитель располагалась вблизи Великого Устюга. На востоке уезда оставался в штате Лальский Михайло-Архангельский монастырь, основанный в XVII в. С 1860 г. он становится приписным к Михайло-Архангельскому монастырю, а часть братии перечисляется в Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь.

Во исполнение закона в ходе секуляризации на тот момент в самостоятельной Великоустюгской епархии был создан Иоанно-Предтеченский трёхклассный женский монастырь¹⁷⁴. По одной из легенд, эту обитель в качестве мужской в 1262 г. образовал татарский баскак Буга. Впрочем, по другим данным её основали праведные Иоанн и Мария Устюжские. В 1764 г. монастырь был переустроен в женский. Наряду с упомянутыми, в Великоустюгском уезде действовали две заштатные мужские обители: Прилуцкий Николаевский или Николаево-Прилуцкий (впервые упомянут в 1561 г.) монастырь и Знаменно-Филипповская

сание православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне [сост. П.П. Сойкин]. СПб., 1994. С. 72–102; Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, изд. исправленное и дополненное Н.И. Суворовым. Вологда, 1902; Степановский И.К. Горний Успенский женский монастырь // Вологодская старина: ист.-археол. сб. Вологда, 1890. С. 76–79.

¹⁷² ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 9. Л. 3; Ф. 514. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹⁷³ Церковно-исторический атлас ... С. 238.

¹⁷⁴ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060; Вологодская губерния: мужских 28, женских 5 // Православные русские обители: полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне [сост. П.П. Сойкин]. СПб., 1994. С. 72–102; Голосов А. Великоустюжский Михайло-Архангельский монастырь Вологодской епархии: (ист. описание и современное его состояние). Вологда: Тип. Губ. правл., 1901; Степановский И.К. Великоустюжский Михайло-Архангельский и Троицкий Гledenский монастыри // Вологодская старина: ист.-археол. сб. Вологда, 1890. С. 154–159.

Яиковская (Филипповская Яиковская Знаменская) пустынь (основана Филиппом Яиковским (Сухонским) около 1654 г.)¹⁷⁵. Последняя в 1908 г. была переустроена в женскую обитель.

В остальных уездах Вологодской губернии сразу после секуляризации было оставлено не более двух-трёх иноческих обителей. Так, к концу XVIII в. в Грязовецком уезде сохранилось три штатных мужских трёхклассных монастыря: самый древний из трёх, Павло-Обнорский Свято-Троицкий, учреждён в 1414 г. Павлом Обнорским, учеником святого Сергия Радонежского; Корнильево-Комельский Введенский создан в 1497 г. преподобным Корнилием Комельским (в миру – Корнилий Крюков); Арсениево-Комельский Ризоположенский (Ризоположенская Сухорукова пустынь) основан, по разным сведениям, в 1529–1539 гг. преподобным Арсением Комельским (в 1904 г. преобразован в женский монастырь)¹⁷⁶.

В Кадниковском уезде находилось также три православных монастыря, правда, только один из них являлся штатным – Дионисиево-Глушицкий Сосновецкий (Глушицкий Покровский, Дионисиево-Глушицкий Покровский) мужской трёхклассный монастырь, основанный преподобным Дионисием (Дмитрием) в 1420 г. Почти в то же время, в 1426 г., преподобный Григорий Пельшемский учредил Лопотов Богородицкий Григорьево-Пельшемский (Григорьево-Пельшемский Лопотов Богородицкий) монастырь, который после 1796 г. оказался заштатным. Заштатной оставалась и Семигородняя Успенская пустынь, созданная в том же XV в. в качестве мужской и преобразованная в 1630-х гг. в женскую¹⁷⁷.

В Тотемском уезде после 1796 г. существовали две мужские заштатные обители. Прежде всего, это Спасо-Суморин монастырь – основан в 1554 г. в Тотьме на берегу речки Песья Деньга преподобным Феодосием Тотемским, выходцем из Вологодской Спасо-Прилуцкой обители. Другая обитель – Дедова Троицкая пустынь – была основана около Тотьмы иноком Ионой в конце XVII в. В 1833 г. пустынь была приписана к Спасо-Суморину монастырю и в этом качестве просуществовала до закрытия после 1917 г.¹⁷⁸ В Сольвычегодском уезде тоже располагались два

¹⁷⁵ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 16; Д. 341. Л. 106.; Д. 336. Л. 3.

¹⁷⁶ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12740; Об обращении Арсениево-Комельского мужского монастыря Грязовецкого уезда в женский // Церковные ведомости. Прибавления. 1904. № 48. С. 1976–1977. 1904; Павло-Обнорский монастырь: (к 500-летию его существования) // Русский паломник, 1914. № 22. С. 350–354; Попов М.В. К истории Корнильева Комельского монастыря Грязовецкого уезда // ВЕВ. 1905. № 17. С. 365–366; Суворов Н.И. Описание Арсениево-Комельского монастыря Вологодской епархии с привосокуплением сведений о двух, основанных преподобным Арсением, ныне упраздненных пустынях: (Арсениево-Маслянской и Александро-Коровиной). Вологда: Тип. Губ. правл., 1870.

¹⁷⁷ ГАВО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 1; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 86. Л. 13.

¹⁷⁸ ГАВО. Ф. 562. Оп. 1. Д. 113. Л. 106.

мужских монастыря, но оба были штатными трёхклассными: Коряжемский Николаевский (учредили иноки Лонгин и Симон в 1535 г.) и Введенский Сольвычегодский (создан в 1565 г. братьями Строгановыми)¹⁷⁹.

В Вельском, Никольском, Яренском и Усть-Сысольском уездах в конце XVIII в. православных монастырей не было¹⁸⁰.

С начала XIX в. в России происходило как воссоздание ранее закрытых православных обителей, так и создание новых. В Вологодской губернии эта практика началась с возрождения одного из самых старинных мужских монастырей в регионе – Спасо-Каменного. Он был основан на Каменном острове в Кубенском озере ещё в 1262 г., согласно легенде, по настоянию князя Глеба Васильковича. Древняя обитель по закону 1764 г. получила статус заштатной, но в 1774 г. сгорела. В 1801 г. по указу Павла I монастырь был восстановлен с присоединением к нему Белавинской Спасо-Преображенской Богоявленной пустыни, по именованию которой он и назывался до 1892 г., после чего было возвращено древнее название – Спасо-Каменный монастырь¹⁸¹.

Вскоре после описанных событий в Вологодской епархии появляются ещё две иноческие обители. Так, в 1803 г. в Кадниковском уезде к Дионисиево-Глушицкому монастырю был приписан восстановленный Покровский Глушицкий монастырь. Этот возобновлённый монастырь был учреждён, как и Дионисиево-Глушицкая обитель, преподобным Дионисием Глушицким, но на семь лет раньше, в 1413 г. В дальнейшем обители часто именовались общим названием – Глушицкий Покровский монастырь¹⁸². Одновременно в том же уезде воссозданный Катромский Николаевский монастырь, основанный в начале XVI в. иноками Дионисиево-Глушицкой обители, был присоединён к Семигородной Успенской мужской заштатной пустыни¹⁸³.

С 1830-х гг. в России происходило создание монастырских комплексов из нескольких монастырей. Данный процесс был характерен и для Вологодской губернии. Например, к Вологодской Белавинской Спасо-

¹⁷⁹ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060; Николаевский Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда Вологодской губернии // ВЕВ. 1901. № 5. С. 126–129; Сольвычегодский Введенский монастырь // Православные русские обители: полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне [сост. П.П. Сойкин]. СПб., 1994. С. 88–89; Суворов Н.И. Сольвычегодский Введенский монастырь и приписанный к нему Николаевский // ВЕВ. 1878. № 11. С. 195–212.

¹⁸⁰ Вологодская губерния: мужских 28, женских 5 // Православные русские обители: полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне [сост. П.П. Сойкин]. СПб., 1994. С. 72–102.

¹⁸¹ Дементьев В.В., Плигин Н.А., Сальников А.К. Дом Спаса. Вологодские каменные Кижы. Вологда: Фест, 2008. С. 478; Спасо-Каменный монастырь в Вологодском уезде // Православные русские обители: полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне [сост. П.П. Сойкин]. СПб., 1994. С. 90–93.

¹⁸² ГАВО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 157. Л. 1, 1об.

¹⁸³ Лебедев В. Семигородная Успенская пустынь, приписной Николаевский Катромский монастырь Вологодской епархии, Кадниковского уезда. Вологда, 1902. С. 68–79.

Преображенской пустыни (бывший Спасо-Каменный мужской заштатный монастырь) была присоединена воссозданная в 1833 г. Александро-Куштская Успенская пустынь (образована в далёком 1420 г. преподобным Александром Куштским и упразднена в 1764 г.). Спустя почти 30 лет к Вологодскому Спасо-Каменному Духову мужскому штатному монастырю была присоединена возрождённая в 1861 г. Арсениево-Маслянская Одигитриевская пустынь, которую основал в 1529 г. преподобный Арсений Комельский¹⁸⁴. С такой же целью – усиления экономического содержания и расширения численности монашествующих – в Вологодский Горне-Успенский женский монастырь 3-го класса передавалась Николаевская Озерская (Николо-Озерская) женская пустынь. Она была создана трудами преподобного Стефана Комельского в 1520 г. в качестве мужской обители и преобразована при возобновлении деятельности в 1860 г. в женскую¹⁸⁵.

Единственным возрождённым (а может быть, основанным в указанный период) монастырём, избежавшим статуса приписного, оказался Троицко-Стефановский Ульяновский монастырь. По преданию, пока не нашедшему подтверждения в источниках, монастырь был основан святителем Стефаном Пермским в 1385 г. Затем обитель запустела, вероятно, в середине XV в. В 1667 г. её деятельность возродил Филарет (Фёдор Тюрнин). Однако постепенно активность монастыря вновь снизилась, и в 1764 г. он был упразднён¹⁸⁶. В первой половине XIX в. священнослужители Усть-Сысольского уезда неоднократно «высказывали мнение» о том, что местность, где ранее располагалась Спасская пустынь, была «удобна для обители, как по значительному количеству имеющейся при ней земли, так и по удаленности своей от сырянских селений»¹⁸⁷ (орфография сохранена. – П.К., А.Р.). Просьбы местных священников были услышаны епархиальным начальством, по предложению которого в 1860 г. Святейший синод принял указ об учреждении «при безприходной Ульяновской Спасской церкви» мужского общежительного монастыря «с настоятельством строительским»¹⁸⁸. Достаточно быстрое возрождение Троицко-Стефановской Ульяновской обители произошло

¹⁸⁴ Суворов Н.И. Описание Спасо-Каменного, что на Кубенском озере монастыря // ВЕВ. 1871. № 1. С. 7–10; № 2. С. 43–48; № 3. С. 89–93.

¹⁸⁵ Лебедев А.К. Успенский женский монастырь ... С. 12–14.

¹⁸⁶ Арсеньев Ф.А. Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель. [Репринтное изд. 1889 г.]. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1995. С. 29–30; Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: в 3 т. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1890. Т. 1. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–1795 по 1 июля 1890 года. С. 270–271.

¹⁸⁷ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 2об.

¹⁸⁸ Октября 3 [1860 года]. Именный, объявленный Сенату Святейшим Синодом. – Об учреждении мужского общежительного монастыря в Устьсысольском уезде, Вологодской епархии при Ульяновской Спасской церкви // ПСЗРИ-2. Т. XXV. Собрание 2. № 36186. С. 135; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–10об.

благодаря деятельному участию братии Соловецкого монастыря. В начале XX в. Троицко-Стефановская Ульяновская обитель превратилась в один из крупных и почитаемых монастырей Европейского Севера и страны в целом.

Следует обратить внимание ещё на одну особенность возрождённой Троицко-Стефановской Ульяновской обители: она не получила чёткого законодательного и нормативного статуса – штатного или заштатного учреждения. Не выявлено ни одного документа, по которому бы этот монастырь получал какое-либо финансирование со стороны государства. При этом напомним: даже заштатные обители получали некоторые денежные средства, пусть и несопоставимые относительно штатных монастырей. С другой стороны, укажем, что Троицко-Стефановский монастырь однозначно определялся как общежительный и существовал только за счёт собственных доходов и добровольных пожертвований.

Материалы карты-схемы наглядно иллюстрируют, что возобновление иноческих обителей с первых лет и до начала 60-х гг. XIX в. происходило – за одним исключением – в трёх южных уездах Вологодской губернии. Из 29 существовавших в губернии к 1861 г. обителей в упомянутых уездах оказались сосредоточены 18 монастырей, или почти 62,1% (см. карту-схему). Преобладание в них количества иноческих обителей сохранялось до великих потрясений 1917 г.

После 1860-х гг. процесс возрождения и появления новых монастырей в Вологодской епархии прекратился. Материалы таблицы 1 свидетельствуют о том, что в 1796–1917 гг. в России были восстановлены 96 обителей, из которых 8, или 8,3%, – в Вологодской губернии, из них 6 стали приписными. Однако в Вологодской губернии приписные монастыри появлялись и иным путём – к более крупным (обычно штатным) монастырям с начала 1830-х гг. стали прикреплять действующие заштатные обители, что, правда, не практиковалось в юго-западных уездах губернии. Таким образом, в 1833 г. в Тотемском уезде к Спасо-Суморину мужскому монастырю была приписана Дедова Троицкая пустынь¹⁸⁹. В 1841 г. к Устюжскому Михайло-Архангельскому двухклассному монастырю примыкают Гledenский Троицкий и в 1860 г. – Лальский Архангельский монастыри¹⁹⁰. В составе Сольвычегодского Введенского монастыря с 1863 г. приписным стал числиться Коряжемский Николаевский монастырь¹⁹¹. Наибольшее число приписных монастырей в Вологодской губернии поднималось до 10, что составляло до 25% от их количества в целом по стране (таблица 1). Статус приписных монасты-

¹⁸⁹ Савваитов П.И. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни. СПб., 1850. С. 23–44.

¹⁹⁰ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–29.

¹⁹¹ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 51–54.

рей в России законодательно не регламентировался, поэтому вызывает дискуссии среди учёных. Авторитетные исследователи Русского Севера Н.А. Дойникова и А.В. Камкин учитывали приписные обители в общем количестве монастырей. Другие историки, напротив, не включали их в общую массу обителей. Это приводит к различию при учёте количества монастырей, действовавших в Вологодской губернии¹⁹².

Таблица 1

Количественные показатели развития основных тенденций преобразования монастырей в Вологодской губернии в 1796–1917 годах

Показатели	Количество монастырей		
	Россия, абс.	Вологодская губерния	
		абс.	% от кол-ва по стране
Восстановление обителей после их упразднения и учреждение новых на месте ранее существовавших	96	8	8,3
Обращение мужских обителей в женские	27	3	11,1
Основание новых монастырей, пустыней и скитов	134	1	0,7
Приписка обителей к архиерейским домам или монастырям	40	10	25,5

Составлено по: ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1об.–4об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 32, 32об., 33; Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству Православного исповедания за 1903–1904 гг. СПб., 1909. С. 94–95; Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. 1. С. 1–24; Лебедев А.К. Успенский женский монастырь в г. Вологде и приписанная Николаевская Озерская пустынь. Вологда, 1899; Об обращении Арсениево-Комельского мужского монастыря Грязовецкого уезда в женский // Церковные ведомости. Прибавления. 1904. № 48. С. 1976–1977; Савваитов П.И. Описание Семигородней Успенской пустыни и упраздненного Катромского монастыря // ВГВ. 1870. № 6, 7; Список соборов, церквей, монастырей и пустынь Вологодской епархии, с подразделением церквей на благотворительные округа // Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 года. Ч. 1, 2. Вологда, 1896. С. 148–161; Суворов Н.И. Введенский монастырь и приписанный к нему Николаевский Коряжемский // ВГВ. 1878. № 11; Он же. Список монастырей прежних и существующих в Вологодской епархии // ВГВ. 1883. № 3–6; Указ об обращении Устюжского Знаменно-Филипповского Яиковского

¹⁹² Дойникова Н.А. Социальное служение ... С. 16; Камкин А.В. Православная церковь ... С. 52.

заштатного мужского монастыря в женский общежительный // ВЕВ. 1908. № 12. С. 208–209.

Представляется, что нельзя рассматривать приписные обители как самостоятельные, без связи с главным монастырём. По отчётам, ведомостям и приходно-расходным книгам обителей можно заметить, что они обладали некоторой автономностью, но незначительной. Ведомости и отчёты составлялись общие для основных монастырей и приписных обителей. Как правило, в первой части документов фиксировались сведения об основном монастыре, далее о приписных по тем же пунктам¹⁹³.

Приписные обители не имели собственного руководства, например настоятеля и казначея, и подчинялись распоряжениям настоятеля главного монастыря. Это определяло зависимый статус приписных монастырей. Поэтому их нельзя рассматривать как самостоятельные единицы, а только в комплексе хозяйств крупных обителей.

Монастыри в России издавна различались также в зависимости от принятого в них устава, что нашло отражение в поговорке «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Различались монастыри, жившие по общежительному (Саровскому) и необщежительным (особножительным) уставам.

Жизнь в монастырях первого типа строилась исключительно на уставе Саровской пустыни. В общежительных обителях всё монастырское хозяйство и казна были общими, и у иноков не было собственного имущества. В России общежительные уставы начали распространяться с середины XIV в.¹⁹⁴

Второй тип монастырей оставался преобладающим до второй половины XIV в. и предусматривал определённые внутренние особенности функционирования обителей – от отправления службы до бытовых норм и хозяйственной деятельности. «Преимуществами особенножительных монастырей с точки зрения основной цели монашества, – пишет И.Л. Бусева-Давыдова, – были возможность принципиального нестяжания (отказ от владения недвижимостью и ведения общего хозяйства) и максимальной продолжительности молитвенного бдения за счёт сокращения времени, используемого для житейских нужд»¹⁹⁵.

Естественный ход кристаллизации типов монастырей прервался после проведения секуляризации, когда Синод и светские власти с его ведома и одобрения (впрочем, Синод сам являлся частью государственного аппарата) принимали законодательные и нормативные акты, в ко-

¹⁹³ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–8.

¹⁹⁴ Рузанова Н.П. Социально-историческая ... С. 39.

¹⁹⁵ Бусева-Давыдова И.Л. Монастыри русские православные (до 1917 г.) // Русская Православная Церковь. Монастыри: Энциклопедический справочник / под общ. ред. архиепископа Бронницкого Тихона / сост. А.В. Никольский. М.: Республика, 2000. С. 389.

торых регламентировались многие стороны жизни обитателей. Особенно большое влияние на этот процесс оказало введение штатного содержания. Оно ранжировало штатные монастыри в стране по трём классам и отделяло их от заштатных обителей, что способствовало укреплению необщезначительных уставов в монастырях в конце XVIII – начале XIX в.¹⁹⁶ В свою очередь это привело к значительной экономической дифференциации и ослаблению дисциплины в иноческих общинах. В отдельных из них дисциплина, по сути, отсутствовала. В конечном итоге осложнялось управление обителями. С 1820-х гг. православные иерархи пытались переломить ситуацию путём перевода обителей на общежительные уставы. Однако эти меры были неэффективными вплоть до конца 1860-х гг.

§ 3. Монастыри Вологодской епархии в 1860-х – 1917 годах

В 60-х гг. XIX в. начался новый этап взаимоотношений монастырей и церковных властей, что обуславливалось социально-экономическими процессами, происходившими в российском обществе, которые были связаны с отменой крепостного права и проведением других буржуазных реформ.

Наиболее интенсивный рост числа монастырей в России приходится на 1880–1914 гг.: ежегодно основывалось в среднем по 12 монастырей¹⁹⁷. Правда, Вологодскую губернию это явление затронуло незначительно – здесь в пореформенный период появился только один новый самостоятельный монастырь. Он был открыт на юго-востоке Яренского уезда¹⁹⁸, в той части, которая входила в условное понятие Коми край¹⁹⁹. Основателем Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря считается архангельский купец, судовладелец, хозяин Серёговского солеваренного завода Афанасий Васильевич Булычёв²⁰⁰. Переписка, сохранившаяся в архивном фонде канцелярии Синода²⁰¹, позволяет раскрыть малоизвестные факты из истории основания обители.

Согласно сохранившимся делопроизводственным документам, «формально» о постройке женского монастыря ещё в декабре 1888 г. задумы-

¹⁹⁶ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060.

¹⁹⁷ Зырянов П.Н. Русские монастыри ... М., 2002. С. 17–43.

¹⁹⁸ Рожина А.В. Основание первого женского монастыря в Коми крае ...; Рожина А.В., Рожина Т.Я. Женская обитель. История Крестовоздвиженского Кылтовского женского монастыря ...

¹⁹⁹ Котов П.П. Система православно-территориального устройства и Коми край ...

²⁰⁰ См., например: Гагарин Ю.В. Монастырь в Коми крае. Машинопись. 1979 // НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 11. Л. 9; Рогачев М.Б., Жеребцов И.Л. Купец, заводовладелец, благотворитель // Связь времен / сост. И.Л. Жеребцов, М.И. Курочкин. Сыктывкар, 2000. С. 191; Рогачев М.Б. Кылтовский Крестовоздвиженский монастырь ... С. 67; Рощевская Л.П. Несколько страниц из истории ... С. 88–92; Кылтовский монастырь // Русские монастыри. Север и Северо-Запад России. М., 2001. С. 45; Трифон, иеромонах. Кылтовский монастырь // Родники Пармы. Научно-популярный сборник / сост. В.А. Блинов, М.Б. Рогачев. Сыктывкар, 1993. С. 181–185 и др.

²⁰¹ См., например: РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312.

вались А.В. Булычёв и великоустюгский мещанин И.Г. Калашников, их активно поддерживал Великоустюгский епископ-викарий Иоаникий²⁰². В письме епископу от 26 декабря 1888 г. Иван Калашников сообщал о покупке «лесной дачи» около 10 тыс. десятин за 5 тыс. руб. в феврале 1886 г. и предлагал уступить необходимое количество земли для монастыря «без всякого вознаграждения» при условии, что «монастырь будет утвержден»²⁰³.

Место для иноческой обители было выбрано не случайно. В документах сообщается, что монастырь был назван «по случаю находящегося здесь деревянного креста»²⁰⁴. Главными причинами, объяснявшими устройство здесь обители, по мнению И.Г. Калашникова, были «необходимость просвещения зырян» и отсутствие женского монастыря «на 1000-верстном пространстве Вологодской губернии». Он имел в виду северо-восточную часть губернии, т. е. Сольвычегодский, Никольский, Усть-Сысольский и Яренский уезды²⁰⁵.

Бюрократические перипетии, мешавшие открытию монастыря, продолжались длительное время, ярко продемонстрировали влияние чиновников разных уровней на решение в общем-то несложного вопроса. Так, по просьбе И.Г. Калашникова и А.В. Булычёва 7 января 1889 г. викарий Иоанникий «довел до сведения» Вологодского архиерея инициативу об учреждении монастыря и подал просьбу «о возбуждении ходатайства в Святейший Синод»²⁰⁶.

Согласно источникам, вопрос о создании нового монастыря в течение 1888–1891 гг. так и не был решен. Афанасий Булычёв, минуя епархиальные власти, отправил личное письмо обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву. Купец подчёркивал важность открытия обители в связи с крайней необходимостью «духовного просветительного учреждения для зырян в центре их оседлости (расселения. – П.К., А.Р.)» и усиления позиций официальной церкви в землях с сильным старообрядческим влиянием²⁰⁷.

В приложении к этому письму второй инициатор создания обители, Иван Калашников, подтвердил, что земля под строительство монастыря будет передана после официального «утверждения об устройстве»²⁰⁸.

²⁰² Иван Григорьевич Калашников в письмах называл себя «сыном Православной церкви», человеком бедным и семейным, состоящим в частной коммерческой службе, которой он и зарабатывал «насушный хлеб с небольшим избытком на черный день» (РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 31).

²⁰³ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 31об.

²⁰⁴ Там же. Л. 32; Рожина А.В. Крестовый стан // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX–XX веках. Тезисы научно-практической конференции. Часть вторая. Яренск, 2003. С. 65.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 31.

²⁰⁶ Там же. Л. 29–30об.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 14, 14об., 15, 15об.

«Настоятельский» корпус в Кылтовском Крестовоздвиженском женском монастыре. Фотография начала XX в.
(Архив Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря).

Собор Зосимы и Савватия в Кылтовском Крестовоздвиженском женском монастыре. Фотография начала XX в.
(Архив Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря).

Это обращение возымело действие. По запросу Синода в 1892 г. поступили «отчеты по делу» учреждения нового монастыря из Вологодской духовной консистории и от Великоустюгского vicария. Вологодский епископ Израиль поддержал идею открытия женской обители и сообщил о «способствующих ее основанию» И.Г. Калашникове, А.В. Булычёве и о неизвестном благотворителе, который «желает пожертвовать 15 000 рублей на содержание причта и за свой счёт построить кельи, церковь и хозяйственные постройки»²⁰⁹.

По свидетельству архимандрита Неофита, планами об открытии монастыря «для зырян» Афанасий Булычёв поделился с митрофорным протоиереем Иоанном Кронштадтским. Чудотворец «одобрил мысль предприимчивого человека и благословил его дело, давая мудрые советы»²¹⁰. По воспоминаниям современников, А.В. Булычёв «мечтал о монастыре, но прежде чем самому вступить в стены обители и найти тут в тиши покой душе своей, он хотел Богом данное ему богатство употребить на пользу людям, помочь тем, кто подобно ему ищет удобных путей ко спасению своей души»²¹¹.

Женская обитель в Яренском уезде была основана после преодоления многочисленных административных препон. На первом этапе сказывался и недостаток финансовых средств для создания обители. Кроме того, разногласия среди духовенства в вопросах о необходимости монастыря и выборе места для него также тормозили открытие православной обители. Важным аспектом дела оставалась насторожённость церковных властей в решении вопроса о земельной собственности. Оформление пожертвования земли И.Г. Калашниковым, настойчивость и финансовые гарантии А.В. Булычёва «споспешествовали» открытию в 1894 г.²¹² Кылтовского монастыря.

Создание Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря укладывалось в рамки наметившегося в пореформенные годы в Русской православной церкви интересного явления – активного развития тенденции по феминизации монашества. Этот процесс был обусловлен проведением буржуазных реформ 1860–1870-х гг. В частности, после отмены крепостного права крестьяне вышли из-под опеки удела, помещиков или казны и могли самостоятельно, например, принимать монашество. С другой стороны, ослаблялось влияние общины в социальной сфере, нарастали компоненты индивидуализма и усиливались другие подобные процессы. Эти процессы затрагивали в основном женщин, прежде всего крестьянок, что на несколько десятилетий и обусловило

²⁰⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 11.

²¹⁰ Архимандрит Неофит. В колыбель зырянского женского иночества ... С. 437–438.

²¹¹ Там же. С. 437.

²¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 40.

их повышенный приток в иноческие обители. В результате проистекло приумножение женского иночества и связанное с ним массовое открытие «девичьих» обителей²¹³. Учреждение женских монастырей происходило преимущественно за счёт преобразования женских общин в общежительные монастыри. По данным В.В. Зверинского, в 1809–1889 гг. в России таким способом было реорганизовано 78 монастырей²¹⁴.

В Вологодской епархии процесс феминизации монашества происходил позже, чем в целом по Российской империи. Здесь новые женские монастыри стали открываться только в начале XX в. и сугубо путём преобразования древних мужских монастырей в женские обители. Так, в 1904 г. в Грязовецком уезде в женский монастырь был обращён Арсениево-Комельский мужской монастырь²¹⁵. В связи с этим Высочайше утверждённым мнением департамента государственной экономии Государственного совета на содержание священнослужителей новооткрытого монастыря с 1 января 1905 г. из государственного казначейства было выделено ежегодное пособие 669 руб. 54 коп.²¹⁶

В Великоустюгском уезде два мужских монастыря также были преобразованы в женские: в 1908 г. – Филипповская Яиковская Знаменская (Знаменно-Филипповская Яиковская) заштатная пустынь²¹⁷ и в 1912 г. – Гledenский Троицкий монастырь²¹⁸.

Современники отмечали причины, по которым в Великом Устюге закрывались мужские монастыри и открывались женские. Так, в начале XX в. путешественник А.С. Панкратов писал, что запустение православных обителей в городе было связано со строительством железной дороги и сокращением доходов от паломников²¹⁹. В то время как женские монастыри существовали за счёт сельского хозяйства и были «битком набиты»²²⁰. Эти субъективные факторы способствовали более лёгкой адаптации женских обителей Великого Устюга к изменениям экономического развития региона.

Отметим, что в России в 1796–1917 гг. 27 мужских монастырей были реорганизованы в женские, из которых три обители, или 11,1%, приходились на Вологодскую губернию. На общероссийском фоне значи-

²¹³ Зырянов П.Н. Русские монастыри ... М., 2002. С. 55.

²¹⁴ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. 1. С. 1–24.

²¹⁵ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшаго Синода по ведомству Православнаго исповедания за 1903–1904 гг. СПб., 1909. С. 94–95; Об обращении Арсениево-Комельского мужского монастыря ... С. 1976–1977.

²¹⁶ ПСЗРИ-3. Т. XXV. 1905 г. Отделение 1. № 26211. С. 304–305.

²¹⁷ Указ об обращении Устюжского Знаменно-Филипповского Яиковского заштатного мужского монастыря в женский общежительный // ВЕВ. 1908. № 12. С. 208–209 (1-я паг.).

²¹⁸ О Троицко-Гledenском монастыре // ВЕВ. 1912. № 9. С. 178–179 (1-я паг.).

²¹⁹ Панкратов А.С. Миллионы в земле ... С. 18.

²²⁰ Там же. С. 19.

тельно скромнее в губернии оказались результаты по открытию новых обителей. Напомним: без учёта возрождённых, в 1796–1917 гг. в Вологодской епархии был создан лишь один монастырь, что составляло всего 0,7% от созданных в стране 134 обителей (см. таблицу 1).

Существование монашества в Российской империи в конце XIX – начале XX в. связано с ещё одним явлением – отделением приписных монастырей от главных обителей. Сведения о точном количестве монастырей, статус которых изменился в результате отделения, в целом по России отсутствуют. По регионам подобные сведения получить значительно проще. Например, в Вологодской губернии три приписных монастыря стали самостоятельными: Спасо-Каменный монастырь (Вологодский уезд) – в 1892 г., Николаево-Коряжемский монастырь (Сольвычегодский уезд) – в 1896 г.²²¹ и Троицко-Гледенский монастырь (Великоустюгский уезд) – в 1912 г.²²² Восстановление прежнего статуса первых двух обителей было связано с укреплением их экономического благосостояния. Троицко-Гледенский монастырь получил статус самостоятельного в результате преобразования его, как упоминалось, в женскую обитель.

К началу XX в. общая численность монастырей в Вологодской губернии увеличилась за счёт отделения приписных монастырей от главных обителей и открытия новых монастырей. Эти процессы неразрывно связаны с расцветом женского иночества. В Вологодской губернии, повторим, три мужских монастыря были преобразованы в женские, открыты Ульяновский мужской и Кылтовский женский монастыри. Отметим, что по указу Святейшего синода от 10 ноября 1892 г. Спасо-Каменный Духов монастырь был переименован в «Свято-Духов монастырь с оставлением его в штате»²²³. Впрочем, прежнее название нередко продолжало употребляться в источниках.

Обратим внимание и на изменения, происходившие во внутреннем устройстве монастырей. Так, уже в 1862 г. Святейший синод рекомендовал переводить иноческие обители России на общежительный устав²²⁴. В результате ускорилось преобразование необщежительных монастырей в общежительные, и большинство монастырей, открытых в Российской империи после 1869 г., действовали исключительно по уставу Саровской пустыни²²⁵.

²²¹ Восстановлению Коряжемского монастыря способствовало пожертвование 45 тыс. руб. купцом 1-й гильдии Михаилом Андреевичем Хаминовым. На основании указа Вологодской консистории от 31 февраля за № 8070 о восстановлении православной обители последовало определение Святейшего Синода от 13 апреля за № 1846.

²²² См., например: ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 248. Л. 4, 5, 5об., 28, 28об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 343. Л. 6.

²²³ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 142. Л. 3.

²²⁴ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 68, 69.

²²⁵ См., например: МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 343. Л. 6 и др.

По статистическим данным за 1914 г., в Российской империи около 70% монастырей были общежительными²²⁶. В Вологодской губернии, несмотря на переход ряда обителей на устав Саровской пустыни, процент общежительных монастырей был меньше, по сравнению с данными по стране. К 1917 г. на территории Вологодской епархии по общежительному уставу жило 13 из 22, или 59%, самостоятельных обителей. В Вологодской губернии к 1917 г. общежительными мужскими обителями являлись: Сямский Богородице-Рождественский, Лопотов Богородицкий, Спасо-Каменный, Павло-Обнорский, Спасо-Суморин Тотемский, Николаево-Коряжемский, Троицко-Стефановский Ульяновский монастыри, Заоникиевская Владимирская и Семигородная Успенская пустыни. Наряду с ними сформировались и женские общежительные обители: Арсениево-Комельский, Троицко-Гледенский, Кылтовский Крестовоздвиженский монастыри и Знаменно-Филипповская пустынь²²⁷.

Итак, после приведения епархиальных границ в соответствие с административно-территориальным делением Российского государства в конце XVIII столетия начался переход на иной уровень регулирования управления монастырями. В развитии отношений между монастырями и властями в конце XVIII – начале XX в. выделяется три этапа: 1796–1820-е гг., 1830–1850-е гг., 1860-е–1917 гг.

С 1796 г. до начала XIX в. происходило оформление экономических и правовых отношений в рамках последствий секуляризации церковных земель. В начале XIX в. политика государства, в частности церковных властей, была направлена на восстановление древних обителей и укрупнение монастырей. В Вологодской губернии наблюдалась тенденция к открытию приписных монастырей за счёт включения в состав штатных обителей вновь восстановленных или заштатных обителей.

На втором этапе, в 1830–1850-х гг., происходило усиление контроля церковных и светских властей над экономической деятельностью монастырей, началось нормативное определение функций и взаимоотношений структур духовного ведомства. Были приняты инструкции для благочинных, «Устав Духовных Консистерий», разработана система отчетности монастырей.

Начало третьего этапа было связано с изменениями в социально-экономическом развитии России после отмены крепостного права и проведения серии реформ в 60-х гг. XIX в. Наблюдалось формирование нового типа отношений между монастырями и церковными властями, особен-

²²⁶ См., например: Фирсов С.Л. Православная церковь и государство ... Приложение; Монастыри общежительные и штатские // Русский инок. 1914. № 13. С. 813–816.

²²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 40; ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 2, 2об.; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 142. Л. 2об., 3; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 137. Л. 2; Д. 342. Л. 1–27; Д. 343. Л. 2–6; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 2–10об.

но заметных к началу XX в. В частности, церковно-государственные власти открыто навязывали обителям переход на общежительный устав. С другой стороны, в стране создавались новые монастыри, и началась своеобразная феминизация иноческих обителей. Указанные процессы затронули и Вологодскую епархию, правда, в некоторых случаях достаточно своеобразно.

Глава 3

СОСТАВ ПРОЖИВАВШИХ В ОБИТЕЛЯХ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Численность монастырской братии в конце XVIII – начале XIX века

В России с 1721 г. принятие в иноческие обители осуществлялось в соответствии с «Духовным регламентом»²²⁸. Запрещалось постригать лиц, обременённых долгами, находившихся под судом, состоявших на военной или гражданской службе, и людей «без увольнения от городских или сельских обществ». В конце XVIII в. важной задачей церковных властей было сохранение численности монастырских общин в соответствии с «Высочайше утверждёнными ведомостями» 1764 г.²²⁹

Численность проживавших в монастырях Российской империи стала напрямую зависеть от их класса и статуса штатного или заштатного. Так, в Свято-Троицко-Сергиевой лавре, которая имела особый статус среди российских обителей, было регламентировано проживание 201 человека, в остальных мужских монастырях 1-го, 2-го и 3-го классов значительно меньше – от 58 до 21 человека. Численность находившихся в женских монастырях 1-го, 2-го и 3-го классов, утверждённая по штатным ведомостям, была выше, чем в мужских. Здесь она составляла вместе с иеромонахами и служителями «для всяких потребных в монастыре услуг» от 98 до 24 человек²³⁰. Однако по штатам предписывалось содержание в женских обителях собственно монашествующих от 72 до 17 человек.

Со времен Петра I государственная политика была направлена на формирование братии монастырей преимущественно выходцами из «белого» духовенства. После 1766 г. вводился запрет на пострижение в монашество лиц, «положенных в подушный оклад», что дополнительно способствовало поступлению в монастыри в основном лиц из «белого» духовенства. В результате, например, в первой половине XIX в. далеко не каждый год и только отдельные удельные крестьяне Вологодской губернии, чаще даже крестьянки, уходили в монастыри²³¹. Пострижение в монахи среди населения Севера до проведения «великих реформ» было нечастым явлением.

Кроме формирования численности братии в монастырях разных классов, законодатель регулировал и назначение на управленческие должности. В мужских обителях статуса лавры и монастырях 1-го и 2-го классов назначались архимандриты, в трёхклассных обителях – игумен-

²²⁸ ПСЗРИ-1. Т. VI. № 3718.

²²⁹ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060.

²³⁰ Там же.

²³¹ Котов П.П. Удельные крестьяне на Европейском Севере ... С. 18–22.

ны. Женскими монастырями вне зависимости от классности управляли игумены.

Для отправления церковных обрядов в штатных монастырях служили иеромонахи, иеродиаконы, пономари, подьячие. Хозяйственно-экономическими и бытовыми вопросами ведали казначеи, ключники, «чашники», «просвиряки»*.

После секуляризации в заштатных монастырях основные должности были определены к 1766 г. В них наблюдались лишь незначительные отличия от классных штатных: главами мужских монастырей назначались архимандриты, игумены, строители или наместники; в составе братии числились иеромонахи, иеродиаконы и прочие монашествующие. Сан возглавлявших заштатные мужские монастыри зависел не только (может, и не столько) от численности братии, но и от древности создания обители. В заштатных женских монастырях были оставлены должности игумены, казначеев, монахинь²³².

Акцентируем, что государство не только устанавливало статус штатных и заштатных монастырей, определяло классность штатных обителей, численность братии в монастырях и сан возглавлявших коллектив монашествующих, но и регламентировало денежное содержание всех монахов, занимавших административные или хозяйственные должности. Церковные власти в этих случаях действовали по отношению к монастырям только как часть государственного аппарата.

В дальнейшем по именному указу Павла I от 18 декабря 1797 г., в трёхклассных монастырях «на усмотрение Синода» разрешалось «вместо игуменов посвящать Архимандритов, с тем только, чтобы оные на положенных по штатам Игуменских окладах оставались»²³³. Тем самым церковные власти получили право возвышать сан настоятелей в низшей категории штатных монастырей. Правда, они по-прежнему не могли изменять их жалованье. Кроме того, Синод оставил за собой эти

²³² ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060. С. 24–36; Сентябрь 6 [1766 года]. Высочайше утвержденный доклад Комиссии о церковных имениях. – О производстве жалования заштатным монашествующим по приложенной ведомости // ПСЗРИ-1. Т. XVII. № 12740. С. 959; Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. № 12740. С. 49–51.

²³³ Декабря 18 [1797 года]. Именной, данный Синоду. – Об учреждении Духовных Академий в Санктпетербурге и Казани; об учреждении сумм на содержание духовных училищ, Архиерейских домов, соборов и служащих при них; об отводе при каждом Архиерейском доме земли с угодьями; об учреждении собственных Священников в Санктпетербурге при придворной церкви, а в Москве при большом Успенском, Благовещенском соборах; о бытии в Консисториях между Присутствующими половине из белого священства, и об определении онаго для особых почестей // ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 18273. С. 821–823; Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. № 18273. С. 59–68; Котов П.П. Строительство и судьба здания Усть-Сысольского духовного училища // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1. С. 136–145.

* Казначей – монах, заведующий доходами и приходами в монастыре; чашник – монах, заведующий погребом, напитками; просвиряк (он же просвирик) – монах, пекущий просвиры; ключник (он же хлебодар) – монах, заведующий съестными припасами, погребом (русская поговорка: «Ключника нет, так и не монастырь»).

особые полномочия «возводить в архимандриты», не допуская до этого ни архиереев, ни консистории.

Достаточно частая смена монастырских настоятелей послужила причиной ужесточения контроля со стороны церковных властей над управлением в иноческих обителях. По императорскому закону «Об отправлении из монастырей ведомостей о настоятелях» от 31 декабря 1797 г. в случае смены настоятеля или его смерти требовалось «в то же самое время» отправлять ведомости в Святейший синод²³⁴.

Продолжалась и практика по регулированию состава монашествующих. Так, в 1799 г. по указу Синода за вдовами и сиротами священнослужителей было закреплено право поступления на монашеские вакансии «преимущественно перед другими»²³⁵. Иными словами, продолжалась тенденция к увеличению роли в монастырях теперь уже и представительной семей «белого» духовенства.

Сведения о численности общин обителей Вологодской губернии сохранились в отчётной документации монастырей и представлены главным образом в ведомостях о настоятелях, монашествующих и бельцах. В качестве дополнительных материалов для изучения состава иноков использовались рапорты благочинных монастырей, входящая документация и переписка монастырей с церковными органами власти различных уровней. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют рассмотреть влияние церковных властей на формирование монастырской общины, изменение численности послушников и иноков, положение настоятелей.

В связи с плохой сохранностью некоторых блоков архивных источников конца XVIII в. не удалось установить общую численность общин монастырей Вологодской епархии за период с 1796 по 1809 г. Эти сведения с 1810 по 1917 г. обобщены в Приложении 2. В нём отражены данные о числе монахов (монахинь), послушников (послушниц), бельцов (белиц) и служителей по монастырям, уездам и подсчитаны в целом по губернии. При этом по разным монастырям сохранился разный объём информации, и не по всем периодам стало возможным восстановление численности иноков и инокинь.

Наряду с этим, состав братии иногда изменялся в течение года. Так, в начале 1819 г. в Михайло-Архангельском мужском монастыре 2-го класса проживали настоятель архимандрит Михаил, 2 священника, казначей, иеромонах, 2 иеродьякона, монах и 5 послушников (всего 13 человек). В течение года «к составу братии прибавились 1 иеромонах, 1 дьякон и 5 послушников», и число монашествующих в обители до-

²³⁴ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1398. Л. 19, 19об.

²³⁵ Апреля 4 [1799 года]. Синодский, по Высочайше утвержденному докладу. – О правилах для призрения вдов и сирот Священнослужителей городских и Соборных церквей // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18921. С. 605–609.

стигло 20 человек²³⁶. С другой стороны, несмотря на наличие стандартных форм отчётных документов, их заполнение отличалось в разных монастырях. Это привело к неоднозначному толкованию отдельных терминов и процессов как в источниках, так и в историографии.

Данные Приложения 2 показывают, что выделялось четыре основные категории лиц, проживавших в Вологодских монастырях и составлявших их общины: монашествующие (иноки и инокини), послушники (послушницы), бельцы (белицы) и служители. Понятия «послушники» и «бельцы» имеют различные трактовки.

Термин «бельцы» (женщины – *белицы*), исходя из первоначального значения от слова «белый», употребляется для обозначения «белого» духовенства, для наименования священников, дьяконов и причетников, противопоставляя их собственно монахам²³⁷. В источниках сохранились упоминания о так называемых «белых» дьяках и священниках²³⁸. Иногда бельцов приравнивали к послушникам, которые готовятся к принятию иночества, противопоставляя их «чёрному» духовенству²³⁹. Белицами в женских монастырях также называли всех лиц в обителях, кроме монашествующих²⁴⁰. Однако именно первая версия употребления термина «бельцы» в значении «белое» духовенство чаще всего отражается в источниках²⁴¹.

В штатных монастырях различались «указные» («рясофорные», или «назывные») и «неназывные» послушники²⁴². Это объясняет разницу в их статусе. «Указными» являлись собственно послушники, относящиеся к духовному сословию. «Неназывными» именовались лица, не причисленные по указам (официально) к штатному составу, но, по-видимому, готовые стать послушниками. Положение неуказных послушников не закреплялось в нормативных документах. Настоятели монастырей причисляли их в одних случаях к послушникам, в других – к бельцам²⁴³. В ведомостях отмечались иногда отдельные неопределённые категории людей, обитавших в монастырях, такие как «проживающие без указанного определения, для приспособления к монастырскому порядку в надежде поступления на постоянство в монастырь», «временно трудящиеся по усердию»²⁴⁴.

²³⁶ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 4399. Л. 3, 8–12.

²³⁷ Спиридонов А.М., Яровой О.А. Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия. Очерки истории Валаамского монастыря. М.: Прометей, 1991. С. 61.

²³⁸ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–11; Д. 50. Л. 16об.–24 и некоторые др.

²³⁹ Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 2. С. 160–166.

²⁴⁰ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 26. Л. 10–22; Д. 35. Л. 6–16.

²⁴¹ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–10; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 371. Л. 7об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3455. Л. 3 и др.

²⁴² ГАВО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 193. Л. 4–10; Ф. 522. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 62.

²⁴³ См., например: ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 79. Л. 15.

²⁴⁴ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 337. Л. 38; Ф. 437. Оп. 1. Д. 125. Л. 7.

Особую категорию в монастырях составляли служители «для прочих в монастыре потребных служб»²⁴⁵ (орфография сохранена. – П.К., А.Р.). Они формировались из состава казённых (государственных) крестьян и получали жалованье по штатному окладу²⁴⁶.

Кроме указанных категорий, в монастырях находились паломники и лица, которые несли церковные наказания²⁴⁷. Их пребывание в иноческих обителях носило временный характер (до года), и поэтому они, как правило, не относились к монастырской братии.

Различные формулировки, характеризующие лиц, проживавших в монастырях, усложняют анализ данных и обуславливают возможность погрешности. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют воссоздать общую динамику численного состава общин монастырей Вологодской губернии за период с 1810 по 1917 г. (см. Приложение 2).

Несмотря на регламентацию монастырских должностей согласно штатному расписанию, в конце XVIII – начале XIX в. в целом по России наблюдалось несоответствие штатной и фактической численности общин в обителях. По выявленным данным, начиная с 1810 г. во многих монастырях Вологодской епархии не существовало соответствия численности общины утверждённым штатам. Так, во всех иноческих обителях Великоустюгского уезда фактическая численность братии была меньше штатной. В обителях Вологодского уезда, напротив, число «насельников» соответствовало штатным ведомостям (Спасо-Каменный мужской монастырь) или даже превышало установленную численность (Спасо-Прилуцкий 2-го класса мужской монастырь, Иоанно-Предтечев женский монастырь) (см. Приложение 2).

Епархиальные власти Вологодской губернии стремились поддерживать численность общин монастырей согласно штатным ведомостям. Одним из способов сохранения иноков служила сложная процедура по исключению их из монастырей. Дела об элиминировании из монастырей монахов и послушников*, скорее всего, специально затягивались, разбирались в течение одного-двух лет, и все решения принимались в индивидуальном порядке. В документах Вологодской духовной консистории обнаружено дело за 1808–1809 гг. о недостойном поведении послушника Троицко-Гледенского трёхклассного монастыря Великоустюгского уезда Ивана Осонина. Инициировал исключение послушника

²⁴⁵ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060.

²⁴⁶ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 75.

²⁴⁷ ГАВО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

* Понятия «монашество» или «иноки» терминологически употребляются по отношению к лицам, которые приняли постриг и входили в состав «чёрного духовенства». Послушники (женщины – послушницы) представляли отдельную категорию лиц, проживавших в монастырях и готовившихся к принятию монашества.

игумен обители Герман, который отправил в канцелярию епископа рапорт «о пьянственных и прочих неблагопристойных поступках» Осонина²⁴⁸. По резолюции епархиального архиерея консистория направила послушника в Великоустюгское духовное училище «в прислугу»²⁴⁹. Но вскоре дело пересмотрели «в присутствии духовного правления», и молодой человек 28 лет, выходец из государственных крестьян, был отправлен «в военную службу»²⁵⁰. Это один из редких случаев, когда послушник не был пострижен в монахи, правда, сразу же с «возложением на него рекрутской повинности», т.е. по сути был возвращён в крестьянское сословие только для учёта такового на период отбывания рекрутчины.

Исследователи указывали на то, что одним из результатов секуляризации во времена Екатерины II явилось не только сокращение количества монастырей, но и сокращение численности монашествующих в ряде штатных обителей России²⁵¹. Правда, выявленные данные о численности братии в монастырях по Вологодскому и Великоустюгскому уездам Вологодской губернии за период с 1811 по 1820 г. не позволяют говорить о наличии общей устойчивой тенденции к сокращению числа монахов и послушников.

Отмеченная ситуация сохранялась и в 20-х гг. XIX в., когда, по выявленным материалам, тенденция к уменьшению численности братии наблюдалась только в некоторых мужских монастырях Вологодской епархии. Так, в среднем с 1810–1820 по 1821–1830 гг. в Спасо-Прилуцком двухклассном мужском монастыре Вологды число братии сократилось с 41 до 12 человек, из них иноков и послушников почти в два раза, а служители и вовсе перестали проживать. Правда, в последующие несколько десятилетий численность братии начала восстанавливаться, и число иноков, например, стало соответствовать началу XIX в. Заметим, что динамика числа братии в другом вологодском монастыре, трёхклассном мужском Спасо-Каменном Духове монастыре, отличалась. В нём в 1810–1820 и 1821–1830 гг. численность братии оставалась на уровне 21 человека, а число иноков даже увеличилось на два (с пяти до семи), правда на столько же сократилось и число бельцов. Иное наблюдалось в Вологодском Горнем Успенском женском монастыре, в котором в указанные периоды численность проживавших увеличилась с 77 до 108 человек. При этом число инокинь не изменялось, тогда как число послушниц увеличилось с 61 до 92, т. е. на треть (см. Приложение 2).

Наблюдённые в Вологодской епархии процессы затронули мужские и женские монастыри и в других регионах страны. В целом по Российской

²⁴⁸ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2944. Л. 8.

²⁴⁹ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2944. Л. 8об.

²⁵⁰ Там же. Л. 21, 22об.

²⁵¹ Знаменский П.В. История Русской церкви ... С. 112.

ской империи численность монахов в мужских монастырях с 4 900 человек в 1815 г. сократилась до 3 727 человек в 1825 г. и была ниже установленной по штатам. Число монахинь, наоборот, увеличилось с 1 700 человек в 1815 г. до 1 882 человек в 1825 г.²⁵²

§ 2. Регулирование состава иноков и послушников в 1830–1850-х годах

С начала 30-х гг. XIX в. законодательные акты Синода в отношении монастырей были направлены на усиление сохранения и увеличение численности монахов. Церковные власти законодательно регламентировали новый порядок принятия в состав иночества и ограничили выход из «чёрного» духовенства. 29 мая 1832 г. были провозглашены «Высочайше утверждённые правила о принятии в монастыри и пострижении в монашество»²⁵³. Вводимые правила не противоречили нормам «Духовного регламента», а дополняли их. Например, подтверждался возраст, после которого разрешался постриг мужчин в монахи (с 30 лет) и женщин в монахини (с 40 лет). Устанавливались случаи, в которых допускалось отступать от общих правил. Во-первых, пострижение в 25 лет разрешалось для мужчин, окончивших «курсы богословских наук» и готовившихся «к учительским должностям»²⁵⁴. Тем самым в иноческие обители поступали представители «учёного монашества». Они не имели практического опыта жизни в монастырях и рассматривали эту должность как ступень в церковной иерархии на пути к епископству²⁵⁵.

Наряду с этим преимуществом пользовались и дети бедных священников. Это делалось с целью их «практического приготовления к церковно-служительским должностям»²⁵⁶.

Во-вторых, «без особого разбирательства лет» допускался постриг вдов священнослужителей²⁵⁷. Вступлению в монашество предшествовал «послушнический искуc» не менее трёх лет. Однако две упомянутые категории освобождались от этого испытания.

Другой мерой, направленной на увеличение численности братии монастырей, была регламентация Синодом и светскими властями необходимого соотношения монахов и послушников. Согласно всё тем же «Высочайше утверждённым правилам» 1832 г. число послушников в монастыре должно было соответствовать численности монашествующих²⁵⁸. Отметим, что это положение в монастырях Российской импе-

²⁵² Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 62–63.

²⁵³ ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5399. С. 339–341.

²⁵⁴ Там же. С. 340.

²⁵⁵ Балашова Т.В. Московские монастыри ... С. 19.

²⁵⁶ ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5399. С. 341.

²⁵⁷ Там же. С. 340–341.

²⁵⁸ Там же.

рии и в Вологодской губернии в частности нередко не соблюдалось (см. Приложение 2).

Регулирование численности братии в иноческих обителях проявлялось и через контроль над передвижением монашествующих со стороны епархиальных властей. Самовольный переход иноков и послушников из одного монастыря в другой без согласования с Синодом пресекался церковными властями. Однако с 1832 г. епархиальному начальству законодательно разрешалось увеличивать число послушников «...в монастырях, где есть особая нужда... за счет уменьшения оных в других монастырях»²⁵⁹.

Дальнейшими указами Святейшего синода и Вологодской духовной консистории этот указ укоренялся, и самовольные переходы из одного монастыря в другой без разрешения епископов запрещались²⁶⁰. Это правило распространялось и на послушников. В случаях выявления самовольного перехода монаха из одного монастыря в другой рекомендовалось «отправить его в ту обитель, в которой он состоял доселе»²⁶¹.

Сокращение численности иноков вынуждало органы церковных властей применять ещё одну меру – более строго регламентировать статус людей, исключённых из «чёрного» духовенства. Лишение сана и процедура перехода в другое сословие была затруднена и осуществлялась исключительно по решениям духовных судов и Синода. На основании Положения от 10 апреля 1832 г. лица, с которых был снят сан, отсылались в распоряжение гражданского правительства без права поступления на государственную службу²⁶².

Высочайше утверждённое мнение Государственного совета от 26 октября 1832 г. «О монашествующих лицах, слагающих сей сан по собственной воле и лишаемых онаго по рассмотрению Духовнаго Начальства» законодательно усложнило процедуру снятия сана²⁶³. Отныне детально регламентировались меры, применяемые к монаху, слагавшему сан по своей воле. В таких случаях применялись «увещания» в течение шести месяцев со стороны монастырского настоятеля и старшей братии. «Беседы» велись лицами, назначенными епархиальным начальством. Ужесточались последствия для вышедших из «чёрного» духовенства и их положение. Инок, с которого снимали сан, не только не имел права поступления на государственную службу, но и в течение семи лет состоял под епитимией. Лишённый сана по церковному суду лишался права проживания в столицах и в той губернии, где был мона-

²⁵⁹ ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5399. С. 340–341.

²⁶⁰ См., например: ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 203. Л. 4; Д. 211. Л. 28, 28об.

²⁶¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 22. Л. 33, 33об.

²⁶² ПСЗРИ-2. Т. XIV. № 5702.

²⁶³ Там же. С. 802–803.

хом. Об этом бывший инок предупреждался «под подписку», в случае нарушения которой высылался в Сибирь «на всегдашнее пребывание, без разрешения и там вступать на службу»²⁶⁴. Изучая корни этой проблемы, последний обер-прокурор Синода А.В. Карташев выделил слова киевского генерал-губернатора: «...общество, наконец, стало относиться враждебно к лицам духовного звания переходившим на службу гражданскую»²⁶⁵.

В результате принятых светской и церковной властью мер добровольный отказ от иночества, вероятно, был нечастым явлением, во всяком случае в северных монастырях. Так, в архивах сохранились единичные дела о лишении монашеского сана в монастырях Вологодской губернии. Но и в этих случаях репрессивные меры вводились преимущественно за преступления²⁶⁶.

Предпринятые синодальными и епархиальными властями в 30-х гг. XIX в. шаги по сохранению численности братии в соответствии со штатными ведомостями были достаточно эффективными. На время удалось остановить сокращение числа монашествующих. В целом по России наблюдалось увеличение численности монахов и послушников, главным образом за счёт приумножения мужского иночества. За период с 1825 по 1840 г. монашествующих в стране стало больше на 1 397 человек, послушников – на 1 244 человека. Не случайно к 1840 г. в мужских обителях Российской империи проживало 5 122 монаха, тогда как послушников – 3 259, т. е. на треть меньше. В женских обителях численность послушниц была традиционно выше, чем инокинь, да и увеличение числа последних с течением времени стало отставать от темпов прироста послушниц. В женских обителях с 1825 по 1840 г. численность инокинь возросла на 405 человек, тогда как послушниц – на 1 127 человек. К 1840 г. в «девичьих» обителях России насчитывалось 2 287 монахинь и 4 583 послушницы. Иными словами, последних насчитывалось в два раза больше относительно монахинь²⁶⁷.

В 40-е гг. XIX в. на уровне Синода вновь был поднят вопрос о чёткой регламентации процедуры принятия монашества и исключения из него. В 1841 г. в «Уставе Духовных Консistorий» были детализированы меры в отношении лиц, лишённых монашеского сана. Исключение из иночества разрешалось только на основании особых постановлений Святейшего синода и применялось в крайних случаях, преимущественно за преступления, подлежащие светскому уголовному суду²⁶⁸.

²⁶⁴ ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5702. С. 802–803.

²⁶⁵ Карташев А.В. Очерки по истории ... Т. 2. С. 516.

²⁶⁶ См., например: ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–8.

²⁶⁷ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 63.

²⁶⁸ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–235.

Более чётко прописывалась и процедура зачисления в монашество. Лица, желавшие принять постриг, должны были предоставлять не только «разрешающие» документы из гражданских ведомств, но и свидетельства о соответствии мирского поведения монашескому чину. И, наконец, лишь в случае наличия «монашеской вакансии» в том монастыре, куда желает поступить послушник, Святейший синод разрешал постриг²⁶⁹.

Снятие ряда ограничений для желавших поступить в монастыри и усложнение процедуры выхода из монашества стабилизировали численность иноков в мужских обителях России только на время. Так, их число в 1850 г. составляло 4 978 человек и по сравнению с 1840 г., т. е. за десять лет, сократилось на 144 человека, или на 2,8%²⁷⁰. При этом в 1850 г. послушников стало уже на 41 человека больше, чем монахов, правда, лишь на короткое время.

В Вологодской епархии, согласно выявленным архивным сведениям по отдельным монастырям, наблюдались в основном сходные с общероссийскими тенденции, конечно, не без специфики. Так, с 1831–1840 по 1841–1850 гг. в Спасо-Прилуцкой двухклассной мужской обители (Вологодский уезд) общая численность насельников возросла почти в 2,6 раза – с 17 до 44 человек, в том числе иноков – с 7 до 10, или на 42,9%, и послушников – с 6 до 11, или на 83,3%. Подобное происходило и в Спасо-Каменном Духове трёхклассном мужском монастыре (Вологда), правда, при более скромных результатах прироста насельников и монашествующих. В этой обители с 1841–1850 по 1851–1860 гг. число всех проживавших возросло с 27 до 39 человек (на 44,4%), число иноков – с 5 до 6 (на 20%). В Горне-Успенской трёхклассной женской обители (Вологда) наблюдалась более противоречивая ситуация. Здесь с 1831–1840 по 1851–1860 гг. численность инокинь сократилась с 28 до 17, или на 39,3%, тогда как общее число проживавших возросло с 28 до 126 человек, или в 4,5 раза (см. Приложение 2).

В целом большинство обителей Вологодской губернии к 1851–1860 гг. оставались малолюдными. Так, в Сосновецком Дионисиево-Глушицком трёхклассном мужском монастыре (Кадниковский уезд) значилось только 6 иноков и 10 послушников (всего 16 человек), в Михайло-Архангельском двухклассном мужском монастыре (Великоустюгский уезд) – 10 иноков и 9 бельцов (всего 19 человек). Ещё более малолюдной была Николаево-Прилуцкая заштатная мужская обитель, находившаяся в Великоустюгском уезде, – в ней в указанное десятилетие проживало всего 9 человек (1 инок и 8 бельцов). Немногим больше монашествующих было в Знаменно-Филипповском (Яиковском) заштатном муж-

²⁶⁹ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–235.

²⁷⁰ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 63.

ском монастыре, который также располагался в Великоустюгском уезде. Однако в нём числились не только иноки и бельцы (по 2 человека), но и 9 послушников – всего 13 человек. Заметно более многочисленными являлись упомянутые Спасо-Прилуцкий мужской, Спасо-Каменный Духов мужской и Горне-Успенский женский монастыри (см. Приложение 2).

Данные Приложения 3 свидетельствуют о том, что в 1830–1850-х гг. возрастные характеристики иночества по обителям Вологодской епархии разнились, как правило, незначительно. Так, в 1831–1840 гг. средний возраст проживавших в Спасо-Прилуцком мужском монастыре составлял 39 лет. В следующем десятилетии в нём и Лопотовом Богородицком Григорьево-Пельшемском монастыре (Кадниковский уезд) и в 1851–1860 гг. в Знаменно-Филипповской мужской обители (Великоустюгский уезд) средний возраст живущих равнялся 42 годам. По выявленным источникам наименее возрастными являлись монашествующие Корнильево-Комельской мужской обители (Грязовецкий уезд), их средний возраст в 1851–1860 гг. – 36 лет. Напротив, самые возрастные обитатели проживали в Великоустюгском Иоанно-Предтечевом женском монастыре: средний возраст в 1831–1840 и 1851–1860 гг. – 58 и 57 лет соответственно.

В разные периоды возрастные характеристики обитателей монастырей выглядели достаточно индивидуальными, и их средний возраст нередко оставался неизменным. Например, в 1831–1840 и 1851–1860 гг. в Великоустюгском Михайло-Архангельском мужском монастыре этот показатель равнялся 40 годам, в Вологодской Горней Успенской женской обители – 43 и 44 года соответственно, в 1841–1850 и 1851–1860 гг. в Спасо-Каменном Духове мужском монастыре – 37 и 38 лет соответственно (см. Приложение 3).

По всем обнаруженным документам, среди проживавших в монастырях Вологодской губернии наиболее часто самыми возрастными оставались монахи. Так, в 1851–1860 гг. их средний возраст в Вологодском Спасо-Каменном Духове мужском монастыре равнялся 42 годам, послушников – 29 годам; в Великоустюгском Михайло-Архангельском монастыре: иноков – 57 годам, бельцов – 32 годам; в Великоустюгском Знаменно-Филипповском мужском монастыре: иноков – 58 годам, послушников – 18 годам и бельцов – 51 году (см. Приложение 3).

Конечно, наблюдались и отклонения из указанного ряда, когда, например, в 1851–1860 гг. в Вологодской Горней Успенской женской обители средний возраст инокинь составлял 42 года, тогда как послушниц – 45 лет. Обратим внимание на то, что самые возрастные иноки проживали в Великоустюгском Николаево-Прилуцком мужском монастыре, их средний возраст в 1851–1860 гг. достигал 74 лет (для сравнения: бельцов – 31 года) (см. Приложение 3).

Более пожилыми иноки и инокини были по вполне объяснимым причинам: до принятия пострига им нужно было прожить несколько лет в обителях, набраться опыта в отправлении служб и пройти «послушнический искуc».

В 1831–1860 гг. сохранялось преобладание численности насельников в женских монастырях относительно мужских обителей. Например, с 1850-х гг. в Вологодской губернии преобладание женщин «на послушании» было больше не менее чем в 2,5 раза, нередко – в 3–4 раза по сравнению с монашествующими мужчинами. В мужских обителях Вологодской епархии, напротив, иноки обычно, как и в целом по стране, преобладали, и послушников было меньше. В епархии с 1860 г. установилась прочная тенденция к преобладанию иноков над послушниками в мужских монастырях, за исключением двух периодов на рубеже XIX–XX вв. (см. Приложение 2).

§ 3. Изменение состава братии в православных обителях в 1860-х – 1917 годах

После отмены крепостного права, освобождения крестьян и проведения других преобразований в 1860-х гг. в России начал изменяться состав монастырских общин. До этого времени, как указывалось выше, политика церковных властей была направлена на обеспечение преимущественного поступления в монастыри лиц из семей духовного сословия. По мнению исследователя церковной истории России С. Николаевой, в XVIII–XIX вв. «возрастал унизительный взгляд на духовенство “сверху”. Поэтому случаи поступления в монастырь лиц из дворянских семей были единичны»²⁷¹. Проблема социальной мобильности духовенства неоднократно поднималась и другими отечественными исследователями²⁷². Один из крупнейших знатоков истории Русской церкви П.Н. Зырянов отмечал: «Своеобразное “хождение” дворянок и разночинок в послушницы было явлением тех лет (1860 – начала 1870-х гг. – П.К., А.Р.)»²⁷³.

Отмена крепостного права привела к разрушению традиционных отношений в России²⁷⁴. Снимались ограничения, запрещавшие постригать в монашество крепостных крестьян без согласия на это их помещи-

²⁷¹ Николаева С. Экономическое положение Русской церкви до революции 1917 г. // Вестник аналитики. 2009. № 1. С. 149.

²⁷² Ершова Н.А. Социальный статус приходского духовенства и его участие в процессе формирования интеллигенции в XVIII столетии / Проблемы истории России XVIII–XX веков (Научные чтения памяти профессора Ю.Д. Марголиса) / отв. ред. А.В. Ненахов / ред. В.В. Гецен. Сыктывкар, 1997. С. 18–25.

²⁷³ Зырянов П.Н. Русские монастыри ... М., 2002. С. 55.

²⁷⁴ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1963. С. 6; Иванюков И.И. Падение крепостного права в России. СПб., 1903. С. 9–11; Котов П.П. К вопросу о реформе 1863 г. ... С. 82–83.

ков или, например, удельного ведомства, что увеличило приток в монастыри выходцев из крестьянства. Получив волю, бывшие крепостные не всегда знали, как ею распорядиться. Отмена крепостного права, давшая личную свободу, одновременно привела к сокращению крестьянских угодий и ограничению хозяйственных возможностей крестьянских дворов, возложила на крестьян дополнительные расходы, связанные с выкупными платежами. В связи с разрушением общины они теряли ощущение защищённости, уверенности в завтрашнем дне.

С другой стороны, обитатели с удовольствием принимали в послушники и монахи крестьян, привыкших к тяжёлому физическому труду. Монастыри получали значительные доходы, что гарантировало их братии уверенность в завтрашнем дне, во всяком случае гарантировало обеспечение пропитанием. В поисках стабильности и лучшей доли крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости, уходили не только в города, но и в иноческие общины.

Естественно, что стали разрабатываться новые комплексы законов, направленных на регулирование пополнения монастырских общин и отношений внутри них. По указу Святейшего синода от 29 сентября 1865 г. вводилось упрощение принятия монашеского пострига, но для классных монастырей оставались определённые ограничения – пострижение в них «...допускается по соображению имеющих в них вакансии». Такие ограничения не распространялись на заштатные монастыри, на содержание которых не выделялись государственные средства, и поэтому в них «дозволяется принимать столько братии, сколько обитель может содержать»²⁷⁵.

Законом 1865 г. восстанавливался прежний порядок пострига. Отныне епархиальные архиереи самостоятельно, «с соблюдением уставленных правил, не испрашивая разрешения Святейшего Синода» принимали решение о принятии в монашество. С другой стороны, в ежегодных отчётах архиереи обязаны были «о числе постриженных в течение года представлять ... перечневую ведомость ... по форме»²⁷⁶. Желавшие стать иноками обращались к настоятелям обителей с прошениями, в которых указывался и монастырь, где проситель намеревался пребывать. К прошению прилагались рекомендация благочинного и «свидетельства», удостоверявшие, что для пострижения нет препятствий. Процедура официального поступления в монастырь в число послушников означала переход в другое сословие, и лицам из податных сословий помимо личного прошения было необходимо иметь увольнительные свидетельства из губернской казённой палаты. Только после

²⁷⁵ Сентября 29 [1865 года]. Именной, объявленный Сенату Святейшим Синодом. – О порядке приема и пострижения желающих поступить в монашество // ПСЗРИ-2. Т. XL. Собрание 1. № 42505. С. 989.

²⁷⁶ ПСЗРИ-2. Т. XL. Собрание 1. № 42505. С. 989.

получения этих документов решалось дело о зачислении в послушники крестьян и мещан²⁷⁷. В соответствии с законом в годовых отчётах в Святейший синод монастыри были обязаны предоставлять «сведения по форме о числе постриженных».

В большинстве монастырей Вологодской губернии в пореформенный период более 50% послушников и монахов оказались выходцами из крестьянского сословия. С другой стороны, в 1860-х гг. в монастырях отсутствовали штатные служители (см. Приложение 2). Эта категория монастырской общины с 1764 г. состояла в иноческих обителях на штатном окладе и формировалась из государственных крестьян. После изменения их положения в 1865 г. и снятия с них штатного оклада²⁷⁸ служители долгое время не фигурировали в монастырских ведомостях (отчётных документах).

Таблица 2

**Социальное происхождение проживавших в монастырях
Вологодской губернии в 1864–1908 годах**

Категория братии	Сословия						Всего
	Крестья- не	Меща- не	Купцы	Дво- ряне	Воен- ные	Духо- венство	
Горний Успенский женский монастырь, трёхклассный (1864 г.)							
Монахини	5	6	1	1	-	2	15
Послушницы ¹	14	1	-	1	1	7	25
«Неназывные» послушницы («живущие на испытании»)	19	4	-	-	-	3	26
Итого	38	11	1	2	1	12	66
Троицко-Стефановский Ульяновский мужской общежительный монастырь (1870 г.)							
Монахи	7	2	1	-	-	2	12
Послушники	7	3	-	-	-	1	11
Итого	14	5	1	-	-	3	23
Крестовоздвиженский Кытловский общежительный монастырь (1908 г.)							
Монахини	10	1	-	-	1	1	12
Послушницы	96	1	-	-	1	-	98
Итого	106	2	-	-	2	1	110

Примечание: ¹ Сословная принадлежность одной послушницы не выявлена.

Составлено по: ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–2; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 63. Л. 8–29, 31об., 32; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 266. Л. 10–33.

²⁷⁷ См., например: ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 9, 9об.

²⁷⁸ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 75.

В таблице 2 обобщены сведения о социальном происхождении братии в разное время за 1864–1908 гг. на примере трёх монастырей Вологодской губернии: Ульяновского Троицко-Стефановского мужского общежительного, Вологодского Горнего Успенского женского трёхклассного и Крестовоздвиженского Кытловского женского общежительного. Во всех указанных православных обителях значительный рост численности общин обеспечивался посредством поступления в монастыри прежде всего крестьян. Однако определённое число общины формировалось и за счёт других сословных групп.

Из 66 человек, проживавших в Вологодском Горнем Успенском женском монастыре в 1864 г., 38 (57,6%) были родом из крестьян. Выходцев из других сословий было значительно меньше: из духовенства – 12 человек (18,2%), из мещанства – 11 человек (16,7%), из дворянства – два человека (3,0%), а также по одному человеку (всего по 1,5%) – из купечества и военного сословия (таблица 2). Одна послушница была сиротой, поэтому её происхождение не установлено²⁷⁹.

В северо-восточной оконечности Вологодской губернии отсутствовали дворяне и военные, да и купцов проживало очень мало. Такое отличие структуры жителей северо-востока от структуры населения в южных уездах и предопределяло специфику состава иноков. Так, в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре Усть-Сысольского уезда, по данным на 1861 г. (через год после основания обители), насчитывалось всего 6 человек. В 1870 г. здесь проживало 12 монахов и 11 послушников, из них 14 человек были родом из крестьян (60,9%)²⁸⁰. Кроме того, в Ульяновской обители находились пять выходцев из мещанства (21,7%), трое (13,0%) – из духовенства и только один (всего 4,3%) – из купечества (таблица 2). К концу XIX в. братия монастыря насчитывала 60 человек, но выходцы из крестьян по-прежнему составляли основную их часть²⁸¹.

Пики зачисления в монастыри Вологодской губернии приходились на неурожайные годы и обеспечивались за счёт притока выходцев опять же из крестьян. Несмотря на то, что в 1891–1892 гг. был сформирован Вологодский епархиальный комитет для вспоможения пострадавшим, меры, предпринимаемые для борьбы с последствиями неурожая, остались малоэффективными: за два года существования епархиальный комитет собрал около 30 тыс. руб.²⁸², что в среднем соответствовало дохо-

²⁷⁹ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 134. Л. 2.

²⁸⁰ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 63. Л. 8об.–29.

²⁸¹ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 1об.

²⁸² Список денежных пожертвований в Вологодский епархиальный комитет для вспоможения пострадавшим от неурожая // ВЕВ. 1892. № 1–4, 7, 8, 10, 12, 13.

дам за тот же период одного Ульяновского монастыря²⁸³. Понятно, что этих денег было недостаточно, чтобы обеспечить всех нуждавшихся в помощи. В такой ситуации уход крестьян в монастырь был вынужденной мерой – чтобы выжить в голодные годы.

В 1890-х гг. в Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь зачислялось в среднем по 4-5 послушников ежегодно. Так, в 1892 г. в качестве послушников в монастырь поступило шесть крестьян Усть-Сысольского уезда: Иван Евстафьевич Ушаков, Василий Афанасьевич Митюшев, Илья Афанасьев, Василий Афанасьевич Налимов, Дмитрий Фёдорович Надтьев и Степан Иванович Яруков²⁸⁴. Несмотря на предписание обязательного трёхлетнего «искуса», в 1893 г. в обход закона Дмитрий Надтьев уже принял монашеский постриг²⁸⁵. С 1894 г. послушниками в Ульяновскую обитель стали зачислять даже крестьян из соседнего Яренского уезда, в котором не было мужских монастырей²⁸⁶.

В женских монастырях Вологодской епархии социальный состав общины в конце XIX – начале XX в. также значительно обновился. В начале XX в. Кылтовский Крестовоздвиженский монастырь являлся самой многочисленной женской обителью в Вологодской губернии и, пожалуй, самой «крестьянской» по составу. В нём в 1908 г. из 12 монахинь 10 (83,3%) и из 98 послушниц 96 (98,0%) были родом из крестьянских семей. В обители проживали по одной монахини и одной послушнице из мещан и военного сословия и одна инокиня из духовенства (см. таблицу 2).

Преобладание выходцев из крестьянства в общинах монастырей в конце XIX – начале XX в. наблюдалось не только в Вологодской губернии. По данным, приведённым В.А. Федоровым, в Архангельской и Тамбовской епархиях от 66 до 73% «населников» в монастырях были выходцами из крестьянства²⁸⁷. Это явление нужно рассматривать как особенность провинциальных монастырей в пореформенный период. В монастырях тогдашней второй столицы социальное происхождение иноков имело свою специфику. Как отмечала Т.В. Балашова, в мужских обителях Москвы преобладали выходцы из духовенства, и лишь в женских в большинстве были «бывшие крестьянки и мещанки», а также значительная часть дочерей купцов и дворян²⁸⁸.

При назначении на управленческие должности социальное происхождение монахов имело важное значение. Несмотря на превалирова-

²⁸³ См. таблицу 4.

²⁸⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп.1. Д. 211. Л. 2, 2об., 21, 21об., 26.

²⁸⁵ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 1.

²⁸⁶ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 228. Л. 2, 2об.

²⁸⁷ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 63.

²⁸⁸ Балашова Т.В. Московские монастыри ... С. 18.

ние выходцев из крестьянства среди проживавших в мужских и женских монастырях в конце XIX – начале XX в., все настоятели мужских обителей в Вологодской губернии были родом из семей «белого» духовенства²⁸⁹.

Иная ситуация складывалась в «девичьих» монастырях. Например, настоятельницами в женских обителях центральной части Российской империи назначались преимущественно дворянки, принявшие монашеский постриг²⁹⁰. Такое практиковалось и в юго-западных уездах Вологодской губернии, в которых, напомним, имелись помещичьи имения. Так, в Вологодском Горнем Успенском трёхклассном монастыре были случаи назначения настоятельницами дворянок. Подтверждением этому является биография игуменьи Смарагды, принявшей постриг и ставшей в 40 лет игуменьей²⁹¹.

В отдалённых общежительных женских обителях Вологодской епархии игуменьи, как правило, были родом из мещанского сословия или происходили из среды разночинцев²⁹². Например, настоятельница Кылтковского Крестовоздвиженского монастыря Филарета была из семьи разночинца. Овдовев, она приняла монашеский постриг²⁹³. В выявленных архивных источниках по истории монастырей Вологодской губернии нами не было обнаружено ни одного случая назначения на должности настоятелей и настоятельниц выходцев из крестьянства.

Обратим внимание на то, что, согласно материалам Приложения 4, настоятель Арсениево-Комельского и Спасо-Прилуцкого монастырей Павел (Попов Алексей Яковлевич) в 1868–1874 гг. стал викарием Вологодской епархии, епископом Тотемским, как и настоятель Лопотова Богородицкого Григорьево-Пельшемского, Корнильево-Комельского и Спасо-Каменного Духова монастырей Антоний (Быстров), достигший в 1906 г. сана архимандрита и принявший в 1908 г. должность викария Вологодской епархии, епископа Вельского. Более высокого поста достиг настоятель Спасо-Каменного Духова, Спасо-Прилуцкого и других монастырей Полиевкт (Пясковский), являвшийся в 1900–1902 гг. епископом Рязанским и Зарайским. Но их превзошли два других инока, которые получили сан архиепископов. Так, Амвросий (Рождественский-Вещезеров), бывший в 1800–1804 гг. настоятелем Спасо-Каменного Духова монастыря и в 1804–1811 гг. – Спасо-Прилуцкой обители, в 1817 г. становится епископом Вятским, в 1822–1825 гг. – архиепископом

²⁸⁹ См.: таблицу 5; МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 364. Л. 43–44, 69–90; Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–91; Д. 9. Л. 1–49, 102–134; Д. 19. Л. 20–21; 64–79; Д. 81. Л. 1–10; Д. 82. Л. 1–25; Д. 83. Л. 4–44; Д. 87. Л. 15–33; Д. 88. Л. 1–28; Д. 89. Л. 1–46; Д. 96. Л. 1–39; Д. 106. Л. 1–32 и др.

²⁹⁰ См., например: Балашова Т.В. Московские монастыри ... С. 20.

²⁹¹ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 134. Л. 1об., 2.

²⁹² См., например: МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 108. Л. 2–25; ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 134. Л. 1об., 2.

²⁹³ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 142. Л. 2–30; Д. 266. Л. 10–33.

Тобольским. Настоятель всё тех же Спасо-Каменного Духова и Спасо-Прилуцкого монастырей Гавриил (Розанов) в 1821 г. занял кафедру епископа Орловского, с 1832 г. он – архиепископ Екатеринославский и в 1837–1848 гг. – архиепископ Херсонский и Таврический (см. Приложение 4). Отметим, что все названные монашествующие в разные годы являлись настоятелями Спасо-Прилуцкого и Спасо-Каменного Духова монастырей, выступавших в Вологодской епархии своеобразными кузницами епископских кадров. Кроме того, все упомянутые монахи в разные годы являлись ректорами Вологодской духовной семинарии.

На рубеже XIX–XX вв. в штатных монастырях Вологодской епархии по-прежнему сохранялась недостаточность братии, преимущественно в Великоустюгском уезде. В рапорте за первую половину 1900 г. благочинный монастырей Великоустюгского викариатства Павел сообщал епископу Гавриилу о недостаточном числе священнослужителей и монашествующих в мужских обителях²⁹⁴. В Михайло-Архангельском двухклассном мужском монастыре численность братии была более чем в три раза меньше предписанной по штатным ведомостям. В 1901–1910 гг. вместо 34 человек там проживало 9 иноков и 1 послушник, или менее трети от штата (см. Приложение 2).

Основная часть монастырей Вологодской епархии оставалась малонаселённой, хотя в течение времени в некоторых из них и увеличивалось число проживавших. Так, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. численность братии в Спасо-Каменном Духовом мужском трёхклассном монастыре увеличилась с 13 до 36 человек, или почти в 2,8 раза (в том числе с 7 до 11 иноков, или в 1,6 раза). Однако в основном в монастырях региона наблюдалась своеобразная консервация малолюдности. Например, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. в Николаево-Прилуцком мужском заштатном монастыре число проживающих ненамного уменьшилось, с 13 до 12 (иноков оставалось по четыре). За тот же период более значительно сократилась численность братии в Спасо-Прилуцкой мужской двухклассной обители – с 21 до 12 человек, или в 1,8 раза (иноков с 11 до 7, или в 1,6 раза), Знаменно-Филипповской заштатной пустыни с 1861–1870 по 1901–1910 гг. – с 11 до 7 человек, или в 1,6 раза, при 5-6 иноках (см. Приложение 2).

По-другому складывалась ситуация в новом Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре – здесь число братии с 7 человек, включая 3 иноков, в 1861–1870 гг. выросло до 81 человека в 1911–1917 гг., включая 44 иноков. Иными словами, общая численность братии в этой обители за указанные периоды увеличилась в 11,6 раза, иноков – в 17,7 раза и бельцов – в 29 раз (с 1 до 29 человек). Правда, число послушников увеличилось только в 2,7 раза (с 3 до 8 человек). Однако с 1861–1870

²⁹⁴ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 12.

по 1901–1910 гг. численность послушников возросла с 3 до 56 человек, или в 18,7 раз. Затем, в 1911–1917 гг., по нашему мнению, они перешли в разряд иноков и бельцов, в том числе и с целью избежать мобилизации после 1914 г. (см. Приложение 2).

В женских обителях численность монашествующих была выше, по сравнению с большинством мужских. Во всяком случае, в Иоанно-Предтечеве трёхклассном монастыре в 1861–1870 гг. значились 18 инокинь и 54 послушницы и в 1901–1910 гг. – 19 инокинь и 56 послушниц, в Троицко-Гледенском трёхклассном монастыре в 1911–1917 гг. – 6 инокинь и 41 послушница, в только что основанном Кытловском Крестовоздвиженском уже в 1894–1900 гг. проживали 11 инокинь и 21 послушница, в 1911–1917 гг. – 15 инокинь и 127 послушниц. С другой стороны, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. в Горне-Успенской обители, как и в ряде мужских монастырей Вологодской епархии, численность проживавших ненамного сократилась – с 70 до 68 человек – при небольшом увеличении инокинь (см. Приложение 2).

По данным статистики, в 1914 г. в России женское иночество численно преобладало: в мужских монастырях насчитывалось 11 485 иноков и 9 485 послушников, тогда как в женских монастырях – 17 283 инокини и 56 016 послушниц²⁹⁵. Иными словами, инокинь было в 1,5 раза больше, чем иноков, число послушниц в 3,2 раза превосходило число послушников. Однако в ряде регионов такой заметной разницы иночества в мужских и женских обителях не замечалось. Так, по средним показателям за 1911–1917 гг. братия мужских монастырей по всей Вологодской губернии составляла 328 человек, в женских проживал 341 человек, т. е. наблюдался почти численный паритет обитавших в мужских и женских обителях (см. Приложение 2).

Другая тенденция, проявившаяся в Вологодской епархии после отмены крепостного права, была связана со «старением иночества» в мужских монастырях. В них, по данным таблицы 3, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. средний возраст братии увеличился: в Спасо-Прилуцком – с 41 до 63 лет, или на 53,7% (иноков – с 49 до 53 лет, или на 8,2%), в Ульяновском Троицко-Стефановском – с 35 до 50 лет, или на 42,9% (иноков – с 40 до 57 лет, или на 42,5%). Ещё более характерными оказались показатели по Николаево-Прилуцкой мужской обители, в которой в среднем за указанные годы братия повзрослела на 67,7% – с 31 до 52 лет, иноки на 40,0% – с 40 до 56 лет. В эти же годы среди мужских монастырей Вологодской губернии только в Спасо-Каменном Духове монастыре наблюдалось отличие от общей тенденции: в нём средний возраст братии повысился всего на 2 года (с 39 до 41 года), или на 5,1%,

²⁹⁵ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 63; Зырянов П.Н. Русские монастыри ... С. 55.

тогда как иноки стали даже моложе на 4 года (с 51 до 47 лет), или на 7,8% (см. Приложение 3).

В отличие от мужских, в женских монастырях Вологодской губернии возрастные показатели проживавших отличались ярко выраженной противоречивостью. Так, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. в Горне-Успенском женском монастыре возраст монашествующих увеличился с 49 до 55 лет, или на 12,2% (инокинь – с 54 до 61 года, или почти на 13%). Напротив, возраст инокинь Кытловской Крестовоздвиженской обители с 1891–1900 по 1911–1917 гг. оставался неизменным, но средний возраст всех обитавших в ней отвечал общей тенденции и возрос с 36 до 47 лет, или на 30,6% (см. Приложение 3).

Средний возраст монашествующих в обителях Вологодской епархии в 1831–1917 гг. отображён в таблице Приложения 3 и на графике Приложения 5. Данные материалы наглядно показывают, что с 1831–1840 по 1841–1850 гг. средний возраст монашествующих в мужских обителях несколько повысился, затем в течение 20 лет наблюдалось незначительное их омоложение. Период с 1861 по 1917 г. был связан с ярко выраженным «старением» иноков в мужских монастырях, средний возраст которых в Вологодской губернии увеличился с 40 лет в 1870-х гг. до 59 лет в 1910–1917 гг. В женских монастырях региона, напротив, наблюдалась тенденция к уменьшению возраста – с 53 лет в 1870-х гг. до 49 лет в 1910–1917 гг. Для сравнения: в обителях Москвы в конце XIX – начале XX в. средний возраст монахов составлял 52,5 года, монахинь – 53 года²⁹⁶.

Сопоставляя данные по монастырям Москвы и Вологодской губернии за период с конца XIX до начала XX столетия, можно заметить некоторые региональные особенности. Несмотря на то, что женщин принимали в монашество в более зрелом возрасте, чем мужчин, в Вологодской губернии по средним показателям монашествующие в «девичьих» монастырях нередко оказывались моложе. Это обеспечивалось за счёт поступления в послушницы значительного числа молодых девушек из северной губернии. При этом в мужских обителях Вологодской епархии, в отличие от Москвы, почти отсутствовали молодые иноки, представители так называемого учёного иночества.

Таким образом, на примере Вологодской епархии видно, что церковные власти обеспечили установление прямого контроля над перемещением монахов и послушников, строго регламентировали поступление в «чёрное» духовенство и исключение из его состава. При этом с конца XVIII в. синодальные и епархиальные власти пытались регулировать численность монашествующих. В целях сохранения иноческой братии Синод значительно ограничивал переход из «чёрного» духовенства в другие сословия.

²⁹⁶ Балашова Т.В. Московские монастыри ... С. 18.

В пореформенный период епархиальные власти получили право самостоятельно, без согласования с Синодом, рассматривать дела о пострижении в монашество, переходе монахов и послушников из одного монастыря в другой и при назначении настоятелей. Власти предприняли дополнительные попытки регулирования численного состава обителей. Однако предпринимаемые меры не всегда были эффективны.

Несмотря на предписания властей о сохранении равного соотношения иноков и послушников, численность лиц на «послушании» значительно отличалась от установленной штатной нормы. В целом по Российской империи, по Вологодской губернии в том числе, в мужских монастырях иноков было больше, чем послушников. Эта тенденция сохранялась на протяжении 1825–1914 гг., за исключением показателей 1850 г., когда число послушников в России оказалось на 41 человека больше численности монашествующих. В женских обителях, напротив, послушницы численно преобладали над инокинями: в России в 2-3 раза, в Вологодской губернии даже в 3-4 раза.

К началу XX в. увеличилась численность монашествующих и послушников в монастырях. Наибольшее их число в Вологодской губернии наблюдалось в новых развивающихся монастырях – в Уляновском Троицко-Стефановском мужском и Кылтовском Крестовоздвиженском женском. Однако в целом по Вологодской епархии отмечался недостаток мужского иночества. С другой стороны, происходило уменьшение численности братии в штатных обителях. Часто это наблюдалось в древних обителях, плохо приспособившихся к новым условиям развития страны и общества, сложившимся в пореформенный период.

В женских монастырях, напротив, как в целом по России, так и в регионах численность монахинь была, как правило, больше установленной штатом. В них происходило обновление состава за счёт значительного вливания в монашество представителей крестьянства. При этом выходцы из этого сословия были исключены из управления монастырями.

В начале XX столетия деятельность церковных властей обеспечила в целом стабилизацию и некоторое увеличение численности монашества в Вологодской губернии. Однако социальная структура монастырских «населенников» была подвержена изменениям, которые обуславливались новыми явлениями в социально-экономическом движении России в пореформенный период. Получили развитие такие явления, как неравномерное распределение братии по обителям, значительное увеличение в монастырях выходцев из крестьян и численное преобладание женского иночества.

Глава 4

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МОНАСТЫРЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЦЕРКОВНЫХ ВЛАСТЕЙ В 1796–1917 ГОДАХ

§ 1. Содержание обителей в конце XVIII – начале XIX века

Кардинальным переменам подверглось экономическое положение монастырей Российской империи во второй половине XVIII в. После секуляризации произошло изменение статуса монастырей и была ограничена их финансовая независимость²⁹⁷. Прежде всего, в 1764 г. монастыри лишились значительной части земельных владений, обеспечивавших им стабильный доход. Все церковные вотчины были переданы из духовного ведомства в коллегию экономии²⁹⁸. Православным обителям оставляли только «места для овощных огородов и садов, также для пастьбы лошадей и выгону скота, а при том для рыбной ловли озера, или пруды»²⁹⁹. Размер земель определялся в зависимости от класса монастырей: для обителей 1-го класса – по 9 десятин, 2-го класса – по 8, 3-го класса – по 6 десятин. Тем самым в результате реформы монастырские земельные владения значительно сократились.

Доход от земель, ранее поступавший Русской православной церкви, стал перечисляться в коллегию экономии, откуда часть средств распределялась в пользу духовенства. В результате секуляризации монастыри были переведены на штатные оклады, финансирование производилось из коллегии экономии в зависимости от класса монастыря. Наибольшее в Вологодской губернии ежегодное содержание в сумме 2 017 руб. 50 коп. было назначено Кирилло-Белозерскому монастырю 1-го класса (с 1788 г. – в Новгородской губернии). Монастыри 2-го класса получали по 1 311 руб. 90 коп., 3-го класса – по 806 руб. 30 коп. в год³⁰⁰. По штатным ведомостям женским обителям начислялись значительно меньшие суммы. Так, штатные 3-го класса женские обители Вологодской губернии из коллегии экономии получали окладные суммы по 375 руб. 60 коп. в год³⁰¹. Сверх положенных средств монастырям полагалась денежная прибавка к штатному окладу: на 1-классные – по 300 руб. в год, на 2-классные – по 200 руб., на 3-классные – по 150 руб. в год³⁰².

Средства, выделяемые на содержание монастырей, были строго распределены по соответствующим статьям: на жалованье монашеству-

²⁹⁷ См., например: Штаты монастырей и монашествующих и способы содержания монастырей // Странник. 1884. № II–III, С. 88; Яшина О.Н. Земельная собственность ...

²⁹⁸ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 59.

²⁹⁹ ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12060.

³⁰⁰ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060. С. 30–31.

³⁰¹ Там же. С. 36.

³⁰² Там же. С. 32.

ющим и служителям, на подушный налог, на хозяйственные нужды и постройки. Оклады настоятелей значительно разнились в зависимости от класса монастыря: архимандриты в монастырях 1-го класса получали ежегодное жалованье по 500 руб., в монастырях 2-го класса – по 300 руб., игумены в монастырях 3-го класса имели оклад в 150 руб.³⁰³

Ежегодная оплата деятельности казначеев в штатных монастырях составляла от 22 до 27 руб. Жалованье остальной братии монастыря не зависело от его класса: иеромонахи и иеродиаконы получали по 13 руб. в год, остальные служители – от 8 до 10 руб. в год³⁰⁴. Епархиальные архиереи имели право «по своему разсуждению» увеличивать или сокращать жалованье в рамках положенной на тот или иной монастырь суммы³⁰⁵.

На «прочие расходы» (дрова, конюшенные припасы, церковные расходы, ремонт и другие траты) обители, как и их руководители, получали средства в зависимости от класса: монастыри 1-го класса – по 837 руб. 50 коп., 2-го класса – по 554 руб., 3-го класса – по 375 руб. в год³⁰⁶.

В 1766 г. для заштатных монастырей также было назначено годовое жалованье, однако значительно меньшее, чем в штатных обителях. В заштатных монастырях архимандриты ежегодно получали по 70 руб., игумены – по 50 руб., строители, наместники, иеромонахи и иеродиаконы – по 13 руб., прочие монашествующие – по 8 руб., игуменьи, строительницы и монахини – по 10 руб. Всего на каждую заштатную обитель перечислялось около 300 руб. в год.

Средства на содержание монастырей и на оклады монашествующим отправлялись в соответствии с утверждёнными ведомостями. При этом ежегодные «остатки от сумм» (неиспользованные средства. – П.К., А.Р.) требовалось возвращать в коллегия экономии³⁰⁷.

Изначально у основной части проживавших в монастырях оклады были низкие, и указом от 18 декабря 1797 г. была сделана прибавка к жалованью «сверх положенного по штатам». В заштатных монастырях прибавка составила 300 руб. в год на каждую обитель. Настоятели мужских монастырей стали дополнительно получать к жалованью: архимандриты во 2-м классе – 70 руб., игумены в 3-м классе – 100 руб. Кроме них, в мужских монастырях 2-го и 3-го классов прибавку получили пономари, просвириники, ключники, чашники. В женских монастырях

³⁰³ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060. С. 30.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060. С. 34.

³⁰⁶ Там же. С. 30.

³⁰⁷ ПСЗРИ-1. Т. XVII. № 12740. С. 959; Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. № 12740. С. 49–51.

3-го класса прибавки к жалованью были назначены игуменьям – по 60 руб., казначеям – по 15 руб. и монахиням – по 10 руб.³⁰⁸

Всего, как свидетельствуют данные таблицы 3, в конце XVIII в. содержание монастырей (с учётом окладов и прибавок) составляло: в мужских штатных 2-го класса – 1 742 руб. 90 коп., 3-го класса – 1 172 руб. 30 коп., в женских 3-го класса – 750 руб. 60 коп. При этом размеры прибавок для низших монастырей относительно окладов для них были более значительные. Так, прибавка 1864 г. для мужских обителей 2-го класса составляла 15,2% от оклада, 3-го класса – 18,6%, для женских монастырей 3-го класса и вовсе 40,0%. Ещё более зримыми эти показатели оказались по указу 1797 г., когда прибавка относительно окладов в мужских монастырях 2-го класса равнялась 17,6%, 3-го класса – уже 26,8%, а в женских обителях 3-го класса – 59,9%.

Таблица 3

Окладные доходы штатных монастырей Вологодской губернии в конце XVIII века, руб.

Указы		Вид финансирования	Окладные доходы мужских монастырей		Окладные доходы женских монастырей
			2-й класс	3-й класс	3-й класс
Год	№ указа				
1764	12 060	Оклад	1 311,9	806,3	375,6
	12 060	Прибавка	200,0	150,0	150,0
1797	18 273	Прибавка	231,0	216,0	225,0
Итого		Оклад, прибавка	1 742,9	1 172,3	750,6

Составлено по: ПСЗРИ-1. Т. XVI. № 12060; Т. XXIV. № 18273; Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060, 18273.

Финансирование заштатных монастырей осуществлялось строго по ведомостям, и в 1797 г. с учётом прибавки оно в среднем составило 607 руб., т. е. более чем на треть ниже, чем в женских трёхклассных обителях. При этом прибавки в заштатных монастырях пусть и незначительно, но превысили размеры окладов.

Оклады «белого» духовенства Русской православной церкви были значительно ниже жалованья военных, тогда как содержание настоятелей штатных монастырей было достаточно высоким. По подсчётам Ю.М. Гончарова, штатные оклады священников в конце XVIII столетия составляли от 25 до 80 руб.³⁰⁹ При этом архимандриты в монастырях

³⁰⁸ ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 18273. С. 821–823; Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. № 18273. С. 63–67.

³⁰⁹ Гончаров Ю.М. Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4. С. 63.

получали от 370 до 500 руб., игумены – 250 руб. в год. Оклады настоятелей в монастырях 1-го класса превосходили жалование протопопов Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля, а во 2-м классе были равны ему³¹⁰. С другой стороны, в целом доходы остальной братии иноческих обитателей были ниже доходов «белого» духовенства.

Содержание по штатным ведомостям православные обитатели получали частями – два раза в год через казённые палаты. Распределение окладных средств отмечалось в книгах для прихода и расхода по статьям: жалование для братии, на продовольствие, церковные и хозяйственные потребности, «на починку церквей»³¹¹. К концу XVIII в. правовая и экономическая зависимость монастырей от синодально-государственных властей была оформлена законодательно.

После перехода на финансирование монастырей по штатным окладам средств для содержания, ремонта и строительства монастырских построек, предусмотренных по сметам, было, как правило, недостаточно. В результате после секуляризации ремонтно-строительные работы во многих монастырях Вологодской губернии были прекращены³¹². Проблему недостатка средств для строительства власти попытались решить в 1798 г. По указу Синода «О выдаче сумм на исправление Архирейских домов и монастырей» в случаях нехватки штатных окладов разрешалось составление отдельных смет на ремонтные работы с привлечением епархиальных архитекторов. Эти сметы представлялись на рассмотрение Святейшему синоду «с показанием, сколько к положенной по штатам на починки сумм, следует еще оной к отпуску»³¹³. Однако на практике Синод выделял дополнительные средства крайне редко.

Система распределения остатков сумм от выдачи жалования в монастырях регулировалась указами Синода. В связи с проведением министерской реформы изменился порядок учёта выдачи штатного жалования монастырям. Со второй половины 1806 г. монастыри Вологодской епархии стали получать средства по окладам из губернского казначейства, находившегося в ведомстве министерства финансов³¹⁴. Реформа способствовала усилению контроля со стороны церковных властей за получением монашескими средствами. По запросу казначейств духовные правления проверяли по получаемым из монастырей ведомостям соответствие численности братии штатному расписанию³¹⁵. Это

³¹⁰ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060. С. 31.

³¹¹ См., например: МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3277. Л. 1–6об.; Д. 3515. Л. 1–5об.; Д. 3710. Л. 1–5об.; Д. 3970. Л. 1–5; Д. 4280. Л. 1–8об.; Д. 4399. Л. 1–12; Д. 4535. Л. 1–10; Д. 4536. Л. 1–10.

³¹² Зенкова О.Б. Троице-Гледенский монастырь. Великий Устюг, 2007. С. 14.

³¹³ Ноября 8 [1798 года]. Синодский. – О выдаче сумм на исправление Архирейских домов и монастырей // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18743. С. 442–443.

³¹⁴ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 17. Л. 24.

³¹⁵ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3063. Л. 54.

привело к установлению строгой отчётности по выдаче монастырям окладов.

Подотчётное использование средств обуславливало возвращение жалованья монастырями в случае неполного штата. Во входящих документах фонда Великоустюгского духовного правления сохранилось сообщение от архимандрита Михайло-Архангельского монастыря Парфения об отправке в уездное казначейство штатного оклада в сумме 9 руб. «за неимением в штате» одного послушника³¹⁶.

Нерешённым вопросом, определявшим хозяйственную деятельность монастырей, было наделение их землёй. Исследователи отмечали, что в конце XVIII – начале XIX столетия произошли перемены к лучшему, монастыри получили возможность вернуть часть своих бывших имений³¹⁷. Да и законодательство в некоторых случаях позволяло увеличивать земельные владения иноческих обителей. Так, по закону от 18 декабря 1797 г. каждому монастырю было отмежёвано по 30 десятин выгонной земли и разрешалось «заводить мельницы и пруды для рыбоводства»³¹⁸.

После «прослушивания» рапортов казённых палат 19 июля 1798 г. Сенат издал указ «Об отводе к Архирейским домам и монастырям земель, мельниц, рыбных ловель и разных угодий». Согласно шести пунктам этого документа разрешалось оставить монастырям все земли, находившиеся в их собственности, а также отдать им мельницы и рыбные угодья «по удобству расположения», при этом учитывались класс монастыря и численность братии. В указе подчёркивалось, что политика властей направлена на то, чтобы предоставить монастырям «лучшие по возможности выгоды, отвести по способности земли с угодьями»³¹⁹.

После указов конца XVIII в. часть монастырей Вологодской губернии получили мукомольные мельницы и места для рыбной ловли. К 1799 г. мельницы были приобретены или отстроены в Павло-Обнорском, Иоанно-Предтечевом, Знаменно-Филипповском, Николаево-Прилуцком, Сольвычегодском Введенском и Николаево-Коряжемском мужских монастырях и в Горне-Успенской женской обители³²⁰.

Максимально обеспечены «рыбными угодьями» в Вологодской губернии оказались монастыри 3-го класса Грязовецкого уезда: Павло-

³¹⁶ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3990. Л. 92.

³¹⁷ Монастыри и монашество: 1700–1918 гг. // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 335.

³¹⁸ ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 18273. С. 821–823; Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. № 18273. С. 59–68.

³¹⁹ Июля 19 [1798 года]. Сенатский. – Об отводе к Архирейским домам и монастырям земель, мельниц, рыбных ловель и разных угодий // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18590. С. 304–305.

³²⁰ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 144. Л. 85; Ф. 522. Оп. 1. Д. 112. Л. 50; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 12об., 17, 53, 54об., 78об.

Обнорский и Корнильево-Комельский, имевшие свои участки на реках Окольной Сухоне и Курме, и Арсениево-Комельский, обладавший «рыбными ловлями» на реках Комеле и Леже³²¹. В Вологодском уезде двухклассный Спасо-Прилуцкий монастырь получил место под рыбную ловлю на реке Вексе³²². Заштатные обитатели – Семигородная Успенская в Кадниковском уезде и Спасо-Суморин монастырь в Тотемском уезде – также получили возможность заниматься рыбной ловлей³²³. В худших условиях оказались обитатели Великоустюгского уезда, которые не получили «рыбных угодий».

Монастыри приспосабливались к новым отношениям. Получая оклады, обитатели находили новые источники получения средств. Развивалась тенденция к увеличению неокладных монастырских доходов. В конце XVIII – начале XIX в. содержание иноческих обителей, как правило, превосходило их ежегодные окладные доходы. Однако монастыри в России, помимо содержания по окладам, стали получать собственные доходы, которые назывались «неокладными». В конце XVIII в. неокладные доходы монастырей обычно записывались в приходно-расходные книги вместе с суммами по выдаче штатного жалования. С начала XIX столетия эти доходы стали фиксироваться в отдельных книгах.

Выявленные в архивных источниках данные о собственных доходах обителей обобщены в Приложении 6, где представлена динамика неокладных доходов монастырей Вологодской губернии в 1796–1917 гг. В связи с тем, что с конца XVIII по начало XX в. в денежном обращении находились медные, бумажные, серебряные и золотые деньги, возникла необходимость свести данные Приложения 5 к одной счётной единице. В соответствии с курсом денег³²⁴ все неокладные доходы монастырей были переведены на серебряный номинал.

Значительная часть финансовой документации конца XVIII в. утеряна, в наибольшей сохранности нам удалось обнаружить документы в фондах монастырей Великоустюгского уезда. Михайло-Архангельский двухклассный мужской монастырь в соответствии со штатным окладом получал 935 руб. 41 коп., при этом в период с 1796 по 1799 г. его неокладные доходы составляли от 700 до 900 руб. в год, в среднем за период – 758 руб.³²⁵ В конце XVIII в. собственные доходы обителей существенно различались. Так, по выявленным данным, зафиксированным в приходно-расходных книгах, неокладные доходы в Спасо-Каменном Духове мужском монастыре в среднем за 1797 г. достигли 1 086 руб., в

³²¹ ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 6об., 7; Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 6; Ф. 522. Оп. 1. Д. 112. Л. 50.

³²² ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 972. Л. 7, 7об.

³²³ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 86. Л. 14.

³²⁴ См.: Миронов Б.Н. Хлебные цены за два столетия (XVIII–XIX вв.). Л.: Наука, 1985. С. 35–41.

³²⁵ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1624. Л. 9–12, 14–18, 26–35.

Знаменно-Филипповской заштатной пустыни – всего 99 руб.³²⁶ Средние ежегодные неокладные доходы на один монастырь Вологодской губернии в 1796–1806 гг. составляли около 792 руб. (см. Приложение 6).

В начале XIX в. не только усиливался контроль над использованием монастырями штатных окладов, но и происходила унификация законодательства в отношении монастырской земельной собственности. Согласно указу от 8 июня 1805 г. обители получили право принимать в дар и по завещанию незаселённые участки земли³²⁷. С 1810 г. с монастырей были сняты все ограничения по приобретению земельных владений³²⁸.

По указу от 4 января 1819 г. в очередной раз были уточнены отдельные нормы, регламентировавшие приобретение монастырями недвижимого имущества и земельных угодий. Отныне на все «крепостные акты» (сделки по купле, продаже и сдаче земли в аренду. – П.К., А.Р.) требовалось не только согласие епархиальной администрации, но и обязательное испрошение «на то всякий раз Высочайшего соизволения»³²⁹. Конечно, благочинные и местные иерархи не препятствовали развитию договорных отношений в сфере землевладения, всегда поддерживали подобные инициативы и обращались за «Высочайшим соизволением». С другой стороны, епархиальные власти контролировали землепользование монастырей, прежде всего внимательно относились к отчётам по развитию договорных отношений в сфере землевладения³³⁰.

Таким образом, находясь на окладном жалованье, в конце XVIII – начале XIX в. иноческие обители Вологодской епархии из дополнительных источников получали неокладные доходы. Их суммы значительно различались и составляли от 20 до 78% от общего дохода обителей (см. таблицу 3 и Приложение 6).

В начале XIX в. ситуация менялась в сторону увеличения неокладных доходов, которые по обителям Вологодской губернии нередко значительно различались. Так, в среднем за 1810–1820 гг. неокладные доходы в Вологодской Горне-Успенской женской 3-го класса обители достигали 2 135 руб., в Великоустюгской Михайло-Архангельской мужской 2-го класса – 2 341 руб., тогда как в Вологодской Спасо-Прилуцкой мужской 2-го класса обители – только 468 руб. Десятилетие спустя в

³²⁶ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1453. Л. 2.

³²⁷ Июня 8 [1805 года]. Сенатский в следствие Именного. – О испрашивании на покупку Духовными Властями земель или других угодий // ПСЗРИ-1. Т. XXVIII. № 21785. С. 1077–1078.

³²⁸ Яшина О.Н. Земельная собственность ... С. 45.

³²⁹ Января 4 [1819 года]. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. – О несовершении крепостных актов монастырями и церквами недвижимыя имения без Высочайшего соизволения // ПСЗРИ-1. Т. XXXVI. № 27622. С. 7–8.

³³⁰ См., например: МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Д. 19. Л. 78об.; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 371. Л. 9; ГАВО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 112. Л. 50.

Троицко-Гледенском мужском монастыре 3-го класса среднегодовые дополнительные доходы ограничивались 440 руб. (см. Приложение 6).

С течением времени неокладные доходы в обителях Вологодской губернии постепенно нарастали. С 1810–1820 по 1821–1830 гг. в Спасо-Каменном Духове мужском монастыре 3-го класса они увеличились в среднем на 2 074 руб., или почти в 1,9 раза, в Спасо-Прилуцком монастыре и вовсе на 5 261 руб., или более чем в 11,2 раза (см. Приложение 6).

Понятно, что в упомянутых монастырях возросли и показатели среднегодовых неокладных доходов в расчёте на одного человека. Данные Приложения 7 иллюстрируют, что с 1810–1820 по 1821–1830 гг. в среднем на каждого монашествующего в Спасо-Каменном Духове монастыре неокладные доходы увеличились с 53,29 до 158,05 руб., или почти в 3 раза, в Спасо-Прилуцком монастыре – с 11,41 до 477,42 руб., или больше чем в 41,8 раза. Как и общие собственные доходы, их показатели в расчёте на одного проживавшего в монастырях существенно отличались. Так, в 1810–1820 гг. указанные показатели в Горне-Успенском женском монастыре составляли 27,73 руб., в Михайло-Архангельском мужском – 80,72 руб., или больше по сравнению со среднедушевыми доходами по всем трём упомянутым обителям.

Отметим, что на содержание монашествующих использовалась и часть заработанных монастырями денег – неокладных доходов. В этой связи оплата труда братии по обителям или даже в рамках обителей Вологодской губернии, но за разные годы варьировалась. Так, за первую половину 1808 г. в Михайло-Архангельском мужском монастыре 2-го класса жалованье иеромонаха, двух священников и двух иеродьяконов составляло по 12 руб. каждому, монаху – 10 руб., шести послушникам – по 10 руб. 33 и $\frac{1}{3}$ коп. (на всех – 62 руб.), подьячему – по 16 руб. 6 и $\frac{1}{2}$ коп. и 16 штатным служителям – по 10 руб. 6 и $\frac{1}{2}$ коп. Отдельно «из благотворительных денег распределялось от 1 руб. до 4 руб.» на человека. На вторую половину года жалованье сохранялось в том же «исчислении»³³¹. Спустя 11 лет мало что изменилось: за первую половину 1819 г. (за вторую половину размер выплат сохранялся) в обители было выделено «жалованных денег» настоятелю – 185 руб., казначею – 8 руб. 75 коп., подьячему – 16 руб. 6 и $\frac{1}{2}$ коп. и штатным служителям – по 10 руб. 61 и $\frac{1}{4}$ коп.³³²

Однако, сравнивая размеры выплат монашествующим, следует помнить о том, что они фиксировались в бумажных деньгах. По их курсу в 1808 г. рубль ассигнациями приравнялся к 44,7 коп. серебром (далее – сер.), а в 1819 г. – к 26,3 коп. сер.³³³ Обратим внимание и на

³³¹ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2896. Л. 1–8об.

³³² МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 4399. Л. 1–7.

³³³ Миронов Б.Н. Хлебные цены за два столетия ... С. 37.

разницу выплат среди монашествующих. Так, подьячие получали почти в два раза больше, чем казначеи, а настоятели – в 11,5 раза больше по сравнению с подьячими.

При этом в 1819 г. в Михайло-Архангельской мужской обители 2-го класса фиксировались как традиционные расходы «на общую трапезу братии», «на церковные потребности», на рыбу, дрова, пиво и вино, так и не совсем обычные. Например, в монастыре в том же 1819 г. оказались потрачены «на починку церкви монастыря 300 руб.» и было «плачено мещанину Василию Горбунову за четыре аршина шелковых лент голубых рубль двадцать копеек»³³⁴.

§ 2. Усиление контроля за хозяйственной деятельностью монастырей в 1830–1850-х годах

Регламентация монастырского землевладения, введение системы строгой отчётности монастырских доходов и расходов были важными аспектами, определявшими финансово-экономические отношения церковных властей и иноческих обителей в России в 1830–1850-х гг. С другой стороны, продолжалось введение норм, расширявших возможности увеличения обителями собственных доходов.

В целях дальнейшего расширения земельных угодий монастырей был принят ряд законов. С разрешения синодально-епархиальных властей в 1832 г. иноческие обители получали возможность, при отсутствии других покупателей, приобретать заложенные недвижимые имущества, выставленные на публичные торги. Указ также предписывал монастырям в дальнейшем «не раздавать своих капиталов под залог», а вкладывать их в кредитные билеты «для приращения процентов»³³⁵.

Кроме того, расширялись земельные владения монастырей вследствие пожалований от государства и не только, как ранее, за счёт предоставления пашенных и сенокосных угодий. На основании указа от 10 ноября 1832 г. «О предоставлении казенных лесов в заведении казенных селений, монастырей и городских обществ» обителям «в их заведение и правление» выделялись, «где возможность позволяет, из казенных дач участки» «в неприкосновенный запас» (без права продажи и каких-либо форм отчуждения. – П.К, А.Р.). Монастыри получили возможность использовать валежник для своих нужд, а «в последствии ... могли оные» участки «употреблять на собственное продовольствие», но только «с разрешения Святейшего Правительствующего Синода»³³⁶.

³³⁴ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2898. Л. 1–2об.

³³⁵ Октября 13 [1832 года]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – О правилах для утверждения за церквами заложенным им и просроченных недвижимых имений // ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5675. С. 708–709.

³³⁶ Ноября 10 [1832 года]. Сенатский, по Высочайшему повелению. – О предоставлении казенных лесов в заведении казенных селений, монастырей и городских обществ // ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5742. С. 831–835.

Спустя шесть лет размытость формулировки «где возможность позволяет» в основном устранилась. По закону от 6 сентября 1838 г. определялось: «Пространство отводимых (обителям. – П.К., А.Р.) лесных участков должно заключать от 50 до 150 дес. смотря по изобилию лесов», а вновь учреждаемым монастырям отводилось по 100 дес. Важно, что лесные угодья выделялись, «хотя бы находились в их некоторая часть строевых деревьев»³³⁷, ибо казна всегда неохотно делилась строевым лесом с частными лицами и организациями.

В 1836–1841 гг. 170 монастырям в России было безвозмездно передано 25 тыс. дес. (16 тыс. дес. леса и 9 тыс. дес. пашни и сенокосов)³³⁸. Монастыри, которым не были отведены земли, стали получать компенсацию исходя из размеров причитающихся им угодий.

Лесные угодья выделялись монастырям ещё при одном строгом условии: «чтобы они» охраняли «сей лес от истребления» и добывались «надлежащего подроста» деревьев³³⁹. Спустя три десятилетия на таких же условиях лесные дачи стали предлагать крестьянам удельного ведомства³⁴⁰. Эти обязательства не все монастыри должным образом выполняли, иногда по объективным причинам – в силу значительного расстояния обитателей от выделенных лесных дач. Поэтому по закону от 18 ноября 1842 г. Синод распорядился, чтобы монастырям, «не имеющим способов к охране лесов, в отводе участков из казенных дач на будущее время назначаемо не было»³⁴¹.

В 1830-х гг. была изменена система оформления дарственных грамот недвижимого имущества в пользу монастырей. Упомянутым законом от 13 октября 1832 г. было постановлено, что «отчуждать имущества в пользу церквей и монастырей, можно не иначе, как с Высочайшего соизволения» (с разрешения императора. – П.К., А.Р.)³⁴². В развитие данного положения по сенатскому указу от 9 марта 1833 г. информация о духовных завещаниях теперь поступала не к обер-прокурору Святейшего синода, а напрямую в епархиальные консистории³⁴³. Тем самым на уровне епархий усиливалась система контроля за земельными владениями монастырей.

³³⁷ Сентября 6 [1838 года]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. – О правилах отчетности по ведомству Святейшего Синода // ПСЗРИ-2. Т. XIII. Отделение 2. № 11518. С. 109–111.

³³⁸ Зырянов П.Н. Русские монастыри ... С. 88.

³³⁹ ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5742. С. 833; Т. XIII. Отделение 2. № 11518. С. 111.

³⁴⁰ Котов П.П. О земельном обеспечении ... С. 54–63; Он же. К вопросу о реформе 1863 г. ... С. 78–83.

³⁴¹ Ноября 18 [1842 года]. Синодский. – О правилах и формах по духовному ведомству для отчетов в строительных суммах и материалах // ПСЗРИ-2. Т. XVIII. Отделение 2. Прибавление к тому XVII. № 16231а. С. 8.

³⁴² ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5675. С. 709.

³⁴³ Марта 6 [1833 года]. Сенатский. – О предписании Московской Гражданской Палате, чтобы она с утвержденных ею духовных завещаний, делаемых в пользу церквей и монастырей, доставляла выписки от себя в Епархиальные Консистории // ПСЗРИ-2. Т. VIII. № 6036. С. 136–137.

Для монастырей, не имевших мест для рыбной ловли, по распоряжениям Святейшего синода назначались специальные денежные средства. В начале 1840-х гг. в Вологодской губернии «взамен рыбной ловли» Горне-Успенский женский и Дионисиево-Глушицкий мужской трёхклассные монастыри ежегодно сверх окладов и прибавок получали по 57 руб. 12 коп.³⁴⁴ В эти же годы отдельные иноческие обители стали вновь бесплатно наделяться мельницами. Так, в 1847 г. Корнильево-Комельскому трёхклассному мужскому монастырю в Вологодской епархии передали мельницу на реке Нурме (приток реки Обноры)³⁴⁵.

Предпринятые во второй трети XIX в. церковно-синодальными государственными властями усилия были призваны повысить благосостояние православных монастырей. Однако они скорее создавали условия для решения поставленных задач спустя несколько десятилетий. Все указанные меры, вероятно, не сразу отразились на видимом увеличении собственных доходов православных обителей. Во всяком случае, по выявленным источникам, в Вологодской губернии нередко наблюдалась противоположная тенденция. Например, с 1831–1840 по 1851–1860 гг. средние неокладные доходы в Горне-Успенском женском монастыре снизились незначительно – на 67 руб., или всего на 2,7%, тогда как в Спасо-Прилуцком мужском монастыре они уменьшились на 2 221 руб., или почти в 2 раза. Правда, в то же время в Спасо-Каменном Духове монастыре эти доходы пусть и ненамного, но возросли – с 3 685 до 3 910 руб., или на 6,1% (см. Приложение 6).

В пересчёте на каждого проживавшего указанные неокладные доходы снизились по всем обнаруженным данным. Так, в Спасо-Прилуцком монастыре в 1831–1840 гг. они составляли всего 40,3% от средних душевых доходов в 1821–1830 гг., в Спасо-Каменном Духове монастыре в 1851–1860 гг. они равнялись 63,4% относительно 1821–1830 гг. В рамках рассматриваемого периода также наблюдалось падение средних душевых неокладных доходов. С 1831–1840 по 1851–1860 гг. в Горне-Успенской женской обители они сократились с 81,89 до 17,67 руб., или в 4,6 раза (см. Приложение 7). Фиксировались и существенные различия в указанных доходах по обителям Вологодской епархии. Так, в среднем за 1851–1860 гг. в Иоанно-Предтечевом женском монастыре они в три с лишним раза превышали показатели по Горне-Успенской женской обители, но на 40% уступали средним душевым неокладным доходам по Спасо-Каменному Духову монастырю (см. Приложение 7).

Важное направление, которое определяло отношения монастырей и синодально-епархиальных властей, было связано с контролем над использованием штатных окладов. Прежде всего осуществлялась про-

³⁴⁴ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 144. Л. 85; Ф. 523. Оп. 1. Д. 203. Л. 4.

³⁴⁵ ГАВО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 5об., 6.

верка так называемых остатков монастырских сумм, т. е. неизрасходованных окладных средств.

Система монастырской финансовой отчётности в России складывалась с конца XVIII в. По указу от 9 ноября 1799 г. был введён единый порядок отчётов для монастырей. Согласно положениям этого указа епархии отправляли в Синод ежегодные рапорты об остаточных суммах. В них отмечалось, сколько средств возвращалось обратно в «казенные Палаты» и казначейства³⁴⁶.

Усиление контроля Святейшего синода над финансовой деятельностью монастырей продолжилось в период правления Николая I. Для приведения документов духовного ведомства к единообразию в 30-е гг. XIX в. обер-прокурор Святейшего синода Н.А. Протасов провёл унификацию финансовых отчётов. На основании Высочайше утверждённого мнения Государственного совета «О правилах отчётности по ведомству Святейшаго Синода» от 6 сентября 1838 г. продолжалось упорядочение деятельности духовного ведомства. В соответствии с этим документом в годовом отчёте Синода вводилась отдельная статья о финансировании монастырей³⁴⁷.

Отныне иноческие обители должны были ежегодно отчитываться перед епархиальными властями за расходование денег по следующим направлениям: 1) содержание монастырей; 2) «В замен неполученных Архирейскими домами и монастырями угодий, следующих им по указам 1764 Февраля 26 и 1797 Декабря 18»; 3) «В милостыннную дачу заштатным монастырям»; 4) «На постройки и починки церковных и монастырских зданий»; 5) «На платеж податей за монастырских служителей»³⁴⁸. Настоятелей обязали отправлять в канцелярии епископов отчёты о приходе, расходе и остатке монастырских средств и рапорты о финансовой деятельности: «об оправлении книги для записи прихода и расхода, о подписании и запечатании белой шнуровой книги на будущий год, о прибылых вещах»³⁴⁹.

С целью усиления контроля в 1836 г. при Святейшем синоде был создан хозяйственный комитет³⁵⁰, преобразованный в 1839 г. в хозяйственное управление³⁵¹. По мнению Ф.В. Благовидова, эти шаги были предприняты с целью «сообщить самому синодальному хозяйству надлежащую правильность и подчинить его строгой отчетности»³⁵².

³⁴⁶ ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 19183. С. 856–857.

³⁴⁷ ПСЗРИ-2. Т. XIII. Отделение 2. № 11518. С. 109–111.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–3; Ф. 364. Оп. 1. Д. 3063. Л. 73–86, 92–94; Д. 3990. Л. 92 и др.

³⁵⁰ Ноября 14 [1836 года]. Высочайше утвержденное положение о Хозяйственном Комитете при Святейшем Синоде // ПСЗРИ-2. Т. XI. Отделение 2. № 9705. С. 192–196.

³⁵¹ Марта 1 [1839 года]. Высочайше утвержденное положение о Хозяйственном Управлении при Святейшем Синоде // ПСЗРИ-2. Т. XIV. Отделение 1. № 12071. С. 183–186.

³⁵² Благовидов Ф.В. Обер-прокуроры Святейшаго Синода ... С. 404.

Хозяйственное управление при Синоде обеспечивало контроль над денежными и имущественными вопросами духовного ведомства. С 1839 г. в России на дополнительную прибавку к жалованью монастырям выделялось ежегодно 148 тыс. руб., с 1842 г. – 260 тыс. руб.³⁵³ При этом строгой проверке подлежали как собственные синодальные средства, так и денежные суммы, выделяемые казной на содержание духовенства. Неизрасходованные суммы в случае неполного штатного состава монашествующих или служителей, а также оставшиеся после строительных и ремонтных работ монастырские власти обязаны были возвращать в казначейство. Все выдаваемые в нём подтверждающие квитанции доставлялись в хозяйственное управление при Синоде³⁵⁴.

С начала 1840-х гг. вводится нормативное распределение функций финансового контроля над обителями. «Устав Духовных Консistorий» (закон от 27 марта 1841 г.) впервые предписывал монастырским настоятелям вести «экономию» совместно с советом старшей братии. В случае смерти настоятеля или настоятельницы управление передавалось наместнику, казначею или старшему из иеромонахов «до особого распоряжения епархиального начальства»³⁵⁵.

На основании «Устава Духовных Консistorий» контроль за хозяйственным управлением в монастырях «производил благочинный», надзор за которым осуществляла консистория³⁵⁶. Настоятелей монастырей обязали в «ежегодных ведомостях» сообщать архиереям сведения о монастырских землях, количестве скота, объёме посевов и сборе урожая³⁵⁷.

Статус приписных монастырей законодательно не регламентировался, поэтому об их особенностях можно судить по монастырским отчётам, ведомостям и приходно-расходным книгам главных монастырей. Приписная обитель, как отмечалось, не имела собственного руководства и подчинялась распоряжениям настоятеля главного монастыря. «Ведомости» и «отчёты» о деятельности монастырей составлялись общие: первая часть посвящалась основному монастырю, вторая часть по тем же пунктам – приписным обителям³⁵⁸.

В «Уставе Духовных Консistorий» 1841 г. детально регламентировались расходы на строительство в монастырях³⁵⁹. Устав предписывал

³⁵³ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 75.

³⁵⁴ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 81.

³⁵⁵ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3063. Л. 93, 93об., 94; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 11, 11об., 16, 16об., 23, 23об., 24, 24об.; Д. 25. Л. 9, 9об., 26, 27об., 30, 30об., 33, 33об. и многие др.

³⁵⁸ См., например: ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 226. Л. 1–10; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–8; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 51–54; Д. 188. Л. 1–29.

³⁵⁹ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

возведение построек в монастырях осуществлять строго на основании строительных правил, по распоряжению архиерея и под руководством особых комиссий (из духовных и светских лиц во главе с епархиальными архитекторами), которые работали сугубо по инструкциям.

Церковные сооружения разделялись на два типа: первые – строения на сумму свыше 1 500 руб. серебром и вторые – «мелочные постройки» и «починки», на чье строительство выделялось не более 1 500 руб. Возведение первых производилось «на основании правил по строительной части», тогда как «мелочные постройки» в монастырях, соборах и церквях проводились под наблюдением благочинного³⁶⁰. Средства на постройки в монастырях выделялись через консистории или казённые палаты и должны были расходоваться строго по смете. В случаях «особенной в том надобности» на непредусмотренные затраты разрешалось направлять представления в Святейший синод.

Указ Синода «О правилах и формах по духовному ведомству для отчётов в строительных суммах и материалах» (от 28 ноября 1841 г.) устанавливал ежегодное (с 1842 г.) ведение шнуровых приходно-расходных книг для записи расходов на строительные работы во всех учреждениях духовного ведомства³⁶¹. Эта мера формально обеспечила контроль епархиальных властей над расходованием средств на строительство в монастырях.

По распоряжению Синода шнуровые книги выдавались монастырям в декабре каждого года из консисторий «за подписью Члена, скрепою по листам Секретаря и с приложением казенной печати»³⁶². Книги и отчёты о постройках по соответствующим формам отсылались в губернские казённые палаты в начале года и по окончании построек. Выполнение этого порядка также контролировали консистории³⁶³.

С 1841 г. «суммы, остающиеся от положенных расходов и от выдачи жалованья», относились к монастырским капиталам и стали переводиться в кредитные билеты³⁶⁴. При этом монастырям запрещалось свободное расходование кредитных билетов без разрешения епархиального начальства.

В целом в 30–50-х гг. XIX в. в Российской империи предпринимались меры по улучшению экономического положения православных монастырей. Возрастало финансирование иноческих обителей, монастыри получили возможность расширять свои движимые и недвижные

³⁶⁰ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 240.

³⁶¹ Ноября 28 [1841 года]. Синодский. – О правилах и формах по духовному ведомству для отчетов в строительных суммах и материалах // ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 2. № 15067. С. 74–75.

³⁶² ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 2. № 15067. С. 74–75.

³⁶³ См., например: ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 94. Л. 15–16 об.

³⁶⁴ Октября 20 [1841 года]. Синодский. – О правилах и формах отчетности по духовному ведомству в суммах переходящих // ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14945. С. 862.

мые владения (обрабатываемые земли, лесные угодья, рыбные ловли, мельницы). При этом наблюдалась тенденция к усилению контроля со стороны консисторий над использованием монастырями штатных окладов. Указы и законы 1830–1840-х гг. привели к увеличению объема отчётных документов, поступавших из монастырей, регламентации их деятельности и углублению зависимости обитателей от церковных властей различного уровня.

§ 3. Изменение окладов и развитие сельского хозяйства в иноческих обителях во второй половине XIX – начале XX века

Реформы 1860-х гг. способствовали появлению у монастырей новых источников доходов и вызвали необходимость эволюции экономических отношений обитателей и властей. В период правления Александра II и Александра III произошло перераспределение функций подразделений хозяйственного управления при Синоде: первое отделение составляло сметы специальных средств Синода, вело делопроизводство по духовным завещаниям, заведовало снабжением монастырей и церквей утварью и церковными книгами, сбором пожертвований; второе отделение занималось финансовой сметой Синода, отчётностью, выдачей содержания, прогонных денег, пособий и пенсий по центральным учреждениям ведомства православного исповедания, а также расходами по учреждениям епархий; третье отделение заведовало финансовой частью духовно-учебных заведений и осуществляло надзор за епархиальными свечными заводами³⁶⁵. По мысли законодателя эти изменения призваны были усилить контроль над обителями, но главное – обеспечить более рациональное расходование финансовых средств и интенсификацию хозяйственной деятельности монастырей.

Неизменным важным источником доходов монастырей после отмены крепостного права и проведения реформ оставалось выделение государственных средств. В 1865 г. произошло увеличение доходов иноческих обителей Российской империи за счёт прибавления к окладам духовенства денежных выплат. Ежегодно на финансирование российских монастырей стало добавляться из казны 186,2 тыс. руб.³⁶⁶ Однако данные сохранившихся приходно-расходных книг и годовых отчётов настоятелей и благочинных монастырей Вологодской губернии свидетельствуют о сокращении государственных средств на содержание некоторых обителей, что объяснялось сокращением числа братии. По этой причине, например, оклад двухклассного Спасо-Прилуцкого мужского монастыря в 1870-х гг. сократился на 140 руб. 51 коп. и составил 1 905 руб. 84 коп.³⁶⁷

³⁶⁵ Барсов Т.В. Синодальные учреждения ..., 1899. С. 33–46.

³⁶⁶ Федоров В.А. Русская православная церковь ... С. 75.

³⁶⁷ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 823. Л. 1–4 об.

Вероятно, это была одна из попыток «рационализации» расходования государственных финансов хозяйственным управлением Синода. Следующий шаг – с 1867 г. в России с заштатных обителей были сняты все казённые денежные оклады, и ежегодное государственное финансирование оставили только штатным православным обителям³⁶⁸. В этой связи заштатные монастыри вынуждены были расширять хозяйственную деятельность для получения средств на своё содержание. С другой стороны, оклады штатных монастырей, как упоминалось, были невелики и не могли обеспечить должный уровень содержания обителей. Поэтому и в штатных обителях возрастало стремление разнообразить хозяйственные занятия и увеличить неокладные доходы.

После 1860-х гг. стали сказываться улучшения в обеспеченности земельными угодьями монастырей, которые имели место в предыдущие десятилетия. Из отчётов благочинных следует, что монастыри Вологодской губернии постепенно начали больше внимания уделять развитию земледелия и эксплуатации сенокосных и лесных угодий³⁶⁹.

Сведения о земельных угодьях православных обителей Вологодской епархии, выявленные в архивах, сведены в Приложении 8. Эти материалы свидетельствуют о том, что среди монастырей наиболее крупными собственниками земли являлись три. Так, Сямская Богородице-Рождественская мужская обитель (Вологодский уезд) в 1891 г. обладала 1 212,8 дес. земли, в 1914 г. – 1 323,6 дес.; Семигородная Успенская мужская пустынь (Кадниковский уезд) в 1882 г. располагала 2 576,9 дес. и Кылтовский Крестовоздвиженский женский монастырь (Яренский уезд) в 1900 г. имел 2,5 тыс. дес. и 1914 г. – 2 590 дес. В приведённых примерах земельные владения в двух обителях с течением времени увеличились, как и в Коряжемском Николаевском мужском монастыре, где они возросли со 182 дес. в 1890 г. до 296 дес. в 1915 г. (на 62,6%).

Иногда площадь монастырских угодий в Вологодской губернии оставалась неизменной на протяжении нескольких лет, например, в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре она была весьма значительной и составляла 815,5 дес. В других обителях подобные показатели колебались от 68,6 дес. в Дионисиево-Глушицком Покровском мужском монастыре (1887 г.) до 337,8 дес. в Спасо-Каменном Духове мужском монастыре (1880 и 1910 гг.) (см. Приложение 8).

Обратим внимание на тот факт, что почти во всех случаях земельные владения вологодских православных обителей соответствовали норме упомянутого закона от 1838 г., по которому каждому монастырю полагалось минимум 50 дес.³⁷⁰ Однако в единичных случаях наблюдались

³⁶⁸ Бусева-Давыдова И.Л. Монастыри русские православные ... С. 392.

³⁶⁹ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–22.

³⁷⁰ ПСЗРИ-2. Т. XIII. Отделение 2. № 11518. С. 111.

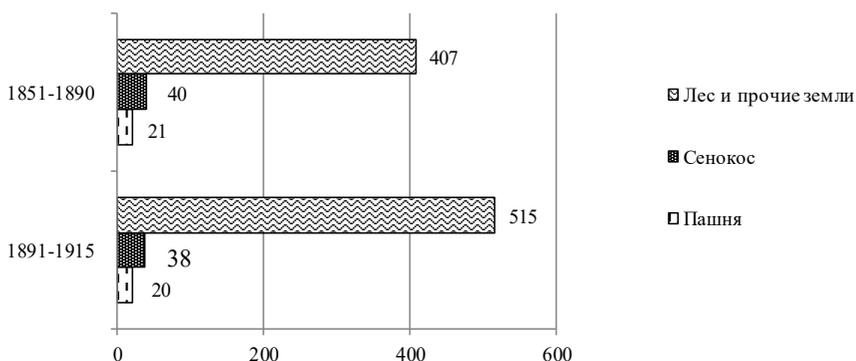
и отклонения от узаконенного минимума. Во всяком случае, в Спасо-Прилуцком мужском монастыре в 1851 г. имелось 47,7 дес. земли, через 40 лет ещё меньше – 34,4 дес. Вовсе мизерными угодьями владели монашествующие Спасо-Каменного мужского монастыря, у которых в 1910 г. фиксировалось всего 0,1 дес., вероятно, только участок под собственным монастырём (см. Приложение 8).

Основную часть земель в большинстве монастырей Вологодской епархии занимали леса. В 1880 и 1910 гг. в Спасо-Каменном Духове мужском монастыре лесные дачи составляли всю земельную площадь. В 1882 г. в Семигородней Успенской женской пустыни на леса приходилось 94,8% угодий, в 1885 и 1899 гг. в Арсениево-Комельском – 85,3%, в 1890 г. в Спасо-Суморином – 81,0% и в 1887 г. в Покровском Глушицком мужском монастыре – 73,3%. В ряде монастырей наблюдалась противоположная ситуация. В 1870–1890 и 1911 гг. в Горне-Успенской женской обители леса стабильно занимали 9,7 дес., или 6,7% всех угодий; в 1891 г. в Спасо-Прилуцком мужском монастыре на лесные участки приходилось 3,1 дес., или 9,0% земель; в 1875 г. в Лопотовом Григорьево-Пельшемском мужском монастыре – 21,5 дес., или 11,4% (см. Приложение 8).

С течением времени тенденции в обеспеченности обителей Вологодской губернии лесами менялись. Так, доля лесных участков в земельных владениях Сямского Богородице-Рождественского мужского монастыря с 1891 по 1914 г. увеличилась с 91 до 95,1%. Противоположной была ситуация в Ульяновской Троицко-Стефановской мужской обители, в которой с 1882 по 1915 г. площадь лесных дач уменьшилась с 735,5 до 712,5 дес. и их доля среди владений сократилась с 90,2 до 87,4%. Интересная картина наблюдалась по Кылтовской Крестовоздвиженской женской обители, где с 1900 по 1914 г. лесные владения увеличились на 40,5 дес., но их доля среди всех угодий сократилась с 98,4 до 96,5%. Не менее двойственные изменения происходили в Павло-Обнорском мужском монастыре, в котором в 1871 г. на леса приходилось 49,5% угодий. Затем сенокосы (вероятно, даже пастбища) были переведены в разряд лесных дач, и к 1893 г. они возросли до 279,5 дес., в 1912 г. сократились до 263,8 дес., что составляло соответственно 89,5 и 84,5% всех земель (см. Приложение 8).

На гистограмме наглядно показано, что с 1851–1890 по 1891–1915 гг. средняя площадь лесных угодий в расчёте на один монастырь Вологодской губернии расширилась с 407 до 515 дес., или на 26,5%. В эти же годы угодья под пашнями и сенокосами существенно уступали лесным владениям и незначительно сократились: площадь сенокоса – с 40 до 38 дес., или на 5%, размеры пашен – с 21 до 20 дес., или на 4,8%.

По сравнению с сенокосами, пашни в основном были меньше по размерам, но все угодья в отдельных монастырях Вологодской губернии различались. По некоторым обителям площади пашен и сенокосов с течением времени менялись, но чаще оставались неизменными. Например, в 1875 г. в Лопотовом Григорьево-Пельшемском мужском монастыре на сенокос приходилось 119,3 дес. (63,4% всех земель); в 1890 и 1902 гг. в Николаево-Прилуцком мужском сенокос неизменно занимал 107 дес. (11,9–15,3% владений) и пашня – 12 дес. (1,3–1,7% угодий); в 1870–1890 и 1911 гг. в Горне-Успенском женском монастыре сенокос стабильно охватывал 119 дес. (77,4% всех земель), пашня – 25 дес. (16,3% угодий). Напротив, с 1900 по 1914 г. в Кылтовском Крестовоздвиженском женском монастыре площади сенокоса увеличились почти в 2,1 раза (с 20 до 42 дес.), пашни – в 2,7 раза (с 20 до 47,5 дес.). Кылтовская обитель являла один из редких примеров, когда величины пашен превосходили величины сенокосов (см. Приложение 8).

Гистограмма. Средняя площадь земельных угодий в расчёте на один монастырь в Вологодской губернии в 1851–1915 годах, дес.

Составлено по: Сойкин П.П. Спасо-Каменный монастырь в Вологодском уезде // Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне / сост. П.П. Сойкин [Репринтное изд., 1910 г.]. СПб., 1994. С. 90–93; ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 144. Л. 84об., 85; Д. 226. Л. 6; Ф. 512. Оп. 1. Д. 672. Л. 2, 3; Д. 972. Л. 7, 7об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 2об., 7; Д. 18. Л. 3об.; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 6–7, 14–15; Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 5–6; Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 2; Д. 112. Л. 50; Ф. 523. Оп. 1. Д. 203. Л. 2об., 3, 4; Ф. 562. Оп. 1. Д. 113. Л. 155об., 156, 157об.; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 79. Л. 18; Д. 86. Л. 7об., 14; Д. 104. Л. 6, 6об., 7; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 139. Л. 5об.; Д. 302. Л. 1об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 32, 121; Д. 19. Л. 12; 51,53, 54об.; 78об., 89; Д. 108. Л. 6об.; Д. 188. Л. 12; Д. 337. Л. 7; Д. 341. Л. 6; Д. 343. Л. 6, 7; Д. 344. Л. 9об.; Ф. 436. Оп. 1. Д. 137. Л. 4; Ф. 438. Оп. 1. Д. 53. Л. 7об.; Д. 75. Л. 2; Д. 100. Л. 2–2об.

Наибольшие размеры обрабатываемой земли были зафиксированы в 1890 г. в Иоанно-Предтечевом женском монастыре (61,5 дес., или 52,8% всех угодий), в 1875 г. в Лопотовом Григорьево-Пельшемском (47,2 дес., или 25,2% угодий) и в 1912 г. в Павло-Обнорском (48,5 дес., или 15,5% угодий) мужских монастырях. В отдельных монастырях площадь пашни в десятинах была заметной, но её доля в угодьях малозначимой. Так, в 1882 г. в Семигородней Успенской женской обители на пашню приходилось 35 дес. (1,4% угодий), в 1914 г. в Кылтовском Крестовоздвиженском женском монастыре – 47,5 дес. (1,8%). В ряде обителей Вологодской епархии пашенных земель и вовсе не было (см. Приложение 8).

В отчётах и ведомостях настоятели и благочинные указывали основные виды сельскохозяйственной деятельности и сообщали об особенностях её развития в своих монастырях³⁷¹. Сведения, представленные в этих документах, носят фрагментарный характер, однако они позволяют сделать объективные выводы о развитии земледелия в Вологодской губернии. В иноческих обителях Вологодской епархии выращивали зерновые культуры, которые фиксировались в четвертях и четвериках, иногда в пудах*. Наиболее вероятно, что зерновые не высевали только в Спасо-Прилуцком монастыре, в котором отсутствовали пашенные угодья. В некоторых монастырях полевое хозяйство монахи вели нерегулярно или в малозначительных объёмах.

Все выявленные в архивных источниках данные о посевах, урожайности и сборах зерновых в 1870–1915 гг. по обителям Вологодской губернии сведены в Приложениях 9–11. Их материалы свидетельствуют о том, что в монастырях региона выращивали единственную озимую культуру – рожь. В яровом клине значительные участки занимали овёс и ячмень, меньше пашни и не во всех обителях отводилось под пшеницу. В Спасо-Каменном, Павло-Обнорском и Спасо-Суморинском мужских монастырях сеяли в основном рожь и овёс, в Сольвычегодском Введенском – только рожь и ячмень. Впрочем, подобная структура посевного клина не являлась необычной для уездов северных губерний и объяснялась, прежде всего, особенностями природно-климатических условий, нередко даже в пределах того или иного северного уезда³⁷².

³⁷¹ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 178. Л. 9, 9об., 10; Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 11об. и др.

³⁷² Котов П.П. Динамика уровня земледелия ... С. 41; Он же. Посевы и урожаи зерновых хлебов в Вологодской губернии ...; Он же. Проблемы изучения уровня земледелия на примере Шенкурского уезда Архангельской губернии // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. № 1 (9). С. 83–88; Он же. Результативность земледелия в удельной деревне Новгородской и Псковской губерний в первой половине XIX века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: «Гуманитарные науки». 2011. № 12. С. 19–27; Он же. Уровень земледелия в Кемском уезде в 1791–1915 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7–2 (120). С. 19–23.

* Четверти и четверики являются единицами измерения объёма сыпучих тел, одна четверть равна восьми четверикам, что примерно составляет 209,91 литра. Пуд – единица измерения массы, равная примерно 16,38 кг.

В отчётных документах настоятелей и благочинных не обнаружены прямые сведения о посевах и урожаях зерновых хлебов в женских монастырях Великоустюгского уезда – Иоанно-Предтечевом и Троицко-Гледенском. Однако в других источниках сохранились косвенные данные, указывающие на развитие в них земледельческого производства. Так, в отчёте Иоанно-Предтечева монастыря за 1890 г. сообщалось, что в нём под пашню было разработано 61 дес. 1 134 саж. земли и из урожая зерна намелено 950 пуд. муки³⁷³ (см. Приложение 11). В приходно-расходной книге Троицко-Гледенского монастыря за 1915 г. сохранились данные о продаже выращенного в обители хлеба на сумму 1 316 руб. 35 коп.³⁷⁴

Одной из важных характеристик уровня развития земледелия выступает показатель урожайности³⁷⁵, который до конца XIX в. определялся всегда (затем – преимущественно) в «самах»*. Непосредственно сведения об урожайности хлебов в «самах» в источниках по монастырям Вологодской епархии фиксировались редко³⁷⁶. Однако обнаруженные данные о посевах и сборах зерновых позволили нам определить их самостоятельно за ряд лет по девяти монастырям Вологодской губернии и обобщить выведенные показатели в Приложении 10.

Как и на полях северного крестьянства, урожайность озимой ржи на запашке в монастырях Вологодской губернии доминировала над показателями урожайности в яровом клине. Так, в обителях Вологодского уезда в 1906–1914 гг. урожаи ржи колебались от «сам 4,2» в Спасо-Каменном Духове монастыре до «сам 7,0–7,6» в Сямской Богородице-Рождественской обители, тогда как яровые определялись уровнем «сам 2,0–2,7» и не превышали «сам 4,0». Ещё более существенные отличия выявлены по монастырям Тотемского (Спасо-Сумориному), Великоустюгского (Николаево-Прилуцкому) и Сольвычегодского (Сольвычегодскому Введенскому и Коряжемскому Николаевскому) уездов, в которых урожаи озимых колебались от «сам 7,3» до «сам 14,0», яровые – в рамках «сам 3,0»–«сам 10,0». Меньшая разница между урожайностью озимых и яровых наблюдалась в Павло-Обнорской (Грязовецкий уезд) и Ульяновской Троицко-Стефановской (Усть-Сысольский уезд) обителях (см. Приложение 10).

Среди яровых хлебов более высокие урожаи в монастырях Вологодской епархии показывали, как правило, ячмень, за отдельные годы – овёс. В некоторые годы урожайность яровых культур превышала уро-

³⁷³ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 12, 12об.

³⁷⁴ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 342. Л. 2об.

³⁷⁵ Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства ... С. 53–54; Котов П.П. Динамика уровня земледелия ... С. 37–39.

³⁷⁶ ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 7; Ф. 521. Оп. 1. Д. 122. Л. 49об.

* Показатель урожайности хлебов в «самах» являлся показателем производного от деления их валовых сборов на посев, т. е. определялось, сколько четвертей (четвериков) зерновых вырастало на посев одной четверти (четверика).

жайность ржи. Например, в 1885 г. в Павло-Обнорской обители урожай овса составил «сам 4,1», ржи – «сам 3,2»; в 1890 г. урожай ячменя достигал «сам 9,6», ржи – «сам 7,2». Заметим, что пшеница давала низкие урожаи на Европейском Севере и от её посевов в обителях Вологодской губернии отказались (см. Приложение 10).

Обратим внимание ещё на два момента. Во-первых, урожайность зерновых в восточных монастырях Вологодской губернии была выше, по сравнению с находившимися на её юге и северо-востоке (см. Приложение 10). Подобное наблюдалось и на крестьянских полях и было вполне объяснимо – на северо-востоке губернии площадь запашки в расчёте на человека значительно уступала этим показателям в юго-западных уездах региона. Напротив, обеспеченность скотом была лучше в северо-восточных уездах, по сравнению с юго-восточными. Поэтому пашни на северо-востоке лучше обеспечивались удобрениями (навозом), и крестьяне могли их более тщательно обрабатывать, уделять больше внимания каждому участку. Во-вторых, высокие урожаи по монастырям Вологодской губернии в «самах» не являются результатом их ошибочной фиксации в источниках. Значительный уровень урожайности хлебов за отдельные годы был вполне обычным явлением, например, на общественных полях удельной деревни и нередким – на запашке северной деревни в целом³⁷⁷.

Кроме зерновых культур, на землях ряда обителей Вологодской епархии сеяли горох. В частности, в конце XIX – начале XX в. в монастырях Вологодского уезда урожай этой культуры составлял от 2 до 30 пуд. в год³⁷⁸. Конечно, монашествующие некоторых обителей не чурались и производства технических культур – льна и конопли. Например, в Кылтовской Крестовоздвиженской обители монахини выстроили весьма рациональное земледельческое хозяйство. Они сеяли не только зерновые, но и технические культуры. В обители посевы льна в 1890–1900 гг. были увеличены более чем в 10 раз, общий урожай культуры составлял только семян до 10 пуд. в год. Одновременно здесь ежегодно выращивали около пуда семени конопли³⁷⁹.

Огородничество не являлось высокодоходной частью хозяйства в монастырях Вологодской губернии, однако оно было неизменным видом занятий фактически во всех обителях губернии. Не случайно с конца XIX в. настоятелей православных обителей обязали включать

³⁷⁷ Котов П.П. Общественная запашка в удельной деревне ... С. 13–22; Он же. Удельная деревня Великоустюжского уезда // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX–XX вв. Яренск, 2003. Ч. 1. С. 92–96; Он же. Динамика посевов и урожаев зерновых хлебов в Холмогорском уезде в конце XVIII–XIX вв. // М.В. Ломоносов и национальное наследие России. Часть IV. Архангельск, 1996. С. 56–58; Он же. Удельные крестьяне Сольвычегодского уезда // Сольвычегодск в истории русской культуры. Сольвычегодск, 1992. С. 20–23 и др.

³⁷⁸ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 178. Л. 355об.; Д. 226. Л. 6об., 154; Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 11об.

³⁷⁹ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 108. Л. 22об.; Ф. 364. Оп. 1. Д. 7547. Л. 12.

в ежегодные отчёты перед епархиальными властями сведения о сборе овощей³⁸⁰.

В монастырях Вологодской епархии выращивали лук, редьку, морковь, капусту, свёклу, брюкву. С течением времени начали культивировать и некоторые другие овощи. Например, в 1912–1913 гг. в Спасо-Прилуцком мужском монастыре и Николаевской Озерской женской пустыни, приписной к Вологодскому Горне-Успенскому монастырю, собирали хорошие урожаи огурцов³⁸¹. Согласно данным ведомости, в 1913 г. в Озерской пустыни было снято 25 тыс. штук огурцов. Позднее сведения о сборе огурцов в пустыни отсутствовали³⁸².

С начала XIX в. на монастырских огородах начали культивировать картофель. Насильственное насаждение картофеля, затронувшее в 1840-х гг. крестьянские хозяйства, к монастырям Вологодской губернии применено не было. Однако его посадки расширялись и стали обыденными не только на огородах, но и в полевом клине обитателей. К концу XIX в. картофель в монастырском обиходе становится такой же распространённой земледельческой культурой, как и в крестьянских хозяйствах³⁸³. В начале XX столетия картофель стали выращивать во всех обителях региона, в которых имелись пашни и огороды³⁸⁴.

Интересно, что для фиксации урожаев овощных культур даже в крестьянской среде России не сложилось общепринятой единицы учёта. В отчётах настоятелей монастырей Вологодской епархии сведения о выращенных овощах сообщались в единицах объёма – четвертях, четвериках, «мерах», мешках и вёдрах. Нередко урожаи овощей измерялись грядками и количеством штук.

Вторым по значимости сельскохозяйственным занятием в монастырях Вологодской губернии было скотоводство, которое в начале XX в. в отдельных обителях приобретало черты товарности. Сведения о поголовье скота в монастырских ведомостях стали указываться с 1860–1870-х гг. До этого периода контроль за развитием скотоводства со стороны государственно-церковных властей практически не осуществлялся.

³⁸⁰ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 178. Л. 67, 355; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 21, 21об.; Ф. 515. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–7; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 100б.; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 142. Л. 4об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 54об., 78об.; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 139. Л. 5об., 6.

³⁸¹ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 266. Л. 94об., 100об.; Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13.

³⁸² Там же. 100об.

³⁸³ Котов П.П. Развитие картофелеводства в Коми крае в XVIII – начале XX вв. // Коми деревня в XX веке: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 1995. С. 48–51; Он же. Земледелие в Коми крае в конце XVIII – начале XX вв. // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 292–195; Он же. Уровень земледелия в Кемском уезде в 1791–1915 годах // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7–2 (120). С. 19–23.

³⁸⁴ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 266. Л. 4об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 18. Л. 12, 12об.; Ф. 515. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–7; Ф. 521. Оп. 1. Д. 142. Л. 94; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 132. Л. 2об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 341. Л. 5об.; Д. 343. Л. 7; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 302. Л. 1об.

Выявленные в источниках данные о поголовье скота в монастырях Вологодской губернии отображены в Приложении 12. В конце XIX – начале XX в. в этих обителях содержали крупный и мелкий рогатый скот и в качестве рабочей силы использовали лошадей.

Количество скота по монастырям Вологодской губернии весьма разнилось. Более всего скота – от 60 до 93 голов – содержали в Лопотовом Богородицком мужском монастыре, Семигородней Успенской и Кылтовской Крестовоздвиженской женских обителях, тогда как в 1880 г. в Знаменно-Филипповском мужском монастыре было только четыре головы скота (две лошади и столько же коров) и через десять лет – даже в два раза меньше.

Конечно, с течением времени количество скота в обителях изменялось, часто колебалось, не имея однозначной тенденции к росту или снижению. В некоторых монастырях численность скота возрастала. Например, в Глушицком Покровском монастыре с 1877 по 1902 г. количество скота увеличилось с 42 до 55 голов (почти на 31%), в Горне-Успенском с 1870 по 1911 г. – с 30 до 43 голов (на 43,3%), в Троицко-Стефановском Ульяновском с 1887 по 1914 г. – с 49 до 70 голов (на 42,9%). Наоборот, в Спасо-Суморином мужском монастыре число скота с 1887 по 1913 г. уменьшилось на 13,5% (с 37 до 32 голов), в Кылтовской Крестовоздвиженской женской обители – на 18,3% (с 93 до 76 голов) (см. Приложение 12).

Больше 20 голов рабочего скота в 1890 и 1914 гг. фиксировалось в Троицко-Стефановском Ульяновском и в 1875 г. – в Лопотовом Богородицком мужских монастырях. В остальных обителях Вологодской епархии содержалось менее 10 лошадей, в некоторых – от 11 до 18 голов, а в 1870 г. в Горне-Успенской женской обители вовсе не фиксировалось рабочего скота.

В отношении продуктивного скота, как и рабочего, количественные характеристики по обителям нередко совпадали. Так, свыше 40 голов крупного рогатого скота в некоторые годы было в Сямском Богородицком, Лопотовом Богородицком, Семигороднем Успенском и Троицко-Стефановском Ульяновском мужских монастырях. В большинстве обителей содержали от 10 до 37 коров и телят, тогда как в Знаменно-Филипповском, Иоанно-Предтечевом и Николаево-Прилуцком мужских монастырях – всего от 1 до 8 голов.

Мелкий скот (овцы, бараны и козы) содержался только в пяти монастырях: в трёх из них – в Сольвычегодском Введенском, Коряжемско-Николаевском и Троицко-Стефановском Ульяновском мужских – содержали от 3 до 8 голов. Больше такого скота держали в женских обителях: в 1890 г. в Иоанно-Предтечевой обители – 12 голов, в 1900 г. в Кылтовской Крестовоздвиженской – 80 и в 1914 г. – 32 головы (см. Приложение 12).

Считаем необходимым особо отметить, что сами монашествующие не употребляли пищу животного происхождения. Мясо животных использовалось для приготовления пропитания только для служащих и наёмных работников, которые активно привлекались для ремонтных и строительных работ. Например, в книжках учёта припасов, выдаваемых в 1890-х гг. для работников, участвовавших в строительстве Кылтовского монастыря, указывался, помимо хлеба и молока, также и отпук мяса.

В исторических исследованиях большее внимание уделяется выявлению показателей числа скота в расчёте на 100 человек³⁸⁵. Такие подсчёты проведены и отражены в Приложении 13. Понятно, что при этом большое значение имело не только количество скота, но и число проживавших в обителях. В этой связи нередко характеристики о количестве скота и по обеспеченности скотом в расчёте на число проживавших в обителях не совпадали. Наиболее ярко это проявилось по двум мужским монастырям: в Сольвычегодском Введенском в 1890 г. в расчёте на 100 человек содержалось 500 голов скота, в Сямском Богородицком в 1906 г. – 725 голов скота и в 1914 г. – 462,5 головы. Напротив, в Лопотовом Богородицком и Семигороднем Успенском монастырях и показатели количества скота, и обеспеченность им отличались в лучшую сторону: в первом из них в 1875 г. в расчёте на 100 человек насчитывалось 285,7 голов скота, во втором в 1882 г. – 169,6 голов. Кроме упомянутых четырёх, в других обителях Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в. более 100 голов скота на 100 человек зафиксировано за девять разных лет. В остальных случаях числовые показатели были ниже.

В северной деревне нормальным считалась обеспеченность рабочим скотом в расчёте на 100 человек в пределах 20–40 лошадей³⁸⁶. В монастырях Вологодской губернии такие показатели, как свидетельствуют материалы Приложения 12, отмечались в 20 случаях (в пяти случаях – от 60 до 200 голов), и в 18 случаях они были ниже (в семи случаях – менее 10 голов). Не менее разной была обеспеченность обителей Вологодской епархии крупным рогатым скотом. Так, в Иоанно-Предтечевом монастыре в 1890 г. в расчёте на 100 человек содержалось всего 4,3 коров, тогда как в Лопотовом Богородицком в 1875 г. – 190,5 голов крупного рогатого ско-

³⁸⁵ История северного крестьянства. Архангельск, 1985. Т. 2. С. 209; Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сборник 4. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 173–199; Котов П.П. Обеспеченность рабочим и продуктивным скотом удельных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2012. Т. 24. № 4. С. 31–39; Он же. Характеристика помещичьих имений Вологодской губернии, приобретенных удельным ведомством в 1804 и 1824 годах // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. 2021. № 4 (50). С. 46–54. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-4-46-54.

³⁸⁶ Котов П.П. Обеспеченность рабочим и продуктивным скотом ... С. 31–39.

та, Семигороднем Успенском в 1882 г. – 217,4 головы, Сольвычегодском Введенском в 1890 г. – 325, Сямском Богородицком в 1906 г. – 525 и в 1914 г. – 337,5 голов (см. Приложение 13).

В последних четырёх из перечисленных обителей скотоводство приобрело товарный характер, значительная часть его продукции предназначалась для продажи. Кроме продукции скотоводства, монастыри Вологодской епархии реализовывали и часть своей земледельческой продукции.

Данные таблицы 4 показывают, что в 1906 г. Сямский Богородице-Рождественский мужской монастырь за счёт хозяйственной деятельности заработал 1 086 руб. От продажи скота монастырь получил 182,6 руб., или 16,8% от всей суммы доходов, включая от продажи лошадей – 130 руб., или 12,0% дохода. Значительно большую долю составила прибыль от реализации капусты – 340 руб., или 31,3% доходов за год. Ещё более высокая доля прибыли оказалась от реализации овса – 37,6% от доходов обители, или 408 руб. Продажа кожи, ржи, молока и кирпича принесла в казну монастыря от 6 до 60 руб. (всего 155,4 руб.), что составляло от 0,6 до 5,5% (всего 14,3%) хозяйственных доходов.

Таблица 4

**Структура доходов от продажи продукции по Сямскому
Богородице-Рождественскому мужскому монастырю
Вологодской губернии за 1906 год, руб. и %**

Рабочий и рогатый скот				Кожа	Моло- ко	Зерно		Капу- ста	Кир- пич	Всего
Лоша- ди	Быки	Телята	Итого			Рожь	Овес			
В рублях										
130,0	40,0	12,6	182,6	6,0	51,0	38,4	408,0	340,0	60,0	1 086,0
В % от всего										
12,0	3,7	1,2	16,8	0,6	4,7	3,5	37,6	31,3	5,5	100,0

Составлено по: ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 18. Л. 11.

Дополнительную прибыль от сельского хозяйства выручали и другие монастыри Вологодской губернии – Спасо-Прилуцкий, Корнильево-Комельский, Николаево-Прилуцкий, Николо-Коряжемский, Кылтовский Крестовоздвиженский. В Великоустюгском уезде значительный доход за счёт развития земледелия, скотоводства и огородничества – от 1,5 до 2,5 тыс. руб. в год – получали Иоанно-Предтеченская и Троицко-Гледенская женские обители³⁸⁷. Однако в целом иноческие оби-

³⁸⁷ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1014. Л. 23–30; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 23–24, 31–38; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 26; Д. 132. Л. 7; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 195. Л. 10б., 20б., 30б.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1.

тели Вологодской епархии не получали высоких доходов от продажи сельскохозяйственной продукции и направляли основную её часть на обеспечение потребностей общин монастырей.

§ 4. Неземледельческие занятия, новые виды получения прибыли и уровень доходов в монастырях в 1860-х – 1917 годах

Хозяйственная деятельность монастырей не ограничивалась земледелием и скотоводством и по-прежнему включала в себя некоторые неземледельческие виды деятельности, в том числе и эксплуатацию рыбных ловель. Несмотря на значительную самостоятельность монастырей в хозяйственной сфере, епархиальные власти Вологодской губернии регулярно высказывали «заботу» о развитии экономики обитателей, в частности, рекомендуя развивать обучение монашествующих различным ремёслам. При этом благочинным рекомендовалось оказывать настоятелям обитателей содействие «как своими указаниями, так и наблюдением за развитием должного постановкою этого дела»³⁸⁸.

Вероятно, не без влияния епархиальных и синодальных властей многие обители превращались в процветающие хозяйства. Такие монастыри, по меткому замечанию путешественника и исследователя Б.В. Безсонова, функционировали как ульи, где каждый был занят своим делом³⁸⁹. В начале XX в. в Горне-Успенском (Вологодский уезд), Арсениево-Комельском (Грязовецкий уезд) и Кылтовском Крестовоздвиженском (Яренский уезд) женских монастырях были развиты текстильный и гончарный промыслы, имелись иконописные, золотошвейные и башмачные мастерские и кирпичные «заводы». Проживавшие в Спасо-Суморинской (Тотемский уезд) и Ульяновской Троицко-Стефановской (Усть-Сысольский уезд) мужских обителях успешно занимались столярным, слесарным, сапожным и кузнечным делом и переплётом книг³⁹⁰.

Для развития своего хозяйства и обеспечения дополнительного дохода Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь в 1880–1890-х гг. приобрёл оленьё стадо в несколько тысяч голов. Конечно, сами монахи оленеводством не занимались. Для выпаса оленей, ухода за ними и их забоя с целью получения мяса на продажу и шкур нанимались местные жители. Так, с оленьим стадом Ульяновской обители кочевала ненецкая семья Каневых, представители второго поколения которой оставались пастухами вплоть до закрытия Ульяновской обители. Вероятно, монастырь довольно успешно содержал своё стадо оленей. Об этом свидетельствует, например, просьба правления Ижемского общества

Д. 19. Л. 2–9, 18об., 65; Д. 108. Л. 25; Д. 336. Л. 3об.–8об.; Д. 343. Л. 36–39об.; Д. 344. Л. 12об.–15об.

³⁸⁸ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 883. Л. 2.

³⁸⁹ Безсонов Б.В. Поездка по Вологодской губернии ... С. 66.

³⁹⁰ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 16; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 108. Л. 8; Д. 344. Л. 11об.

потребителей Печорского уезда Архангельской губернии от «21/8 июня 1918» года к настоятелю Ульяновской обители о закупке телят из монастырского стада оленей. На эту сделку монастырь согласился³⁹¹. Правда, о её завершении в условиях начавшейся Гражданской войны сведения не выявлены.

Корнильево-Комельский монастырь в Грязовецком уезде был достаточно известен благодаря приобретению и удачному использованию минеральных источников, где лечились от ревматизма, малокровия и болезней, связанных с «нервной слабостью»³⁹². В 1890 г. «прибыли от минеральных вод простиралось» до 284,44 руб., что составило 10,7% от всех неокладных доходов³⁹³. Правда, затем доход обители от эксплуатации лечебных источников минеральных вод сократился и составлял ежегодно около 200-300 руб.³⁹⁴

В некоторых обителях доходы от отдельных видов занятий были невелики. Так, в упомянутом Сямском Богородице-Рождественском мужском монастыре в 1906 г. кирпичный «завод» принёс прибыль в 60 руб., что обеспечило всего 5,5% от всех хозяйственных доходов обители (см. таблицу 4).

Конечно, не следует преувеличивать уровень прибыли монастырей Вологодской епархии от хозяйственной деятельности. Вероятно, эта прибыль не являлась и регулярной. Так, в 1906 г. инок Сямского Богородице-Рождественского монастыря за счёт хозяйственных занятий, как упоминалось, заработали 1 086 руб., тогда как в 1914 г. такой заработок отсутствовал (см. таблицу 4 и Приложение 14).

Материалы Приложения 14 показывают, что в 1890–1915 гг. из 16 обителей Вологодской губернии прибыль от хозяйственной деятельности отсутствовала в структуре доходов девяти монастырей, в том числе за 1890 и 1904 гг. в Ульяновском Троицко-Стефановском. Указанная прибыль оказалась весомой только в двух женских обителях: в Иоанно-Предтечевом монастыре в 1890 г. она достигала 1 648 руб., или 29,3% всех доходов, в Троицко-Гледенском в 1915 г. – 2 276 руб., или 38,9% доходов обители. В остальных монастырях прибыль от хозяйственных занятий была незначительной и составила в 1890 г. в Николаево-Прилуцком монастыре 236 руб., или 8,8% общих доходов, в Корнильево-Комельском – 284 руб., или 4,2%; в 1893 г. в Спасо-Прилуцком – 276 руб., или 3,3%; в 1900 г. в Кылтовском Крестовоздвиженском – 224 руб., или 3,9%; в 1915 г. в Николаево-Коряжемском – 375 руб., или 4,7%, и в Ульяновском Троицко-Стефановском – 6 696 руб., или 3,2% всех доходов.

³⁹¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 343. Л. 147.

³⁹² ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13.

³⁹³ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 25об.-26.

³⁹⁴ Там же. Л. 26.

Основная часть продукции от сельскохозяйственных и неземледельческих занятий употреблялась внутри обителей. В конце XIX – начале XX в. хозяйственная деятельность по всем монастырям Вологодской епархии, о чём свидетельствуют данные диаграммы 1, ограничивалась всего 4% в структуре их общих доходов. С другой стороны, прибыль от хозяйственных занятий православных обителей в целом по епархии уравнивалась с их государственным финансированием – с окладами, которое, напомним, после 1867 г. получали только штатные монастыри (см. Приложение 14).

Для монастырей, владевших большими земельными участками (см. Приложение 8), одним из важных источников доходов были «арендные деньги». Сдачу сенокосных угодий в аренду иноческие обители Вологодской епархии, как правило, обуславливали получением половины от скошенного сена³⁹⁵. С других земель монастыри получали деньги в соответствии с арендными договорами³⁹⁶.

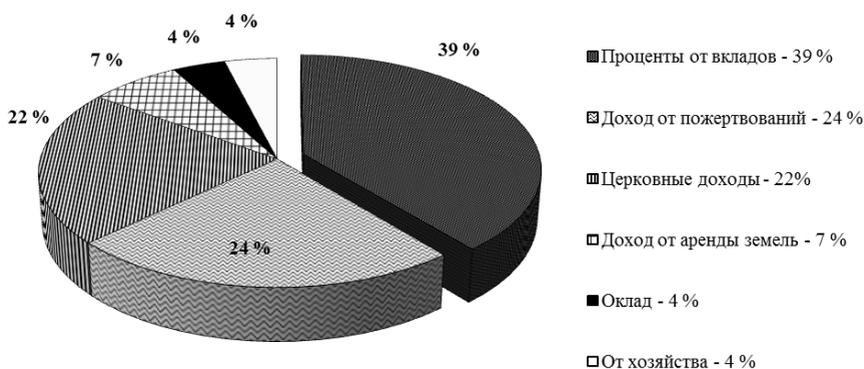

Диаграмма 1. Структура доходов в монастырях Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века, %.

Составлено по: ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1014. Л. 23–30; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 23–24, 31–38; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 26; Д. 132. Л. 7; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 195. Л. 1об., 2об., 3об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–9, 18об., 65; Д. 108. Л. 25; Д. 336. Л. 3об.–8об.; Д. 343. Л. 36–39об.; Д. 344. Л. 12об.–15об.

Наряду с землями монастыри Вологодской губернии сдавали в наём мельницы, рыбные ловли, свои дома и монастырские подворья. Например, в 1890 г. в Павло-Обнорском монастыре аренда земли принесла

³⁹⁵ ГАВО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 42. Л. 468.

³⁹⁶ ГАВО. Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 5; Ф. 1014. Оп. 1. Д. 79. Л. 18.

700 руб., или 45,9% всех арендных денег; аренда мельниц – 650 руб., или 42,7% доходов от аренды; рыбные ловли – 100 руб., или 6,6%, и наём монастырского подворья – 74 руб., или 4,9% арендных средств. В Горне-Успенской обители наблюдалась другая ситуация: в ней в 1890 г. доля от аренды земли составляла 34,7% (228 руб.) арендных доходов, тогда как от сдачи дома и подворья было получено 60,9% (400 руб.) арендных сумм и на рыбные ловли приходилось 4,3% (28,56 руб.) арендных средств. Доходы от аренды мельниц в обители не фиксировались³⁹⁷.

Отсутствие доходов по некоторым статьям аренды наблюдалось и в других монастырях. Например, в том же 1890 г. в Арсениево-Комельском монастыре отсутствовали доходы от аренды рыбных ловель, в Спасо-Каменном Духове – от рыбных ловель и подворий с домами.

Напротив, в Спасо-Суморином монастыре доходы от монастырских домов и подворий составили 262,40 руб., или 25,9% арендной прибыли, аренда мельницы обеспечила 125 руб., или 12,3% всех доходов, и более всего прибыли оказалось от сдачи в наём земли – она принесла 625,91 руб., или 61,8% арендных денег. Правда, и в этом монастыре не были выявлены доходы от аренды рыбных ловель³⁹⁸.

Понятно, что арендные доходы обителей, как и прибыль от хозяйственных занятий, различались. Так, в 1890–1915 гг. в отчётах по пяти обителям Вологодской губернии доходы от аренды земель не были зафиксированы, тогда как в других пяти они были значительными: в 1890 г. в Арсениево-Комельском монастыре прибыль от аренды достигала 38,1% от всех доходов (1 013 руб.), Павло-Обнорском – 26,7% (1 524 руб.), Спасо-Каменном Духове – 24,2% (2 355 руб.), Корнильево-Комельском – 21,3% (1 435 руб.) и в 1914 г. в Сямском Богородице-Рождественском – 33,7% (1 648 руб.). В оставшихся шести обителях региона аренда угодий приносила от 100 до 1 144 руб., или от 4,1 до 15,4% от общих доходов соответственно (см. Приложение 14). В конце XIX – начале XX в. в структуре доходов всех монастырей Вологодской епархии прибыли от аренды земель составляли только около 7%. Однако они в 1,75 раза превышали прибыли от их хозяйственной деятельности (диаграмма 1).

Большое значение для православных обителей по-прежнему имели традиционные источники доходов, т. е. получаемые от верующих. Монастыри Вологодской губернии были популярным местом паломничества. Ежегодно иноческие обители региона принимали до 10 тыс. паломников³⁹⁹. Благодаря так называемым церковным доходам, а именно от продажи икон, свеч и просфор, монастыри получали ежегодно со-

³⁹⁷ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 26.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 16.

лидные суммы⁴⁰⁰. По обнаруженным в архивах документам «церковные доходы» фиксировались по всем монастырям Вологодской губернии: в 1890 г. в Горне-Успенской обители они достигали 4 717 руб. (63,9% от общей прибыли), Спасо-Сумориной – 5 962 руб. (38,4%), в 1915 г. в Троицко-Гледенской – 2 177 руб. (37,2%) и Николо-Коряжемской – 3 017 руб. (37,9% от всей прибыли). В других четырёх монастырях Вологодской епархии средства от верующих в 1890–1915 гг. колебались в пределах от 371 до 2 800 руб. и составляли от 25,0 до 29,8% иноческих доходов. В эти же годы в оставшихся восьми обителях «церковные доходы» в рублёвом исчислении (от 102 до 3 245 руб.) иногда превышали подобные доходы в перечисленных восьми монастырях, но в общей структуре доходов они составляли от 9,4 до 17,4% (см. Приложение 14). За счёт регулярных поступлений «церковной прибыли» в монастыри Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в. обеспечивалось до 22% их общих доходов, что в 3,3–4,5 раза превышало прибыль от хозяйствования и арендных контрактов (см. диаграмму 1).

Во второй половине XIX в. особую роль в судьбе монастырей Вологодской губернии стали играть пожертвования, которые поступали на покупку церковной утвари, содержание братии и благоустройство обителей Вологодской епархии. Наибольший объём пожертвований отчислялся благотворителями на восстановление или открытие новых обителей, о чём в отношении Ульяновского Троицко-Стефановского мужского и Кытловского Крестовоздвиженского женского монастырей ранее достаточно подробно говорилось (см. главу 2).

Наблюдались и другие случаи. Например, восстановлению Николаево-Коряжемского монастыря в 1896 г. в статусе самостоятельного способствовали пожертвования в размере 45 тыс. руб. купца 1-й гильдии Михаила Андреевича Хаминова. На основании указа Вологодской консистории от 31 февраля за № 8070 «О восстановлении православной обители»⁴⁰¹ последовало определение Святейшего синода от 13 апреля за № 1846⁴⁰². В других, кроме трёх перечисленных, монастырях епархии поступления денег от благотворителей и паломников были не столь значительными, но регулярными.

Данные Приложения 14 показывают, что в 1890 г. в Николаево-Прилуцком монастыре средства от пожертвований достигали 1 489 руб., или 55,8% от доходов в обители; в 1915 г. в Михайло-Архангельском – 2 650 руб., или 56,1% от всех доходов. Особенно значимыми в 1900 г. были суммы от благотворителей в Кытловском Крестовоздвиженском монастыре – они достигали 3 704 руб., что обеспечивало 64,1% общих по

⁴⁰⁰ См.: ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 23; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 195. Л. 1об., 2об., 3об. и др.

⁴⁰¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 248. Л. 4, 5, 5об., 28, 28об.

⁴⁰² МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 343. Л. 6.

обители доходов. Напротив, в 1890 г. в Спасо-Каменном Духове монастыре эти суммы составляли всего 4,8% от всех доходов (470 руб.), Спасо-Суморином – 11,5% (1 786 руб.), Иоанно-Предтечевом – 12,4% (698 руб.), Павло-Обнорском – 15,8% (900 руб.) и в 1915 г. в Троицко-Гледенском – 13,0% (760 руб.) от доходов. С течением времени суммы пожертвований, естественно, изменялись. В 1890 г. в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре они достигали 5 290 руб. (44,3% от всех доходов), в 1904 г. – 4 605 руб. (15,0%) и в 1915 г. – 24,0% от доходов. В остальных шести обителях Вологодской епархии средства от пожертвований в 1890–1915 гг. отклонялись от 651 до 2 270 руб., что составляло от 19,4 до 33,2% от общих доходов. В конце XIX – начале XX в. среди всех доходов монастырей Вологодской губернии пожертвования достигали 24% и на 2% превосходили «церковные прибыли» и в разы – доходы от аренды земель и хозяйственных занятий (см. диаграмму 1).

Одним из результатов начала буржуазных преобразований в России явилось окончательное закрепление в практике монастырей такого вида доходов, как проценты с вкладов. Новые отношения вынудили государство обратить внимание на накопленные и пополняемые иноческие доходы. Вероятно, учитывая факты обманов, государство запретило «монашествующим отдавать денежные капиталы под частные долговые обязательства» и обязало монастыри переводить их средства в «капиталы вечных вкладов»⁴⁰³. Они размещались под условия пятипроцентного дохода за год⁴⁰⁴ и, по сути, гарантировались государством. Этот опыт не был учтён правительством России в 1990-х гг., и негативный результат в финансовой сфере для граждан и многих организаций широко известен.

В силу того, что проценты с вкладов не сразу стали заметными, а во многих обителях изначально отсутствовали, в документах они часто учитывались отдельно, но по сути, конечно же, являлись неокладными. Материалы Приложения 14 свидетельствуют о том, что доходы от процентов с вкладов в монастырях Вологодской губернии чрезвычайно разнились. Например, в 1890 г. в Спасо-Суморином заштатном монастыре они достигали 6 751 руб., или 43,5% от общих доходов, в Спасо-Каменном Духове штатном – 3 979 руб., или 40,9%, тогда как в Арсениево-Комельском штатном – только 35 руб., или всего 1,3% от доходов, и в 1915 г. в Троицко-Гледенском штатном – 143 руб., или 2,4% от доходов обители. Особая ситуация складывалась в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре, в котором в 1890 г. проценты с вкладов

⁴⁰³ Ростиславов Д.И. Опыт исследования об имуществе и доходах ... С. 14–15; Сентября 29 [1865 года]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 5 мая. – О восприимчивости монашествующим отдавать денежные капиталы под частные долговые обязательства // ПСЗРИ-2. Т. XL. Отделение 1. № 41958. С. 373.

⁴⁰⁴ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 26.

составляли 5 904 руб., или 49,4% от общих доходов, в 1904 г. умножились до 22 881 руб. и обеспечили 74,5% от доходов по обители. В конце XIX – начале XX в. в структуре доходов по всем монастырям Вологодской губернии проценты с вкладов имели наибольшую долю среди прочих прибылей и составляли 39% (см. диаграмму 1).

Напомним, что проценты с вкладов, пожертвования, «церковные прибыли», средства от аренды земель и хозяйственной деятельности монашествующих объединялись общим понятием – неокладные доходы. Во второй половине XIX – начале XX в. в монастырях Вологодской епархии при отдельных колебаниях проявлялась тенденция к стабильному увеличению неокладных доходов. Так, в материалах Приложения 6 отражено, что с 1861–1870 по 1911–1917 гг. в Павло-Обнорском монастыре средние неокладные доходы возросли с 6 799 до 9 331 руб., или в 1,3 раза, Спасо-Прилуцком – с 3 503 до 8 892 руб., или в 2,5 раза, Горне-Успенском – с 4 738 до 15 158 руб., или в 3,2 раза, и Спасо-Каменном Духове – с 4 169 до 16 300 руб., или в 3,9 раза. По другим периодам прирост неокладных доходов в монастырях также иногда существенно различался, но, как правило, оставался важным подспорьем для обителей Вологодской губернии. Например, с 1881–1890 по 1911–1917 гг. средние неокладные средства в Сямском Богородице-Рождественском монастыре увеличились всего на 6,2% (с 4 687 до 4 976 руб.), а в Спасо-Суморинском – на 39,4% (с 16 719 до 23 298 руб.). Интересные изменения наблюдались по Арсениево-Комельской штатной обители, в которой в статусе мужской неокладные суммы с 1871–1880 по 1891–1900 гг. сократились с 3 371 до 2 186 руб., или более чем на треть, а после перехода обители в статус женского монастыря⁴⁰⁵ эти суммы в 1911–1917 гг. поднялись до 5 778 руб.

Суммарно неокладные средства не только полностью определяли финансовое состояние заштатных и общежительных монастырей Вологодской епархии, но и оставались важнейшим компонентом благополучия штатных обителей. Так, в 1890 г. в Горне-Успенском монастыре неокладные суммы обеспечивали 97,3% всех доходов, Спасо-Каменном Духове штатном – 93,7%, Иоанно-Предтечевом – 93,5% и в 1915 г. в Троицко-Гледенском – 91,5% доходов обители. Конечно, были и другие примеры, когда в 1890 г. в Арсениево-Комельской и в 1915 г. в Михайло-Архангельской штатных обителях неокладные средства составляли менее трёх четвертей всех доходов (см. Приложение 14). К концу XIX – началу XX в. по всем монастырям Вологодской губернии неокладные средства составляли 96% от общих доходов, т. е. в 24 раза больше, чем государственное финансирование (см. диаграмму 1).

⁴⁰⁵ ПСЗРИ-3. Т. XXV. № 26211. С. 304–305.

Во второй половине XIX – начале XX в. нарастание неокладных доходов в расчёте на человека также сохранялось, но, конечно, не буквально повторяло уровень их общего увеличения, так как обуславливалось ещё и приростом или сокращением численности монашествующих. Однако в Вологодской епархии общая тенденция к повышению размеров неокладных средств в расчёте на человека в основном сохранялась, хотя темпы этого повышения нередко существенно различались. Например, с 1861–1870 по 1911–1917 гг. в Спасо-Прилуцком монастыре средние неокладные доходы в расчёте на одного человека возросли в 4,8 раза (с 166,81 до 808,36 руб.), Горне-Успенском – в 3,3 раза (с 67,69 руб. до 222,91 руб.), тогда как в Спасо-Каменном они приросли только на 41,2% – с 320,69 до 452,78 руб., в Павло-Обнорском и вовсе всего на 8,3% – с 453,27 до 491,11 руб. (см. Приложение 7).

На фоне всех монастырей Вологодской губернии выделялся Ульяновский Троицко-Стефановский мужской монастырь, в котором с 1861–1870 по 1911–1917 гг. средние неокладные доходы умножились в 37,9 раза – с 785 до 29 766 руб. Однако за этот период и численность братии в монастыре увеличилась в 11,6 раза, что обусловило прирост неокладных средств на одного человека братии только в 3,3 раза – с 112,14 до 367,48 руб. (см. Приложения 6 и 7).

Среди всех обителей Вологодской епархии наибольший средний неокладной доход в сумме 62 893 руб. был зафиксирован в Кытловской Крестовоздвиженской женской обители в 1891–1900 гг., что обеспечило уровень неокладных средств в расчёте на одного человека в 1 965,41 руб. (см. Приложение 6). Эти суммы сложились прежде всего от средств, пожертвованных при создании обители (см. главу 2), и логично, что они в 1901–1910 гг. сократились до 195,64 руб., или в 10 раз, а в 1911–1917 гг. до 102,38 руб., или в 19,2 раза (см. Приложение 7).

Согласно данным статистики, средний душевой доход на одного человека в России в 1894 г. был равен 67 руб.⁴⁰⁶, в то время как в самой бедной пустыни Вологодской губернии на одного человека в год приходилось в среднем 135 руб., т. е. в два раза больше.

Сопоставим доходы монастырей Вологодской епархии с заработными платами рабочих. По подсчётам Б.Н. Миронова, в 1880–1913 гг. рабочие в Российской империи получали от 198 до 290 руб. в год⁴⁰⁷. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что средняя зарплата рабочего была сопоставима с уровнем дохода на одного человека в монастырях епархии: в бедных обителях доход был ниже, в богатых (в том числе в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре) – даже выше.

⁴⁰⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. Статистическое приложение: Основные показатели развития России сравнительно с другими странами в XIX–XX вв. СПб., 1999; Опыт исчисления народного дохода в 50 губ. Европейской России в 1900–1913 гг. М., 1918. С. 66.

⁴⁰⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России ... Т. 2. С. 392.

Надо учитывать ряд дополнительных факторов, обеспечивавших более стабильное благосостояние монастырской братии. Во-первых, большинство иноческих обителей частично обеспечивало себя продовольствием за счёт ведения хозяйства. Излишки сельскохозяйственной продукции монастыри реализовывали. Во-вторых, монастыри давали своей братии гарантии приюта и пропитания в старости. Рабочие, напротив, не имели пенсий и пособий. В-третьих, рабочие обычно обеспечивали не только себя, но и свою семью продуктами питания, одеждой, условиями проживания. Приведённый фактический материал позволяет прийти к заключению о том, что формально доходы монастырских насельников в Вологодской губернии следует оценивать как более высокие, чем у заводских рабочих в стране. С другой стороны, приведённое сравнение доходов очень условно, ибо своими доходами монашествующие, в отличие от рабочих, не могли распоряжаться самостоятельно, это входило в компетенцию настоятелей обителей. Кроме того, для воссоздания объективной картины действительности необходимо рассмотреть расходы монастырей.

§ 5. Содержание общины и расходы в обителях в конце XIX – начале XX века

По сравнению с доходной сферой, церковные власти более строго контролировали и регламентировали расходы иноческих обителей. В 1868 г. финансовый контроль начинает расширяться и конкретизироваться – в связи с образованием в Вологодской епархии викариатств полномочия по финансовому контролю над монастырями, наряду с епархиальными архиереями, получали и викарные епископы. В соответствии с новым порядком монастыри два раза в год обязаны были представлять в канцелярии викариев «ведомости о состоянии» и отчёты «об остаточных суммах»⁴⁰⁸. Заметим, что монастыри Вологодской губернии использовали большую часть своих доходов (до 99%). Ежегодные остаточные суммы составляли в среднем от 0,01 до 3,67% от дохода⁴⁰⁹.

Церковный надзор над расходами монастырей дополнялся проверками благочинными и проведением «церковных ревизий» приходно-расходных книг и отчётов по неокладным суммам. Как правило, эти проверки носили формальный характер, и несоответствие расходов по месяцам в течение года обычно не обнаруживалось⁴¹⁰. Вероятно, нарушения монастыри действительно допускали редко, хотя упущения иногда выявлялись. Так, в указе Вологодской духовной консистории от

⁴⁰⁸ См.: Выписка из инструкции Великоустюжскому епископу, викарию Вологодской епархии // ВЕВ. 1888. № 8. С. 71–74.

⁴⁰⁹ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 27.

⁴¹⁰ См., например: ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1014. Л. 1–11.

1878 г. были зафиксированы нарушения, обнаруженные в ходе проверки «Ревизионного комитета» в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре. В обители обнаружили несоответствие сумм в отчётах и книгах прихода и расхода за 1877 г. – вопреки предписаниям, в записях о расходах отсутствовали собственноручные подписи лиц, получивших деньги⁴¹¹. Настоятелю монастыря был сделан выговор в связи с тем, что казначею иеромонаху Паисию были выданы 3 тыс. руб. «для закупки на Нижегородской ярмарке разных необходимых для монастыря и братии предметов»⁴¹². На будущее предписывалось «в случае больших покупок пересылать деньги» или приобретать необходимые товары в пределах своего уезда. Кроме того, комиссия подсчитала, что из расчёта цены за один пуд трески расход на её закупку оказался превышен на 13 руб. За обнаруженные нарушения настоятель обители вынужден был дополнительно «отчитываться» перед Вологодской духовной консисторией⁴¹³.

На основе выявленных в архивах приходно-расходных книг и финансовых отчётов монастырей Вологодской губернии за 1889–1915 гг. составлены диаграмма 2 и Приложение 15. На диаграмме 2 наглядно показано процентное соотношение усреднённых расходов по монастырям Вологодской епархии в конце XIX – начале XX в. В целом по губернии наибольшее количество средств обителей шло на удовлетворение текущих потребностей. Среди них наибольшую долю составляли хозяйственные нужды монастырей, на которые в среднем приходился 41% всех ежегодных расходов обителей.

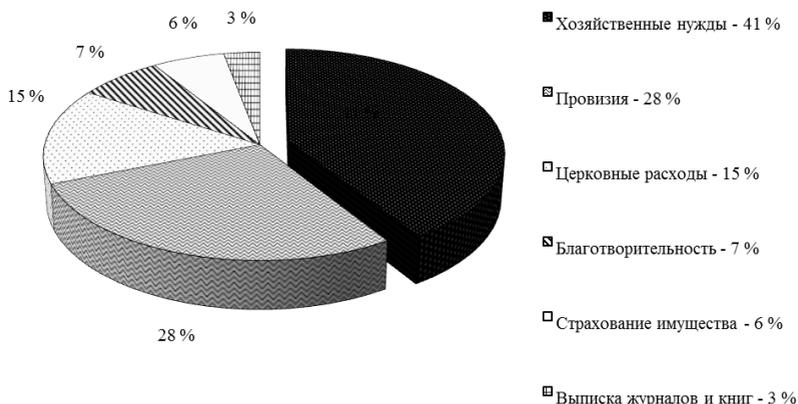

Диаграмма 2. Структура расходов монастырей Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века, %.

⁴¹¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 109. Л. 34, 34об., 35.

⁴¹² Там же. Л. 35об.

⁴¹³ Там же. 36.

Составлено по: ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 178. Л. 320–324; Д. 230. Л. 99; Ф. 512. Оп. 1. Д. 1014. Л. 1–11; Д. 1228. Л. 2; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 36; Д. 15. Л. 26–31; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 8–15; Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 24–29; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 112–116; Д. 122. Л. 50об.; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 146–151; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 114. Л. 4–73; Д. 134. Л. 1–87; Д. 144. Л. 2–6; Д. 154. Л. 23–27; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 195. Л. 4; Д. 303. Л. 9–15об.; Д. 368. Л. 12, 12об., 13; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–12об., 16–19об., 66, 81; Д. 108. Л. 25; Д. 342. Л. 2–4; Д. 343. Л. 37–40; Д. 344. Л. 13–16.

Естественно, хозяйственные расходы по конкретным монастырям и отдельным годам сильно разнились. При этом следует учитывать тот факт, что часто большие проценты расходов на хозяйственные нужды относительно общих расходов не означали проведение крупных строительных работ или значительных закупок продуктов и материалов. Как правило, высокий процент хозяйственных расходов в общей структуре расходов говорил о невысоких общих доходах по обителям.

Из материалов Приложения 15 видно, что в 1890 г. в Горне-Успенской обители на хозяйственные потребности выделялось 50,2% от общих расходов по обители (3 256 руб.), в Иоанно-Предтечевой – 49,3% (2 053 руб.), Спасо-Каменном Духове монастыре – 46,3% (4 030 руб.), Спасо-Суморином – 24,7% (3 707 руб.) и Знаменно-Филипповском – 24,1% (всего 137 руб.). Не меньшая пестрота по хозяйственным тратам наблюдалась и по другим годам. Так, в 1915 г. в Троицко-Гледенском монастыре на хозяйственные нужды приходилось 3 516 руб., или 69,4% от всех расходов, в Николо-Коряжемском – 4 715 руб., или 61,8%, Ульяновском Троицко-Стефановском – 6 190 руб., или только 29,9% от доходов.

Хозяйственные траты монастырей включали в себя покупку предметов первой необходимости (мыла, керосина), мебели, ткани, одежды и обуви⁴¹⁴. Обязательным было выделение средств на приобретение кормов для скота и семян для посевов⁴¹⁵. Однако большая часть средств, выделявшихся на хозяйственные нужды, расходовалась на строительные и ремонтные работы⁴¹⁶. Попытки изменить положение дел в данной сфере были предприняты в трёх законах от 23 ноября 1865 г. В них вводились некоторые новые нормы, в частности, регламентировались возможности епархиальных архиереев, викарных епископов, консисторий и игуменов в строительной-ремонтной деятельности обителей. По одному из законов, «настоятелям монастырей ... с советом старшей братии, дозволяется употреблять в расход из монастырских экономических сумм (из неокладных доходов и остатков от окладных средств. – П.К., А.Р.) ...

⁴¹⁴ См., например: ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 15. Л. 28, 29.

⁴¹⁵ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 178. Л. 322 и др.

⁴¹⁶ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 195. Л. 2–4.

единовременно по 500 рублей серебром». Расходовать указанные деньги можно было в том числе «и на ремонт ... монастырских домов»⁴¹⁷.

Во многих монастырях Вологодской губернии денег, выделенных по штатам для проведения строительных работ, по-прежнему было недостаточно. Средств хватало лишь на ремонт старых зданий, и новых построек почти не возводилось. В рапорте епископу за 1890 г. настоятель Николаево-Прилуцкого заштатного мужского монастыря (Великоустюгский уезд) иеромонах Павел сообщил о ремонте старых зданий на сумму 218 руб. 6 коп.⁴¹⁸ Эта сумма не могла покрыть серьёзные затраты, неокладные доходы тоже оказались невелики, поэтому не было возможности развернуть в монастыре более значительные строительные-ремонтные работы.

Крупные строительные работы проводились преимущественно в новых и состоятельных монастырях, в остальных велись ремонтные работы и возводились незначительные хозяйственные постройки. При этом ещё двумя законами от 23 ноября 1865 г. вводились новые нормы, которые регламентировали дорогостоящее строительство в обителях. По одному из них «епархиальным Первосвященным» разрешили самостоятельно утверждать контракты «назначенным по смете постройкам, производимым на счет казны» в размере до 10 тыс. руб. серебром⁴¹⁹. Однако такие значительные суммы из казны фактически не выделялись северным монастырям, соответственно, их эта норма не касалась.

По другому закону «епархиальным начальствам» позволялось «совершать производимые не на счет казны починки и постройки зданий» на сумму «до 5 000 рублей без учреждения особых Строительных Комиссий»⁴²⁰. Иными словами, из неокладных доходов обителей указанные средства епархиальные архиереи, vikарные епископы и консистории могли самостоятельно утверждать, но только на проведение строительных работ и ремонт монастырских построек. Эта норма иногда имела практическое применение по отдельным монастырям Вологодской губернии. Например, согласно ведомости о постройках, произведённых в

⁴¹⁷ Ноября 23 [1865 года]. Именной, объявленный Сенату Святейшим Синодом. – О порядке расходования церковных кошелековых и экономических монастырских сумм на мелочные поправки, на приобретение богослужебных и поучительных книг, на приобретение и исправление утвари, ризницы и на ремонт церковных и монастырских домов // ПСЗРИ-2. Т. XL. Отделение 2. № 42698. С. 182; ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 62. Л. 57, 57об., 58.

⁴¹⁸ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 80.

⁴¹⁹ Ноября 23 [1865 года]. Именной, объявленный Сенату Святейшим Синодом. – О предоставлении епархиальным Первосвященным права утверждать контракты по церковным и другим епархиального ведомства назначенным по смете постройкам, производимым на счет казны, на сумму до 10.000 рублей серебром // ПСЗРИ-2. Т. XL. Отделение 2. № 42699. С. 182.

⁴²⁰ Ноября 23 [1865 года]. Именной, объявленный Сенату Святейшим Синодом. – О предоставлении епархиальным начальствам совершать производимые не на счет казны починки и постройки зданий церковных, монастырских и по архиерейским домам на сумму до 5.000 рублей без учреждения особых Строительных Комиссий // ПСЗРИ-2. Т. XL. Отделение 2. № 42700. С. 182–183.

Павло-Обнорском монастыре в 1876 г., на строительные материалы из казны поступило 2 990 руб. и из средств обители (неокладных доходов) – 4 900 руб. Эти средства пошли на оплату работы каменщика, кузнеца, живописца и других мастеров, ремонт в церкви, постройку двух сараев, двух печей при кирпичном заводе и плотины для мукомольной мельницы⁴²¹.

В 70–80-х гг. XIX столетия весьма интенсивное строительство велось в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре (Усть-Сысольский уезд). Однако даже при наличии у монастыря собственных средств крупные постройки велись только с разрешения архиерея на основании указов консистории, как это и предписывал закон от 23 ноября 1865 г. Вопросы по строительству церквей, отливке колокола, написанию икон и выполнению живописных работ в соборе решались в Вологодской духовной консистории, о чём свидетельствуют указы, распоряжения и переписка монастыря с епархиальными властями в течение 1872–1874 гг.⁴²² При этом, благодаря настойчивости настоятеля монастыря Иринаея, Вологодская консистория «распорядилась о бесплатном отпуске строительного леса монастырю»⁴²³, что позволило сэкономить часть неокладных доходов и увеличить объёмы строительных работ. Епархиальные власти контролировали не только возведение культовых зданий в Ульяновском монастыре, но и постройку жилых помещений и монастырской ограды⁴²⁴.

Аналогичная ситуация наблюдалась и при создании Кылтовской Крестовоздвиженской женской обители. В ней в конце XIX – начале XX в. при содействии купца Афанасия Булычёва развернулось бурное строительство⁴²⁵. В обитель перечислялись постоянные пожертвования на строительство церквей, монашеских келий, богадельни и монастырского подворья в г. Усть-Сысольске⁴²⁶. При возведении монастыря использовался труд жителей села Серёгово и других близлежащих поселений. Рабочих нанимали для строительства моста через реку и зданий и на распиловку леса⁴²⁷. За работу они получали провизию и деньги или жили «на хозяйских харчах»⁴²⁸. По данным книг выдачи жалованья и припасов за 1900 г., рабочим было выплачено 360 руб. 57 коп.⁴²⁹ Во всех случаях «ведение построек» в Кылтовском монастыре «предписыва-

⁴²¹ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 94. Л. 16об.

⁴²² ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 76, 78, 89, 108, 379.

⁴²³ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 38. Л. 3, 3об.

⁴²⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 32, 104, 108, 374.

⁴²⁵ Булычёв А. «Ныне к вам прибегаю» ... С. 10–18.

⁴²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 8, 9, 10, 10об.

⁴²⁷ ГУ РК «НА РК». Ф. 165. Оп. 1. Д. 507, 550, 553, 631, 636, 1336, 1337.

⁴²⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 165. Оп. 1. Д. 636. Л. 4.

⁴²⁹ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 108. Л. 22, 24.

лось» «указами» и «наставлениями» из Вологодской духовной консистории.

Для расширения строительства в обители специально построили кирпичный завод⁴³⁰. Это позволило к 1907 г. возвести «Настоятельский» корпус (см. главу 2, § 5), который был застрахован на 29 тыс. руб.⁴³¹ К 1911 г. в монастыре возвели кирпичный храм в русско-византийском стиле во имя преподобных соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия⁴³².

В архиве Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря сохранились фотографии, запечатлевшие постройки конца XIX – начала XX в. (см. главу 2, § 5). В 1890 г. (за 4 года до официального открытия обители) была освящена Стефановская церковь – образец красоты деревянного зодчества.

Попытки государственно-синодальных органов власти по совершенствованию и улучшению строительства, в том числе в монасты-

Стефановская деревянная церковь в Кылтовском Крестовоздвиженском женском монастыре. Фотография конца XIX в. (Архив Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря).

⁴³⁰ Безсонов Б.В. Поездка по Вологодской губернии ... С. 65.

⁴³¹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 152. Л. 3.

⁴³² Там же. Л. 3, 15.

рях, продолжались в течение всего XIX в. В 1898 г. при хозяйственном управлении Синода был образован Техническо-строительный комитет, вследствие чего в епархиях России вводились должности архитекторов⁴³³. В Вологодской губернии было назначено два архитектора: первый получал жалованье в размере 1 200 руб. из казны, второй (Великоустюгский) содержался за счёт приходов и монастырей северо-восточной части епархии⁴³⁴. При этом благочинным монастырей делегировалось право непосредственного надзора за монастырскими постройками. Два раза в год в рапортах «помощник епископа» доносил о состоянии строительных работ⁴³⁵. Впрочем, если говорить о монастырях Вологодской губернии, то епархиальные архитекторы здесь большой роли не играли в связи с отсутствием крупного строительства и заметных ремонтных работ. В большинстве случаев они принимали участие в возведении храмов, создании проектов пристроек для духовных учебных заведений и другом строительстве⁴³⁶.

Значительная часть средств в обителях Вологодской епархии шла на покупку продуктов питания – в конце XIX – начале XX в. в среднем около 28% всех ежегодных расходов (см. диаграмму 2). В монастырских книгах прихода и расхода показывались закупки ячменной, ржаной, гречневой и рисовой крупы, муки, гороха, картофеля, рыбы, сахара, чая, масла и других видов продовольствия⁴³⁷. Как и с хозяйственными тратами, расходы на продовольствие варьировались по обителям (см. Приложение 15). В одних обителях расходы на продукты питания превалировали над прочими тратами, включая хозяйственные, в других, напротив, заметно уступали всё тем же хозяйственным. Так, в 1899 г. в Арсениево-Комельском монастыре на продовольствие было выделено 265 руб. (10,1% от всех расходов) и на хозяйственные траты – 1 541 руб. (58,5%), тогда как в Михайло-Архангельском, наоборот, на продовольствие потратили 614 руб. (57,1% от расходов по обители), на хозяйствование – 139 руб. (12,9%). В некоторых случаях затраты по двум указанным статьям были близки или почти совпадали. Например, в 1889 г. в Сямском Богородице-Рождественском монастыре на хозяйствование и продовольствие приходилось соответственно 43,8 и 43,9% от расходов по обители, в 1893 г. в Павло-Обнорском – 27,1 и 27,9% и в 1900 г. в Кытловском Крестовоздвиженском – 37,1 и 38,6% от всех расходов.

Обязательной статьёй расходов монастырей оставались и церковные, которые в конце XIX – начале XX в. в обителях Вологодской губер-

⁴³³ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 4, 4об.

⁴³⁴ Там же. Л. 37, 37об., 40.

⁴³⁵ См., например: МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 1об.

⁴³⁶ См., например: Котов П.П. Строительство и судьба здания ... С. 136–145.

⁴³⁷ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 114. Л. 4, 7, 8об., 12; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 303. Л. 10об., 12, 12об.

нии составляли в среднем до 15% суммарных ежегодных расходов по всем обителям (см. диаграмму 2). К церковным расходам относились закупка икон, свечей, ладана и обеспечение других церковных потребностей. Эти расходы в некоторых монастырях Вологодской епархии были значительными и по денежным суммам, и по их доле в общих тратах по обителям. Например, в 1890 г. в Спасо-Сумориной обители они достигали 4 904 руб., или 32,7% от всех расходов, и превышали затраты на продовольствие и хозяйственную деятельность. В том же году в Николаево-Прилуцком монастыре церковные расходы составляли 744 руб., или 33,8% от общих трат, и превосходили затраты на приобретение продовольствия. Правда, в основном церковные расходы уступали тратам на продовольствие или организацию хозяйствования в обителях (см. Приложение 15).

Кроме трёх перечисленных обязательных статей расходов в обителях практиковались три другие статьи расходов, которые не являлись ежегодными, но не в меньшей степени регламентировались и контролировались церковными властями. Среди этих периодических расходов выделялись траты на благотворительность. На неё в конце XIX – начале XX в. в среднем по всем монастырям Вологодской губернии приходилось примерно 7% от всех расходов (см. диаграмму 2). В некоторые годы в единичных случаях средства на благотворительность вовсе не выделялись, как это произошло в 1890 г. в Спасо-Суморином мужском монастыре. Но, как правило, обители не считали возможным избегать таких трат и старались предусматривать на них хотя бы небольшие суммы. В 1890 г. в Иоанно-Предтечевом мужском и Горне-Успенском женском монастырях на благотворительность было истрачено всего по 0,2% от всех расходов (10 и 12 руб. соответственно), тогда как в Корнильево-Комельском мужском – 9,6% (539 руб.). В разные годы эти траты варьировались и составляли, например, в Спасо-Каменном Духовом монастыре в 1890 г. 526 руб. (6,0% от всех расходов), в 1904 г. – 960 руб. (9,4%) и в 1914 г. – 956 руб. (8,0%) (см. Приложение 15).

Среди монастырей Вологодской губернии особенно выделялась филантропия в Ульяновской Троицко-Стефановской мужской обители. В ней в 1890 г. на благотворительность выделили всего 239 руб. (только 2,0% от расходов), тогда как в 1904 г. – уже 2 083 руб. (18,9%), в 1915 г. и вовсе 3 907 руб. (18,9% от возросших расходов). Заметим, что в обители за 25 лет суммы денег на благотворительность умножились в 16,3 раза (см. Приложение 15).

Во второй половине XIX в. по указу Вологодской консистории было введено обязательное страхование церковного и монастырского недвижимого имущества⁴³⁸. Согласно источникам, в эти затраты включались

⁴³⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 248. Л. 14.

и различные налоговые сборы. В фонде Хозяйственного управления при Синоде отложились монастырские страховые карточки⁴³⁹. Страхование позволяло вести строгий учёт зданий и построек в обителях.

Постепенно страховые выплаты возрастали, и в конце XIX – начале XX в. в среднем по обителям Вологодской епархии они составляли около 6% от всех расходов (см. диаграмму 2). Повторим: эти выплаты не являлись регулярными и осуществлялись в случаях окончания страховых контрактов или назначения налоговых сборов. В частности, эти выплаты отсутствовали в 1889 г. по Сямскому Богородице-Рождественскому монастырю. Такая же ситуация наблюдалась в 1890 г. и по Спасо-Каменному Духову монастырю. Правда, в 1904 г. в нём на страхование было выделено 347 руб. (3,4% от расходов) и в 1914 г. – 596 руб. (5,0%). Как правило, в 1890–1915 гг. в обителях Вологодской губернии расходы на страхование составляли менее 10% от всех расходов. Однако в 1893 г. страховые и налоговые выплаты в Павло-Обнорской обители равнялись 825 руб., или 24,1% от расходов, в 1904 г. в Ульяновской Троицко-Стефановской обители и вовсе выросли до 2 604 руб., или до 23,6% от расходов по обители (см. Приложение 15).

В конце XIX – начале XX в. в два раза меньше (не более 3% от всех расходов), чем на страховые и налоговые выплаты, обители Вологодской губернии тратили на приобретение книг и периодической печати (см. диаграмму 2). Ситуация улучшилась после издания упомянутого выше указа от 23 ноября 1865 г., по которому настоятелям монастырей «с советом старшей братии» разрешалось использовать из неокладных доходов «до 500 рублей серебром ежегодно», в том числе «на приобретение богослужебных и поучительных книг»⁴⁴⁰. Правда, перечень «выписки журналов и книг» для обителей регламентировался Синодом и Вологодской консисторией.

Многие настоятели и благочинные отмечали «порядочную» обеспеченность книгами обителей Вологодской епархии. Настоятельница Иоанно-Предтечева монастыря игуменья Флорентия в отчёте за 1890 г. указывала: «Книги нужные для церковного круга имеются и все к употреблению годны, книг назидательных очень достаточно»⁴⁴¹. Достаточно впечатляющей для своего времени выглядела библиотека Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря – в ней находилось «всех вообще до 90 томов», включая не только «писания» и «поучения пастырей церкви», но и исторические книги. В «Ведомости» обители в 1908 г. отмечалось: «Ныне библиотека пополняется выпискою на средства монастыря обязательных периодических изданий (Церковныхъ и Епархиальныхъ

⁴³⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 152. Л. 3, 3об. и др.

⁴⁴⁰ ПСЗРИ-2. Т. XL. Отделение 2. № 42698. С. 182.

⁴⁴¹ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 11об.

ведомостей и журналов Душеполезного чтения и Кормчаго). Бесплатная раздача богомольцам листков и брошюр нравственного содержания и св. крестиков производится в небольшом количестве» (орфография сохранена. – П.К., А.Р.)⁴⁴².

Обратим внимание на выплаты собственно монашествующим, которые определялись термином «братские доходы». Строго говоря, это были доходы с доходов, так как включали оклады (для штатных обителей), часть церковных неокладных доходов и часть средств, получаемых в виде процентов с вкладов. Согласно материалам Приложения 16, в 1876 г. в Спасо-Каменном Духове монастыре 63,2% «братских» выплат приходилось на церковные доходы, остальные 36,8% – на доходы от размещения вкладов монастырских денег. В 1876 и 1891 гг. основной доход получали настоятели Духова монастыря (33,6–39,3%) и старшая братия (36,0–43,7%). Соответственно, эти категории монашествующих получали и более высокое жалованье. В 1876 г. настоятель обители заработал 756,66 руб., каждый иеромонах – по 126,05 руб., дьяконы – по 120,30 руб., иеродьяконы – по 79,13 руб., монахи – по 63,25 руб. и послушники – по 38,42 руб. Получается, что выплаты настоятелю почти в 20 раз превышали доходы послушника и в 14,2 раза доходы простого монаха. Спустя 15 лет ситуация изменилась, но в основном в пользу настоятелей. В 1891 г. настоятель заработал уже 887,54 руб., или на 17,3% больше, чем в 1876 г. Напротив, за указанные 15 лет размер жалованья иеромонаха сократился до 118,36 руб., или на 6,1%, послушника – до 33,89 руб., или на 11,8%. Выплаты простому монаху, в пересчёте на год, остались практически без изменений, и только заработок иеромонаха возрос до 126,45 руб., правда всего на 5,1% (см. Приложение 16).

Подводя итоги исследования финансово-экономических отношений монастырей и церковных властей, необходимо отметить, что с конца XVIII в. происходило увеличение монастырских земель за счёт выделения участков из казённых угодий. Регламентировав систему церковного землевладения, законодательство позволило монастырям значительно расширить свои владения в результате покупки земель и возможности их увеличения по завещаниям в XIX – начале XX в. Однако земли перестали быть главным источником доходов монастырей Российской империи.

Перевод монашествующих и монастырских служителей на штатные оклады формально привёл к экономической зависимости православных обителей от церковных властей. Однако доходы монастырей не сводились только к штатным окладам, а составлялись из различных источников.

⁴⁴² МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 266. Л. 8–8об.

Штатные монастыри получали государственное содержание. Жалованье братии заштатных обителей было очень низким, и после 1867 г. они существовали исключительно за счёт собственных средств. В течение XIX и в начале XX в. в большинстве монастырей Вологодской губернии происходило увеличение собственных (неокладных) доходов, к которым относились проценты от вкладов, «церковные доходы», пожертвования частных лиц, деньги от аренды земли и ведения хозяйства. Достаточно стабильный доход монастырей Вологодской епархии в пореформенный период давал братии гарантии пропитания и неплохого благосостояния.

Синодально-епархиальные власти не оставались в стороне при формировании доходных частей иноческих обителей. Так, они в полном объёме определяли выделение государственных средств – окладов. Затем они законодательно запретили размещение свободных средств монастырей для получения процентов с вкладов в частных финансовых организациях и банках. Значительно слабее власти регламентировали возможности монастырей при получении прибыли от аренды земельных угодий и пожертвований, церковных доходов и хозяйствования. В области аренды земель и хозяйственной деятельности синодально-епархиальные власти нередко скорее улучшали условия для получения прибыли, расширяя земельные владения или рекомендуя и поощряя развитие различных видов хозяйственных занятий монашествующих.

Значительно строже, нежели доходную часть, церковные власти регламентировали и контролировали расходы монастырей. Большая часть расходов монастырей Вологодской епархии приходилась на хозяйственные нужды, при этом основные средства тратились на строительство и ремонт зданий. В штатных обителях на эти цели периодически выделялись хоть и незначительные, но конкретные суммы. В XIX в. решение о возведении и ремонте зданий было делегировано духовным консисториям. Однако на текущий ремонт или покупку материалов использовались преимущественно имевшиеся в обителях деньги. Крупные постройки в монастырях Вологодской губернии велись редко, только за счёт самих обителей или благотворителей.

Епархиальные органы власти осуществляли ежегодную проверку расходования как окладных, так и неокладных средств на строительные работы «через шнуровые приходно-расходные книги и отчеты». Контролю подлежали все расходы и остаточные суммы монастырей. При этом надзор за хозяйственной деятельностью обителей обеспечивался властями разных уровней: хозяйственным управлением Синода, епархиальным начальством, благочинными и настоятелями монастырей.

Отчётные документы конца XIX – начала XX в. свидетельствуют о неравномерности экономического развития монастырей Вологодской губернии. Несмотря на расширение земледелия и распространение огородничества, монастыри не могли полностью обеспечить себя продуктами со своего хозяйства. Около 28% от ежегодных расходов монастырей приходилось на закупку продовольствия. Остальные средства обитателей распределялись между церковными расходами, страхованием, выпиской журналов и книг, часть доходов направлялась на благотворительность. С конца XVIII и до начала XX столетия происходило усиление контроля синодально-епархиальных властей за экономическим развитием монастырей, что нередко ограничивало их самостоятельность. Значительная часть средств монастырей Вологодской епархии расходовалась на реализацию социального служения.

Глава 5

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАСТЕЙ НА СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ ИНОЧЕСКИХ ОБИТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Регламентация социальной деятельности монастырей в конце XVIII – первой половине XIX века

Социальное служение издревле было важной составляющей функционирования православных монастырей в России. Иноческие обители оказывали помощь социально незащищённым слоям населения, в монастырях открывались благотворительные заведения⁴⁴³. С другой стороны, церковные власти были заинтересованы в использовании монастырей в качестве пенитенциарных учреждений. Лиц, совершивших преступления или проступки «против веры», уже с XV–XVI столетий отправляли для «исправления» в отдалённые обители⁴⁴⁴. Наибольшее распространение монастыри-тюрьмы получили на Европейском Севере России⁴⁴⁵.

С XVIII в. социальное служение иноческих обителей Российской империи начинает более строго регламентироваться и контролироваться. Церковные и государственные власти поддерживали осуществление монастырями пенитенциарной практики, но ограничивали монастырское «призрение» для «лиц без документов».

Нормативно-правовые основы осуществления монастырской социально-исправительной практики были утверждены уже в «Духовном Регламенте» 1721 г.⁴⁴⁶ Наложение «церковного наказания» осуществлялось Святейшим синодом. В его юрисдикцию входило расследование преступлений, которые оскорбляют священный сан, и рассмотрение дел «о нанесении обид лицами из духовного сословия». За церковным судом оставалось также рассмотрение преступлений светских лиц против «религиозного и нравственного закона», за которые не налагалось уголовного наказания.

При нарушениях священниками «церковного закона» следовало наложение денежного штрафа, при значительных проступках, тем более

⁴⁴³ Афиногентова А.П. Социальная активность Русской православной церкви ...; Зубанова С.Г. Социальное служение Русской Православной Церкви ...; Пашенцев Д.А. Благотворительная деятельность Русской православной церкви ...

⁴⁴⁴ Страничка из прошлого Антониево-Сийского монастыря: (по неизд. док. из архива Сийского монастыря). Архангельск, 1913; Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб.: Искусство-СПб., 2003. С. 15–25; Шалыпин С.О. Опала и монастырское заочение в России XV–XVII вв. // Актуальные проблемы правовой науки: межвуз. сб. науч. тр. Архангельск, 2003. Вып. 3. С. 68–79; Он же. Проблема присутствия элементов тюремной дисциплины в монастырской ссылке на Русском Севере XVII–XVIII вв. / IX Ломоносовские чтения: тез. докл. Архангельск, 1997. С. 52–54.

⁴⁴⁵ Камкин А.В. Православная церковь ... С. 35–48; Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка ... С. 96; Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей ... С. 77.

⁴⁴⁶ ПСЗРИ-1. Т. VI. № 3718. С. 314–346.

при совершении преступлений, – исключение «за штат» (т. е. отстранение от должности). Дисциплинарная практика знает и такое наказание для духовных лиц, как запрещение «священнослужения». Однако чаще применялось «духовное исправление» в архиерейских домах и монастырях, которое в основном предусматривало отправление «на покаяние» в монастыри⁴⁴⁷.

В функции Синода Петр I передал также управление «богоугодными» заведениями. При этом нескольким монастырям в стране было предписано «всех сирот обоего пола принимать... и убогих»⁴⁴⁸. В 1775 г. вместо монастырских богаделен в каждой губернии были созданы государственные учреждения для оказания социальной помощи – приказы общественного призрения. Однако при монастырях по-прежнему существовали «богоугодные» заведения, содержавшиеся «на счет монастырских средств».

Иноческие обитатели были местом приюта для людей, не имевших крова и пропитания. Социальная деятельность монастырских богаделен была направлена преимущественно на оказание помощи людям преклонного возраста. Эти заведения обеспечивали содержание и приют, однако не были привлекательными для населения, так как воспринимались общественным мнением как исключительная мера в случае крайней нужды⁴⁴⁹. В этой связи, на наш взгляд, М.М. Максимова излишне идеализировала и преувеличивала социальную практику церковных учреждений, когда делала вывод о том, что в XVIII–XIX вв. в России «церковной благотворительностью были охвачены практически все нуждающиеся в ней»⁴⁵⁰.

Примечательно, что традиционные формы благотворительного иноческого служения в конце XVIII в. не получили широкого развития в Вологодской епархии⁴⁵¹, что объяснялось «неодобрительной» позицией епархиальных властей. Однако из краеведческих трудов дореволюционного периода известно о существовании с 1786 г. богадельни при Горнем Успенском женском трёхклассном монастыре в г. Вологде. Ос-

⁴⁴⁷ Цыпин В.А. Церковное право. Курс лекций. Крутлый стол по религиозному образованию в Русской Православной церкви. М.: Изд-во МФТИ, 1994. С. 304.

⁴⁴⁸ Февраля 14 [1721 года]. Высочайшая резолюция на доклад Синода. – О возвышении в церковных служениях, вместо Патриаршего имени, Синода, о сношениях Синоду с Сенатом и Коллегией ми, о мирских судьях при духовных персонах у дел раскольнических, об избрании Архиереев, и о бытии монастырским вотчинам в одной Духовной Коллегии // ПСЗРИ-1. Т. VI. № 3734. С. 355–356.

⁴⁴⁹ Курманова Г.Д. Проблемы социального призрения пожилых и престарелых в коми деревне на рубеже XIX–XX вв. // Коренные этносы Севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (сборник статей) / отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 2000. С. 314.

⁴⁵⁰ Максимова М.М. Попечительство и благотворительность в дореволюционной России // Индекс. 2008. № 28. С. 12.

⁴⁵¹ Дойникова Н.А. Социальное служение ... С. 18.

нование «богоугодного» заведения было инициировано церковными властями, в частности, архиепископом Симоном⁴⁵².

В конце XVIII в. законодательство расширило права епархиальных властей в сфере церковного судопроизводства и реализации социально-исправительных практик. После обнародования указа от 19 октября 1797 г. епископы были уполномочены осуществлять наложение епитимии «не представляя Святейшему Синоду», т. е. самостоятельно, не делая предварительных представлений⁴⁵³. На основании резолюции епископа консистория принимала указы о «церковном наказании», сроках и формах «монастырской ссылки» как меры наказания и исправления. Святейший синод оставил за собой полномочия по решению особо важных духовных и экономических преступлений духовенства. Кроме того, по указу от 12 июля 1798 г.⁴⁵⁴, в котором уточнялись нормы принятых ранее законов⁴⁵⁵, Святейший синод пресекал укрывательство в монастырях бродяг и неизвестных людей, не имевших при себе документов, подтверждавших их статус. Запрещалось также проживание в монастырях лиц из податных сословий и беглых преступников⁴⁵⁶.

Архивные источники из фондов монастырей Вологодской губернии свидетельствуют о неоднократных фактах наложения епархиальными архиереями церковного наказания на священников и церковнослужителей, как правило, «за хождение в питейный дом, пьянство и чинение неблагопристойных поступков»⁴⁵⁷. Однако на протяжении периода с конца XVIII по начало XIX в. чётких инструкций по вынесению наказаний за определённые виды «церковных правонарушений» так и не было выработано. Поэтому в монастырскую ссылку отправляли на разные сроки – от недели до полугода, иногда за одинаковые проступки⁴⁵⁸.

Ещё при Петре I законодательно были определены цели для монашества: служить страждущему человечеству, обеспечивать уход за боль-

⁴⁵² Суворов Н.И. К истории г. Вологды ... С. 235–239.

⁴⁵³ Октября 19 [1797 года]. Синодский. – О наложении преступникам по правилам Святых Отец епитимии самим Епархиальным Архиереем не представляя Святейшему Синоду // ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 18212. С. 773.

⁴⁵⁴ Июля 12 [1798 года]. Сенатский. – О непоселении преступников, не способных к работе, в окрестностях других городов, кроме Иркутска и Колы // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18583. С. 296–297.

⁴⁵⁵ Марта 10 [1798 года]. Высочайше утвержденный доклад Синода. – Об отправлении преступников престарелых, увечных и немощных в селения, от Губернского города в 60 верстах состоящая, без приписки их в число платящих Государственные подати // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18424. С. 123–129. Марта 15 [1798 года]. Именной, данный Сенату. – Об отсылке осужденных к крепостным работам преступников, которые за старостию, болезнями и увечиям к делу сему не употребляются, на поселение Архангельской губернии в г. Колу и Иркутск // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18437. С. 163.

⁴⁵⁶ Цыпин В.А. Церковное право ... С. 308.

⁴⁵⁷ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1544. Л. 1.

⁴⁵⁸ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 50. Л. 70–73; Д. 189. Л. 1–4; Ф. 512. Оп. 1. Д. 448. Л. 5–5об.; Д. 551. Л. 8; Д. 516. Л. 18–19, 40–40об.; Д. 556. Л. 1–2; МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2944. Л. 1.

ными и воспитывать сирот⁴⁵⁹. Эти цели оставались актуальными и в последующее время.

В конце XVIII – начале XIX столетия в Вологодской епархии ощущалась потребность в благотворительных учреждениях, призванных призывать самих священников или членов их семей. Вологодская духовная консистория неоднократно рассматривала дела «о призрении престарелых лиц духовного звания» в монастырях. Например, в 1810 г. настоятелю Устюжского двухклассного Михайло-Архангельского монастыря архимандриту Парфению указом из Вологодской консистории было предписано определить в число братии 56-летнего священника Николаевской церкви Семёна Попова, который «намерен остаток жизни продолжить во оном Архангельском монастыре»⁴⁶⁰.

Священник Попов в прошении к епархиальным властям указывал, что в его хозяйстве «к пропитанию издревле определена пашенная земля к хлебопашеству весьма неудобная и сенокосные покосы от погоста в 25ти верстах», при этом землю обрабатывать некому и его дом «весьма обветшал»⁴⁶¹. Данный пример, когда священник был принят в число братии монастыря ввиду престарелого возраста, демонстрирует традиционно сложившееся решение проблемы призрения духовенства путём определения в православную обитель.

В 1820–1840-х гг. в Российской империи стали разрабатываться нормативно-законодательные акты, направленные на регламентацию правил реализации православными обителями пенитенциарной практики и монастырской благотворительности. По указу от 12 августа 1823 г. утверждалось специальное положение в отношении «призрения бедных лиц духовного звания», для чего было узаконено «из доходов свечной продажи ... в качестве постоянного оклада ... отделять ежегодно 150 000 рублей»⁴⁶². Эти средства распределялись между епархиями. В Вологодскую епархию перечислялось 4 тыс. руб. в год на оказание «вспомоществования и призрения тем бедным и сиротам из лиц духовного звания», которые имели в этом «настоятельную нужду»⁴⁶³.

С другой стороны, по закону 1823 г. предусматривалось в каждой епархии «учредить ... под непосредственным ведомством Первосвященного Архиепископа, Попечительство о бедных духовного звания», в

⁴⁵⁹ Генваря 31 [1724 года]. Именной, данный Синоду. – О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении Семинарии и госпиталей // ПСЗРИ-1. Т. VII. № 4450. С. 226–233.

⁴⁶⁰ МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3063. Л. 9.

⁴⁶¹ Там же. Л. 9об.

⁴⁶² Августа 12 [1823 года]. Высочайше утвержденное положение. – О призрении бедных духовного звания // ПСЗРИ-1. Т. XXXVIII. № 29583. С. 1169–1176. Книга штатов. Т. XLIV. № 29583. С. 87; СЗРИ. Т. XIII. С. 120–121.

⁴⁶³ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Книга штатов. № 29583. С. 87; СЗРИ. Т. XIII. С. 120–121.

состав которого включалось от трёх до шести членов, в том числе «из монашествующих». Под «попечительство» подпадали престарелые священники, «бедствующие вдовы священно и церковнослужителей и их дети»⁴⁶⁴. В Вологде «Попечительство о бедных духовного звания» было создано только спустя девять лет – в 1832 г.⁴⁶⁵ Однако средств на всех нуждавшихся было недостаточно, поэтому попечительство собирало добровольные пожертвования с монастырей. С разрешения Вологодского архиерея иноческим обителям предписывалось оказывать поддержку «бедным духовного звания» и ежегодно отчислять средства для этих нужд. В результате принятых мер на нужды Вологодского попечительства стали поступать взносы по 3–10 руб. в год с каждого монастыря⁴⁶⁶.

На основании приоритетов, определённых нормами российского права, иноческие обители в 30-х гг. XIX в. оказывали поддержку преимущественно лицам из духовного сословия. В 1832 г. в «Высочайше утверждённых правилах о принятии в монастыри и пострижении в монашество» указывалось, что в иноческих обителях должны получать приют «немошные престарелые священники», «беспомощные вдовы и девицы Духовного звания, преклонных лет». Кроме них разрешалось принимать до совершеннолетия на воспитание сирот священно- и церковнослужителей⁴⁶⁷.

В 1830-х гг. на епархиальные власти возложили не только попечительство «о престарелых и немощных», но и решение дел об «исправлении» в монастырях священников и церковнослужителей, нарушивших своим поведением «правила благочиния». По указу от 31 августа 1832 г. «О сокращении делопроизводства по Синодальным Конторам и Консисториям» епархиальным архиереям предписывалось «не доводить до Синода сведения о наложении епитимии», за исключением случаев «сомнительных, требующих особаго разрешения»⁴⁶⁸. На основании этого указа архиерей по решению епархиального суда назначал сроки «исправления» в монастырях всех по епархии лиц духовного звания. При этом в законе от 16 июня 1833 г. закреплялось предписание о запрете принимать «приходящих в монастыри для богомолия без письменных видов» (без документов, удостоверяющих личность. – П.К., А.Р.)⁴⁶⁹.

⁴⁶⁴ ПСЗРИ-1. Т. XXXVIII. № 29583. С. 1172.

⁴⁶⁵ Вологда, XII – начало XX века ... С. 14.

⁴⁶⁶ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1014. Л. 9; Ф. 513. Оп. 1. Д. 15. Л. 28; Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 25; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 303. Л. 12.

⁴⁶⁷ ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5399. С. 339–341.

⁴⁶⁸ ПСЗРИ-2. Т. VII. № 5585. С. 591–592.

⁴⁶⁹ Июня 16 [1833 года]. Синодский. – О непозволении в других монастырях и других местах духовного ведомства проживать людям неизвестным и узаконенных видов о себе неимеющим // ПСЗРИ-2. Т. VIII. Отделение 1. № 6269. С. 361–362.

«Устав Духовных Консисторий» (1841) унифицировал порядок осуществления социального служения православными обителями. Во-первых, нормативно закреплялось попечительство монастырей исключительно над сиротами «семейств духовнаго звания»⁴⁷⁰. Делопроизводительные источники и краеведческие записки свидетельствуют о сохранении этой тенденции в монастырях Вологодской губернии вплоть до конца XIX в.

Во-вторых, в главе «О наложении церковной епитимии» в «Уставе Духовных Консисторий» чётко определялся порядок наказания за религиозные правонарушения для духовенства и гражданских лиц. В частности, по епархиальному суду «лица духовного звания» наказывались «временным испытанием в Архиерейских домах и монастырях», «епитимиею в монастыре от двух до трех месяцев с запрещением или разрешением священнослужения», «отрешением от места ... до раскаяния и исправления» и другими «мерами взыскания и исправления»⁴⁷¹. В целом Устав 1841 г. упорядочил систему наложения и отбывания церковного наказания.

С конца XVIII в. социальная деятельность монастырей характеризуется плотной взаимосвязью Русской православной церкви и государства. На общероссийском и региональном уровнях наблюдалась тенденция к превращению благотворительности и пенитенциарной практики в строго контролируемые виды отношений, подчинённых реализации государственных целей.

Анализ нормативно-правовых документов Российской империи позволяет дифференцировать две основные формы монастырского социального служения, получившие развитие в обителях Вологодской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. Первая форма была связана с благотворительной деятельностью иноческих обителей и направлена на осуществление социальной защиты и призрения за счёт функционирования благотворительных заведений и оказания помощи пожертвованиями. Православные обители Вологодской епархии также активно использовались властями для реализации «церковного наказания». Однако российское законодательство конца XVIII – начала XIX в. привело к сословной ограниченности монастырской благотворительной деятельности. Призрение в богадельнях получали выходцы из духовного сословия, тогда как доступ в них другим категориям населения практически полностью ограничивался. В 20–40-х гг. XIX столетия социальная деятельность монастырей регламентировалась нормативными актами и была поставлена под контроль властей.

⁴⁷⁰ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

⁴⁷¹ Там же. С. 241–246.

§ 2. Благотворительность, приюты и церковно-приходские школы в обителях Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века

По истории благотворительности в Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX в. существует более десятка исследований. Однако, во-первых, многие из них территориально ограничиваются Коми краем (двумя северо-восточными уездами губернии); во-вторых, в большинстве указанных трудов развитие православной благотворительности в Вологодской епархии лишь затрагивается в контексте рассмотрения других аспектов «призрения» населения⁴⁷². Поэтому история развития православной благотворительности в Вологодской епархии во второй половине XIX – начале XX в. как научная проблема остаётся не до конца изученной и нуждается в дополнительном анализе. Материалы фондов Вологодской епархии позволяют объективно оценить влияние властей на социальную деятельность иноческих обителей, на развитие благотворительности и реализацию монастырями социально-исправительной практики в 1861–1917 гг.

В пореформенный период в российском обществе превалировало мнение о том, что монастыри должны нести чуть ли не основное бремя социальной помощи самым разным слоям населения⁴⁷³. Однако эта позиция общественности не нашла поддержки у церковных властей. Святейший синод предписывал собранные в церквях и монастырях пожертвования расходовать на сооружение и восстановление храмов, миссионерские нужды, а также на поддержку общественных организаций, осуществлявших социальную помощь.

В организации сбора пожертвований благочинные исполняли роль посредника между епархиальным начальством и монастырями. Как правило, распоряжения доводились до настоятелей не напрямую, а через благочинных монастырей. При этом обители получали копии документов, регламентирующих все их действия, а поступление денег строго контролировалось епархиальными властями. С другой стороны, на благочинных возлагались обязанности контроля за исполнением предписаний по организации денежных сборов⁴⁷⁴. Внутри монастырей руководство сбором пожертвований осуществляли их настоятели. Денежные средства аккумулировались у монастырских казначеев и за-

⁴⁷² Бондаренко О.Е., Кубышкина Л.Т. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви ... С. 55–64; Дойникова Н.А. Социальное служение православной церкви ...; Котов П.П., Носова Т.А. Возникновение и основные направления деятельности ... С. 151–159; Котов П.П., Хотимова Л.В. Виды призрения детей в начале XX века ... С. 89–92; Котов П.П., Хотимова Л.В. Формирование системы социальной защиты ... С. 365–367; Сурков Н.И. Благотворительная деятельность священнослужителей ... С. 66–71 и др.

⁴⁷³ Лабутин И.К. Характер христианской благотворительности ...

⁴⁷⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 42, 42об.; Д. 228. Л. 32 и др.

писывались в «книгах прихода и расхода» и «отчетных ведомостях»⁴⁷⁵. Напомним: расходы иноческих обителей Вологодской епархии на благотворительность в конце XIX – начале XX в. составляли около 7% от общих расходов (см. диаграмму 2).

Денежные средства, собранные в монастырях, переправлялись в духовные консистории и затем распределялись «по месту назначения». Традиционно основная доля пожертвований монастырей направлялась на восстановление и сооружение церквей. В 1860-х гг. монастыри Вологодской епархии организовали дополнительный сбор пожертвований, которые были распределены не только на сооружение храмов в своей губернии, но и на православные постройки, расположенные на украинской и осетинской землях⁴⁷⁶.

Нередко «кружечные» и «тарелочные» сборы, организованные монастырями, предназначались для миссионерских организаций и православных обществ. Так, монастыри Вологодской губернии в пореформенные годы отправляли пожертвования «для прибывших из-за границы славян», для пострадавших от землетрясения в Греции, на «улучшение быта православных паломников в Палестине» и для Православного миссионерского общества⁴⁷⁷.

Наибольший объём сбора пожертвований на благотворительные нужды был возложен на монастыри Вологодской епархии начиная с последнего десятилетия XIX столетия. В частности, с 1891 г. обители отправляли денежные средства в попечительство «о бедных воспитанниках духовной семинарии»⁴⁷⁸. С 1892 г. епархиальными властями на монастыри был возложен обязательный ежегодный взнос «на нужды Архиерейского дома» в сумме 1 790 руб.⁴⁷⁹ При этом в зависимости от класса и доходов обителей устанавливались разные размеры пожертвований. Наибольший взнос возлагался на Спасо-Прилуцкий монастырь 2-го класса (по 80 руб. в год), наименьший – на заштатные обители (по 25 руб. в год)⁴⁸⁰. Кроме того, с 1893 г. монастыри Вологодской губернии обязали ежегодно выделять от 25 до 125 руб. на содержание духовных учебных заведений⁴⁸¹.

⁴⁷⁵ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1041. Л. 1–11; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 368. Л. 12, 12об., 13; МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1448, 1453, 1624; Ф. 435. Оп. 1. Д. 10, 15, 18, 19, 23, 25.

⁴⁷⁶ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 11, 11об.; Д. 25. Л. 9, 9об., 33, 33об.; Д. 248. Л. 3.

⁴⁷⁷ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 25. Л. 10, 10об., 33, 33об.; Д. 211. Л. 5, 6; Д. 228. Л. 32; Д. 255. Л. 6, 6об.

⁴⁷⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 368. Л. 12, 12об., 13.

⁴⁷⁹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 25, 25об.

⁴⁸⁰ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1014. Л. 8; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 11; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 303. Л. 12.

⁴⁸¹ ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 11; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 116; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 42, 42об.

Кроме увеличения размеров пожертвований, с 1893 г. церковные власти начали не только заниматься их распределением, но и разрабатывать конкретные инструкции по их сбору. Так, на основании решения Святейшего синода по указу Вологодской консистории монастырям строго предписывалось принимать средства «непосредственно от жертвователей или при посредстве правительственных учреждений, а не через монахов, послушников и каких-то сотрудников»⁴⁸². За соблюдением этого порядка и чётким ведением записи прихода денег должны были следить настоятели, от которых в случае несвоевременной отправки средств «требовались отчеты» о пожертвованиях и разъяснения причин этой «несвоевременности»⁴⁸³.

Второе направление благотворительной деятельности монастырей в пореформенный период – на оказание помощи нуждавшимся лицам, в первую очередь из духовенства. В 1869 г. благодаря поддержке властей Вологодской епархии в Горнем Успенском женском монастыре был создан учебно-воспитательный женский приют. Заведение содержалось за счёт архиерейского дома. Здесь жили и обучались с 8 лет сироты, выходцы из духовного сословия⁴⁸⁴. Полный курс обучения составлял 6 лет (по два года в каждом классе). Преподавались такие предметы, как чтение, письмо, закон божий, священная и отечественная история, русский язык, география, арифметика, пение, рукоделие⁴⁸⁵. В 1870–1873 гг. для проживания воспитательниц и организации мастерских был специально построен каменный двухэтажный дом. В 1882 г. «исключительно на средства бывшего Архиепископа Вологодского Феодосия» возвели новый каменный трехэтажный дом, в котором проживали воспитанницы приюта и располагались «помещения для трапезы (столовая и кухня. – П.К., А.Р.)»⁴⁸⁶. По данным вологодского краеведа А.К. Лебедева, в приюте первоначально проживали 10 девочек, в 1880 г. – 45 девочек, т. е. их численность возросла в 4,5 раза⁴⁸⁷. В 1888 г. приют был преобразован в женское епархиальное училище. Основа обучения осталась прежней, однако в программу были введены занятия по живописи и «шитью золотом»⁴⁸⁸.

Данные таблицы 5 показывают, что количество приютов в монастырях Вологодской губернии на рубеже веков стабилизировалось и оставалось минимальным. В 1896, 1904 и 1913 гг. по одному приюту

⁴⁸² ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 33об.

⁴⁸³ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 42–50; Д. 228. Л. 5, 5об., 15, 15об., 15а, 29.

⁴⁸⁴ Описание Вологодского Горнего Успенского женского монастыря // ВЕВ. 1855. № 10. С. 193–219.

⁴⁸⁵ Лебедев А.К. Успенский женский монастырь ... С. 69–74.

⁴⁸⁶ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 226. Л. 3.

⁴⁸⁷ Лебедев А.К. Успенский женский монастырь ... С. 70.

⁴⁸⁸ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 226. Л. 3.

существовало в мужском и женском монастырях, и накануне Первой мировой войны в них содержалось всего 18 человек.

Таблица 5

**Благотворительные учреждения в монастырях
Вологодской губернии в 1896–1913 годах**

Учреждения	Год	Число учреждений в монастырях			Человек
		мужских	женских	всего	
Приюты	1896	1	1	2	-
	1904	1	1	2	-
	1913	1	1	2	18
Церковно-приходские школы и школы грамоты	1896	5	2	7	-
	1904	4	4	8	45
	1913	1	3	4	117
Богадельни	1896	2	1	3	22
	1904	2	3	5	25
	1913	3	3	6	27
Больницы	1896	-	-	-	-
	1904	1	1	2	-
	1913	1	3	4	32
Итого	1896	8	4	12	-
	1904	8	9	17	-
	1913	6	10	16	194

Составлено по: Всеподданнейший отчет Ober-прокурора по ведомству православного исповедания за 1896, 1904, 1913 годы. СПб., 1899, 1909, 1915; Лебедев А.К. Успенский женский монастырь в г. Вологде и приписанная Николаевская Озерская пустынь. Вологда, 1899. С. 69–74; Описание Вологодского Горнего Успенского женского монастыря // ВЕВ. 1855. № 10. С. 193–219; Суворов Н.И. К истории г. Вологды: Четыре богадельни духовного ведомства, бывшие некогда в г. Вологде // ВЕВ. 1890. № 16. С. 235–239; ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1328. Л. 1об., 2; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 1, 1об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 18, 18об.; Д. 108. Л. 8; Д. 337. Л. 11; Д. 341. Л. 6об.; Д. 344. Л. 10, 11; РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 32, 32об., 33.

В конце XIX – начале XX в. в иноческих обителях открывались различные заведения с целью оказания помощи не только духовенству, но и представителям других сословий. Важной формой социального служения православных обителей в пореформенный период оставалась образовательная деятельность, осуществлявшаяся преимущественно на благотворительной основе, но под строгим контролем церковных властей.

Для «борьбы с расколом и противодействию сектантству» указом от 21 декабря 1892 г. Святейший синод рекомендовал епархиальным архиереям «содействовать увеличению» церковно-приходских школ. К обучению разрешалось допускать «сектантских детей», но требовалось излагать «только положительное учение веры без разбора, и тем паче без порицания лжеучений» и пресекать «глумление со стороны сектантских детей над предметами и обычаями православными»⁴⁸⁹. В результате этого указа в конце XIX в. при поддержке епархиальных властей в Вологодской губернии при иноческих обителях открывались новые церковно-приходские школы и школы грамоты. Например, в Кылтовском Крестовоздвиженском женском монастыре (Яренский уезд) действовала школа грамоты, направленная на получение основ церковного образования. При этом в монастыре обучались не только девочки, но и мальчики. При поддержке священника и под наблюдением настоятельницы одна из послушниц обучала неграмотных учеников «русской азбуке и первоначальным знаниям закона Божия», а грамотных – «правильному чтению русскаго и славянскаго языков»⁴⁹⁰.

Всего к началу 1890-х гг. в Вологодской епархии было открыто шесть церковно-приходских школ в мужских монастырях: в Спасо-Прилуцком (Вологодский уезд)⁴⁹¹, Спасо-Суморином (Тотемский уезд)⁴⁹², Корнильево-Комельском и Арсениево-Комельском (Грязовецкий уезд)⁴⁹³, Ульяновском Троицко-Стефановском (Усть-Сысольский уезд)⁴⁹⁴. В 1896 г. количество церковно-приходских школ и школ грамоты в мужских обителях сокращается до пяти, в 1904 г. – до четырёх, и в 1913 г. осталась одна такая школа. Иное наблюдалось в женских обителях, в которых в 1896 г. действовали две начальные школы, в 1904 г. – четыре и накануне Первой мировой войны – три школы. С другой стороны, число учащихся, вероятно, возрастало. Во всяком случае, в монастырских начальных учебных заведениях Вологодской губернии в 1904 г. обучалось 45 детей, тогда как в 1913 г. – 117, т. е. их число умножилось в 2,6 раза. Конечно, следует признать, что такое число учеников в масштабах губернии было малозначимым (см. таблицу 5).

Среди учителей церковно-приходских школ и школ грамоты Вологодской епархии были люди с разным уровнем образования. В Спасо-Суморином монастыре учителем был принят Сергей Викторович Попов, окончивший Вологодскую духовную семинарию. В Горнем Успенском,

⁴⁸⁹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 11об.

⁴⁹⁰ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 18, 18об.

⁴⁹¹ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 972. Л. 5об., 16.

⁴⁹² ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 9, 9об.

⁴⁹³ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 4; Из Корнильево-Комельского монастыря, Вологодской епархии // Церковные ведомости. Прибавления. 1889. № 45. С. 1364–1367.

⁴⁹⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 34–36.

Арсениево-Комельском, Корнильево-Комельском монастырях учительствовали Вера Александровна Журавлева, Юлия Павловна Баклановская и Елена Трутнева, окончившие Епархиальное училище⁴⁹⁵.

Особый статус получил учитель в Свято-Стефановской церковно-приходской школе в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре. В обители учитель содержался исключительно на собственные средства. Школа была открыта по инициативе Великоустюжского викария Варсанофия в 1892 г. и первоначально находилась под покровительством члена Великоустюжского духовного правления священника Полякова.

В ноябре 1892 г. школе были предоставлены широкие права самоуправления. По «указу» Великоустюжского духовного правления архимандрит Матфей был назначен почётным попечителем, а старшая братия – «его товарищами»⁴⁹⁶. Ульяновскому Троицко-Стефановскому монастырю разрешалось «избирать и учителя и законоучителя и назначить избранным вознаграждения за труды», не допуская «всякое властное вмешательство Училищного совета»⁴⁹⁷. Однако почти сразу произошло противоположное – в январе 1893 г. духовное правление отклонило кандидатуру учителя Георгия Попова, предложенную настоятелем и старшей братией монастыря. Епархиальное начальство назначило учителем инок Григория и рекомендовало «обратиться за советом об устройстве учебной части» к благочинному V округа Усть-Сысольского уезда отцу Николаю Доброумову и «не руководствоваться дешевизной» при выборе учителя⁴⁹⁸.

В данном случае, вероятно, действия Великоустюжского духовного правления оказались скорее во благо, ибо способствовали назначению более профессионального учителя. Однако с этого времени учебная работа в монастырской Свято-Стефановской школе велась под руководством благочинного⁴⁹⁹. Все попытки добиться реальной самостоятельности для школы пресекались церковными властями. Уже в 1893 г. церковно-приходская школа была поставлена под строгий контроль Усть-Сысольского отделения Вологодского училищного совета, куда представлялись ежегодные отчёты. Учебники и учебные принадлежности разрешалось заказывать только через это уездное отделение.

Расходы по содержанию школ в монастырях лишь частично брали на себя епархиальные власти, но не во всех обителях. Правда, жалование учителям в церковно-приходских школах Спасо-Суморина, Гор-

⁴⁹⁵ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 9, 9об., 10.

⁴⁹⁶ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 24об.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 35об.

⁴⁹⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 2–3.

⁴⁹⁹ Там же. Л. 4–5.

него Успенского, Корнильево-Комельского монастырей выплачивалось уездными отделениями Епархиального училищного совета⁵⁰⁰.

Напротив, упомянутая Свято-Стефановская церковно-приходская школа содержалась только на средства монастыря. По рекомендации благочинного и по согласованию с Усть-Сысольским отделением Вологодского училищного совета после инок Григория учителем был назначен Александр Стефанович Камкин⁵⁰¹. Училищный совет также предписал условия принятия на работу учителя. В соответствии с ними из собственных средств обители А.С. Камкину назначалось жалование 300 руб. в год и предоставлялась «квартира для учителя с готовым отоплением, освещением и содержанием монастырским»⁵⁰².

С 1898 г. деятельность школы в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре стало контролировать Стефано-Прокопьевское православное братство (основано в 1896 г. в Великом Устюге⁵⁰³). В докладе совета братства от 16 мая 1898 г. настоятелю монастыря рекомендовалось выделить жалование учителю Троицко-Стефановской школы А.С. Камкину, который до того времени не получал «какое-либо вознаграждение за труды»⁵⁰⁴. В результате за работу в церковно-приходской школе вместо суммы не менее 300 руб., которую рекомендовал училищный совет, монастырь начал выплачивать учителю только 180 руб. в год.

Совет братства регулировал не только учебный процесс, но и хозяйственную деятельность монастырской школы. Настоятелю и братии рекомендовалось «построить новое, хотя небольшое, здание» для школы, «кормить учащихся детей за общей трапезой, а не с чернорабочими» и «приглашать во потребных случаях фельдшера для осмотра учащихся»⁵⁰⁵.

В учебных заведениях, открытых при монастырях Вологодской губернии, обучались преимущественно сироты лиц духовного сословия⁵⁰⁶. Правда, и в этом случае Свято-Стефановская церковно-приходская школа в Ульяновском монастыре являла исключение. Учебное заведение первоначально задумывалось для обучения 20 мальчиков из бедных крестьянских семей коми-зырян, «которым нечего есть дома»⁵⁰⁷. Таким образом предполагалось решить проблему не только получения образования, но и оказания социальной помощи детям из малоимущих

⁵⁰⁰ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 9, 9об., 10.

⁵⁰¹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 381. Л. 7.

⁵⁰² ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 24.

⁵⁰³ Котов П.П., Носова Т.А. Возникновение и основные направления деятельности ... С. 151–159; Носова Т.А. Православные братства Вологодской епархии ... С. 14.

⁵⁰⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 225. Л. 22об.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 23.

⁵⁰⁶ ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 226. Л. 3; Ф. 512. Оп. 1. Д. 819. Л. 2, 3.

⁵⁰⁷ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 225. Л. 7.

семей. Однако на практике оказалось, что, кроме 15 детей бедных крестьян, на обучение были приняты 5 мальчиков из «богатых семей торгующих крестьян» из близлежащего села Усть-Кулом, несмотря на то, что там была своя школа⁵⁰⁸.

На примере школы Ульяновского Троицко-Стефановского мужского монастыря видно положение учебных заведений при православных обителях в Вологодской губернии. Монастырские школы были включены в структуру церковного образования и осуществляли свою деятельность под контролем церковных властей разных уровней. Находясь в прямом подчинении духовного правления, церковно-приходские школы при обителях выполняли предписания православных братств и училищного совета. Над учебными заведениями монастырей осуществляли контроль благочинные, которые давали «советы» и во многом определяли их деятельность.

§ 3. Создание богаделен и больниц в монастырях Вологодской епархии и активизация социального служения иноческих обителей в годы Первой мировой войны

Кроме организации сбора пожертвований, создания начальных школ и налаживания в них обучения, монастыри оказались вовлечены и в создание других социально значимых учреждений – богаделен. К 1896 г. в Вологодской епархии они были открыты в Кытловской Крестовоздвиженской женской обители, Спасо-Суморином и Ульяновском Троицко-Стефановском мужских монастырях. Вскоре богадельня появилась в Иоанно-Предтечевой женской обители, и в 1904 г. в монастырях Вологодской губернии существовали две богадельни в мужских монастырях и три – в женских, накануне Первой мировой войны – по три богадельни в мужских и женских обителях. Монастырские богадельни были рассчитаны в среднем на 25 человек каждая. На практике число призываемых в них в Вологодской губернии ограничивалось четырьмя-восемью человеками⁵⁰⁹, хотя с 1896 по 1913 г. их общая численность увеличилась с 22 до 27 человек, или на 22,7% (см. таблицу 5).

Монастырские богадельни действовали строго в рамках своих уставов и на добровольно-благотворительных началах. Зачисление в богадельни, согласно установленному порядку, осуществлялось напрямую по «указам» консисторий и на основании резолюций (согласия) архиереев. В богадельнях православных монастырей, как правило, содержались лица «престарелого возраста». В Вологодской епархии в монастырских богадельнях находились по большей части немощные «лица

⁵⁰⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 34об.

⁵⁰⁹ См.: Всеподданнейший отчет Обер-прокурора за 1911–1912 годы. СПб., 1913. С. 38–40. (2-я пар.); МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 18, 18об.

из духовного звания», чаще всего «бывшие заштатные дьяконы». Однако по решению Вологодской духовной консистории «в число призываемых в особых случаях» поступали «слабоумные» лица из духовного сословия⁵¹⁰.

Решения о принятии в монастырские богадельни, как отмечалось, принимали «епархиальные начальства». Они нередко формально относились к своим обязанностям, не всегда тщательно изучали необходимость и потребность помещения конкретных людей в богадельни. Такие факты подтверждали жалобы настоятелей обитателей на поведение призываемых.

С другой стороны, процедура зачисления в монастырские учреждения была достаточно «хлопотной» и регламентированной для больных и немощных. Во-первых, человеку, нуждавшемуся в уходе, было необходимо направить в духовное правление «начальное прошение». Во-вторых, от настоятеля обители запрашивался рапорт о том, «нет ли препятствий к принятию в богадельню или больницу просящего». При этом «получались сведения по ведомости о поведении и жизни лица», желавшего попасть в число призываемых. И только на основании всех этих документов в духовном правлении рассматривалось дело, и «принимался указ об определении в богоугодное заведение», о чём и сообщалось настоятелям монастырей⁵¹¹.

В связи с «неудовлетворенностью лицами», принятыми в Ульяновскую богадельню, открытую в Троицко-Стефановском монастыре в 1896 г., игумен высказывал епархиальному начальству пожелание принимать в богадельню лиц исключительно «с трезвым и хорошим поведением и нравственными качествами»⁵¹². «Указ» с резолюцией Вологодского архиерея последовал в монастырь незамедлительно, в нём предписывалось: «... пусть Настоятель зорко блюдет порученное ему братство монастырское от тех нравственных пороков и слабостей, которые безосновательно предполагает в будущих убогих поселниках богадельных»⁵¹³.

«Богоугодное» учреждение в Кылтовском женском монастыре являлось скорее исключением среди иноческих благотворительных заведений Вологодской епархии и редкостью в целом по стране. В отличие от других, в которых содержались «лица духовного сословия», оно было открыто специально для вдов заводских рабочих. Объяснялась эта его особенность достаточно просто – основатель Крестовоздвиженского монастыря купец Афанасий Васильевич Булычёв являлся владельцем местного Серёговского солеваренного завода и был заинтересован в

⁵¹⁰ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 12, 12об., 13, 13об.

⁵¹¹ Там же. Л. 1.

⁵¹² ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 248. Л. 8.

⁵¹³ Там же. Л. 8, 8об.

устройстве социального учреждения. Ещё до официального открытия православной обители в местечке Кылтово А. Бульчѳв в 1893 г. пожертвовал в виде кредитного билета 12 500 руб. для богадельни. Заведение было рассчитано на 10 человек с содержанием по 30 руб. на каждого ежегодно. Кроме того, впоследствии купец снабжал монастырь хлебом, солью и морской рыбой⁵¹⁴. В результате содействия А.В. Бульчѳва для призрения вдов и матерей рабочих в селе Серѳгово Яренского уезда Вологодской губернии в 1895 г. и была открыта Кылтовская богадельня⁵¹⁵.

Необычная ситуация сложилась и в Иоанно-Предтечевом женском монастыре (Великоустюгский уезд), в котором на собственные средства обители в конце XIX в. помимо богадельни была открыта больница для женщин преклонного возраста. Согласно рапорту благочинного монастырей Великоустюгского викариата игумена Павла к викарному епископу Гавриилу в социальных заведениях этой иноческой обители помощь оказывали «специально подготовленные сестры»⁵¹⁶.

Отметим, что монастырских больниц в Вологодской губернии было мало – в 1904 г. в одном мужском и одном женском монастыре. Накануне Первой мировой войны лишь в женских обителях их количество увеличилось до трёх. С другой стороны, по сути своей больницы в монастырях были таковыми лишь по названию, о чём можно судить хотя бы на основании малочисленности лечившихся в них людей. Обычно в монастырских больницах Вологодской епархии насчитывалось не более чем по 8 человек, к тому же они никогда не были переполнены⁵¹⁷. В 1913 г. на излечении в четырёх монастырских больницах Вологодской епархии и вовсе находилось всего четыре пациента (см. таблицу 5).

Благочинные контролировали благотворительные учреждения, сообщая епископу о количестве и содержании больниц, богаделен и учебных заведений при монастырях⁵¹⁸. Как свидетельствуют отчѳтные и нормативно-законодательные документы, к приезду этих чиновников готовились не меньше, чем к визиту архиереев. В связи с этим в 1898 г. в Вологодской епархии на основании резолюции епископа был принят циркулярный указ Духовной консистории от 19 июля за № 15. В нём предписывалось не трогать «церковныя деньги или Попечительския на прием выѳезжающих для ревизии и обозрения церквей Епископов и благочинных» и сообщалось о наказании за ослушание равно как «за растрату церковнаго имущества»⁵¹⁹.

⁵¹⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 10–12, 32, 32об., 33.

⁵¹⁵ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 108. Л. 6.

⁵¹⁶ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 18, 18об.

⁵¹⁷ См.: Всеподданнейший отчет Обер-прокурора за 1911–1912 годы. СПб., 1913. С. 38–40. (2-я паг.); МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 18, 18об.

⁵¹⁸ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 105. Л. 18, 18об.; Д. 187. Л. 1–24.

⁵¹⁹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 30.

В 1896 г. в мужских монастырях Вологодской епархии насчитывалось 8 благотворительных учреждений, в женских – 4. К 1904 г. ситуация переменялась: в женских обителях количество учреждений увеличилось в два раза, в мужских – осталось неизменным. Накануне Первой мировой войны количество заведений социальной направленности в мужских монастырях снизилось до 6, тогда как в женских увеличилось и достигло 10 заведений. В это же время все монастырские благотворительные учреждения Вологодской губернии посещали или находились в них 194 человека (см. таблицу 5).

Главная причина не очень приглядной ситуации с развитием заведений социальной направленности в монастырях Вологодской епархии крылась в слабой заинтересованности местных и центральных церковных властей и, как следствие, недостаточной финансовой поддержке с их стороны. В епархии так и не сложилось даже подобие системы монастырских учреждений социальной направленности.

В 1913 г. в соответствии с данными отчёта обер-прокурора Святейшего синода в 64 епархиях Российской империи при монастырях «на содержании казенном и монастырском» числилось 192 больницы, рассчитанные на 2 368 человек, и 113 богаделен на 607 человек; «на содержании частных лиц» имелось 27 больниц на 167 человек и 39 богаделен на 1 617 человек. В среднем на епархию в России приходилось по 3 больницы на 13 мест и по 2 богадельни на 35 человек. В Вологодской епархии в 1913 г. «на содержании казенном и монастырском» было 4 больницы на 32 человека и 5 богаделен (количество мест не определено). При этом больниц при монастырях в епархии «на содержании частных лиц» в этот период не было, и существовала 1 богадельня на 27 мест⁵²⁰. Приведённые данные демонстрируют, что в преддверии Первой мировой войны в Вологодской епархии незначительно превышает средние данные по империи количество больниц и богаделен, находившихся «на содержании казенном и монастырском», одна больница при монастыре могла обеспечивать лечение в 2,5 раза большего количества больных, чем в среднем по стране. С другой стороны, предусмотренных для призрения «вдов и сирот» мест в единственной богадельне в епархии было меньше, чем в среднем по Российской империи.

В годы Первой мировой войны в России получило развитие социальное служение монастырей. После начала войны синодально-епархиальные власти предпринимали попытки активизировать благотворительность обителей, применяя привычные меры, – стали строго регламентировать порядок оказания помощи фронту⁵²¹.

⁵²⁰ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора за 1913 год. СПб., 1914. С. 20–23.

⁵²¹ Рожина А.В. Благотворительная деятельность монастырей Вологодской губернии в годы Первой мировой войны // Уроки истории. Великая Отечественная и Вторая мировая войны, исторические и геополитические аспекты: сборник статей Пятой международной научно-практической

В 1914 г. Святейший синод принял решение «О подготовке помещений под госпитали для раненных и больных воинов»⁵²². Вологодская духовная консистория предписывала настоятелям монастырей незамедлительно предоставить сведения о размерах монастырских помещений, количестве кроватей и сообщить о возможности открытия в них больниц и госпиталей. В результате значительная часть монастырских социальных учреждений была сформирована в годы Первой мировой войны. Братия мужских обителей Вологодского, Грязовецкого, Тотемского уездов Вологодской губернии организовала «койки для раненных воинов». Послушницы и инокини женских монастырей работали в качестве сестёр милосердия в Вологодской общине сестёр милосердия Российского общества Красного Креста⁵²³. Это общество, возглавляемое императрицей Марией Фёдоровной, взяло на себя организацию госпиталей, подготовку санитарного персонала, распределение пожертвований в пользу раненых⁵²⁴.

В годы Первой мировой войны православные обители стали посредниками в сборе пожертвований между государством и населением. В связи с этим в 1914 г. было жёстко расписано ведение как финансовой отчётности, так и записи поступавших пожертвований в монастырские приходно-расходные книги с соответствующей нумерацией и скреплением печатью⁵²⁵. Благодаря этому можно привести конкретные факты о благотворительной деятельности монастырей.

На основании порядка пожертвований, регламентированного Синодом, монастыри отправляли средства «на нужды войны»⁵²⁶. Основные собранные суммы перераспределялись в пользу Российского общества Красного Креста, которое тратило их на излечение больных и раненых. Материалы таблицы 6 свидетельствуют о том, что в 1915 г. от монастырей Вологодской епархии «на нужды войны» было собрано 3 686,66 руб., из которых в пользу больных и раненых воинов поступило 3 242,98 руб., или 88,0% от собранных средств, на поддержку семей мобилизованных солдат – 434,84 руб., или 11,8%, и на помощь беженцам – 8,84 руб., или 0,2%.

конференции: «Уроки истории. Великая Отечественная и Вторая мировая войны, история России и мира XX–XXI веков» / 29–30 сентября 2011 г., Санкт-Петербург, Россия / под ред. А.П. Кудинова. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. С. 137.

⁵²² Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 321–343.

⁵²³ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 14.

⁵²⁴ Открытие Вологодской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста 7 апр. 1896 // ВЕВ. 1896. № 9. С. 154–158.

⁵²⁵ См.: Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 321–343.

⁵²⁶ Определения Святейшего Синода // Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 321–343.

Таблица 6

**Средства, отправленные монастырями Вологодской губернии
на нужды войны в 1915 году, руб.**

Монастыри	Семьям воинов	Больным и раненым	Беженцам
Вологодский уезд			
(1) Спасо-Прилуцкий, муж.	0,0	75,00	0,0
(2) Свято-Духов, муж.	150,00	365,00	0,0
(4) Сямский Богородицкий, муж.	0,0	82,50	0,0
(5) Горне-Успенский, жен.	20,31	11,71	0,0
Грязовецкий уезд			
(6) Арсениево-Комельский, жен.	2,70	6,10	0,0
(7) Корнильево-Комельский, муж.	9,44	12,36	0,0
(8) Павло-Обнорский, муж.	18,50	21,50	0,0
Тотемский уезд			
(11) Спасо-Суморин, муж.	94,25	145,13	0,0
Великоустюгский уезд			
(12) Михайло-Архангельский, муж.	23,00	22,0	0,0
(13) Троицко-Гледенский, жен.	80,00	0,0	0,0
(15) Николаево-Прилуцкий, муж.	0,0	13,54	0,0
Сольвычегодский уезд			
(18) Николо-Коряжемский, муж.	34,64	214,49	5,84
Усть-Сысольский уезд			
(19) Ульяновский, муж.	2,00	2 273,65	3,00
Итого по губернии	434,84	3 242,98	8,84

Примечания: 1. Номера монастырей (1–19) в таблице соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме; 2. Отсутствуют данные по монастырям в Кадниковском и Яренском уездах; 3. По Спасо-Прилуцкому, Свято-Духову и Сямскому монастырям данные приведены за 1914 г. в связи с их отсутствием в источниках за 1915 г.

Составлено по: ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1228. Л. 2; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 36; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 154. Л. 26об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 336. Л. 8; Д. 341. Л. 6об.; Д. 342. Л. 4; Д. 343. Л. 37, 40; Д. 344. Л. 14.

Среди всех обитателей Вологодской губернии с сугубо положительной стороны проявил себя Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь, который в 1915 г. «на нужды войны» пожертвовал 2 278,65 руб., или 61,8% от всех монастырских сборов по Вологодской губернии. Ещё более значительной оказалась доля упомянутого монастыря по статье в пользу больных и раненых. В 1915 г. по этой статье монастырь выделил

2 273,65 руб., или 70,1% от денежной суммы, собранной по всем остальным обителям губернии (таблица 6).

В основном денежные пожертвования обителей Вологодской губернии были невелики, что объяснялось отсутствием средств в монастырях и недостаточностью их у населения. Однако наряду с Ульяновской обителью довольно крупные суммы в 1915 г. были собраны в Спасо-Каменном Духовом монастыре. В нём на помощь семьям мобилизованных воинов собрали 150 руб. и в пользу больных и раненых солдат – 365 руб., что составило соответственно 34,5% и 11,3% от выделенных средств по статьям в целом по монастырям в губернии (таблица 6).

Сбор средств на «нужды войны» в монастырях Вологодской епархии не прекращался до конца 1917 г. По данным ежемесячных ведомостей учёта, обобщённых в таблице 7, в 1916 г. в Иоанно-Предтеченской женской обители для Общества Красного Креста (на поддержку больных и раненых воинов) было собрано и отправлено 75 руб. 90 коп., в 1917 г. – 94 руб. 45 коп. Мужские монастыри Вологодской епархии также продолжали оказывать существенную денежную помощь Обществу Красного Креста⁵²⁷.

Таблица 7

Сборы пожертвований в Иоанно-Предтеченском женском монастыре Великоустюгского уезда для Общества Красного Креста в 1916–1917 годах, руб.

1916 год				1917 год			
Месяц	руб.	Месяц	руб.	Месяц	руб.	Месяц	руб.
Январь	7,00	Июль	5,55	Январь	6,30	Июль	8,00
Февраль	6,00	Август	6,00	Февраль	6,20	Август	6,35
Март	6,00	Сентябрь	4,40	Март	6,70	Сентябрь	7,40
Апрель	7,00	Октябрь	3,00	Апрель	9,00	Октябрь	5,00
Май	9,60	Ноябрь	5,10	Май	10,50	Ноябрь	7,00
Июнь	9,00	Декабрь	7,00	Июнь	12,00	Декабрь	10,00
Итого		85,25 руб.		Итого		94,45 руб.	

Составлено по: МКАУ ВУЦА. Ф. 435. Оп. 1. Д. 496. Л. 1–20.

Эффективный сбор пожертвований от паломников и братии на нужды воинов и их семей продолжался в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре. В первое полугодие 1917 г. в пользу Российского общества Красного Креста из этой обители было отправлено 923 руб. 90 коп. благотворительных средств, из них 903 руб. предназна-

⁵²⁷ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 374. Л. 13; Д. 379. Л. 24; Д. 382. Л. 25, 25об.; Д. 381. Л. 39–44 и др.

чались на госпитали и лазареты. Кроме того, Ульяновский монастырь жертвовал «на раненных и больных воинов», «в пользу семей лиц взятых на войну», «на предоставление детям увеченных и павших воинов профессионального образования»⁵²⁸.

На основании Постановления Синода «По организации помощи семьям лиц, призванных в войска, и прибывающим с поля сражения больным и раненым воинам» иноческие обители организовывали дополнительные сборы пожертвований своими силами. В ходе исполнения принятого постановления Синода монастырями Вологодской губернии было «приготовлено белье» для лазаретов и собраны денежные средства⁵²⁹.

Таким образом, благотворительная деятельность монастырей Вологодской губернии получила развитие в 90-х гг. XIX в., и в ряде случаев социальная помощь стала оказываться не только людям духовного звания. Инициатива об открытии монастырских благотворительных заведений, как правило, поступала от епархиальных властей. При этом средств на их содержание выделялось недостаточно. Поэтому большинство богаделен, школ и больниц были вынуждены существовать за счёт ресурсов и денежных средств самих обителей. Недостаток финансирования привёл к тому, что к 1913 г. в монастырях Вологодской губернии осталось всего пять церковно-приходских школ.

В годы Первой мировой войны помощь монастырей направлялась на решение конкретных, практических задач, поставленных правительством. Распоряжения о дополнительных сборах пожертвований в военное время исходили от Святейшего синода, и социальное служение монастырей реализовывалось под строгим контролем синодальных и епархиальных властей.

Значительную финансовую помощь монастыри Вологодской епархии оказывали Обществу Красного Креста, направляя в военное время значимые благотворительные средства для содержания госпиталей, на помощь раненым солдатам и семьям погибших воинов. В период войны наблюдалось увеличение благотворительных пожертвований, собранных монастырями Вологодской епархии.

§ 4. Реализация социально-исправительных функций обителями Вологодской епархии во второй половине XIX – начале XX века

Одним из важных направлений социального служения иноческих обителей было осуществление социально-исправительных функций, различные стороны которых нашли отражение в исследованиях⁵³⁰, в

⁵²⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 381. Л. 4, 4об., 8, 8об., 18, 18об., 26–29, 35, 35об., 39–44.

⁵²⁹ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 14об.

⁵³⁰ Максимов С.В. Год на Севере ... С. 24–25; Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы ... С. 11–16; Он

том числе и по Вологодской губернии⁵³¹. Однако введение в научный оборот новых документов, отложившихся в архивных фондах⁵³², позволяет расширить базу исследования и рассмотреть в новом аспекте некоторые проблемы социально-исправительной деятельности обитателей Вологодской епархии. Анализ делопроизводственных документов монастырей в комплексе с нормативно-распорядительными актами даёт возможность выявить степень влияния государственно-церковных властей на социально-исправительную сферу деятельности иноческих обитателей. При этом отчётные ведомости и указы Духовной консистории позволяют рассматривать как «популярные» места для отбывания «церковного наказания» не только монастыри губернского г. Вологды, но и отдалённые иноческие обители Вологодской епархии.

Социально-исправительные функции обитателей реализовывались через так называемое монастырское исправление или монастырское наказание. Основной формой такого наказания являлось наложение эпитимии («эпитимии», «эпитимьи»), которая предусматривала «отправление духовного или светского лица» в отдалённую обитель на определённый срок⁵³³. В указах духовных властей о наказании обычно сообщалось о цели и форме монастырского наказания: «для усмотрения и исправления», «на исправительное наказание», «на смирение», «на послушание», «на церковное покаяние» или «на черные работы»⁵³⁴.

Отправление в монастырь на «черные работы» («в монастырские труды») было сопряжено с возложением на ссыльного обязанности выполнения физической работы под строгим надзором. Спектр таких работ был весьма значителен и подразумевал все виды хозяйственной деятельности, например, уборку территории, выпечку хлеба или сельскохозяйственные работы в поле. Избрание вида трудовой деятельности не только определялось практической целесообразностью, но и зависело от вины ссыльного. За более серьёзные проступки назначались более тяжёлые работы⁵³⁵.

Наиболее строгие меры наказания предусматривали нахождение в иноческих обителях «на увещании» и «под началом». В монастырях

же. В казематах. Очерки ... С. 13–14; Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка ... и др.

⁵³¹ Камкин А.В. Православная церковь ... С. 35–48; Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей ...; Рожина А.В. Пенитенциарная практика монастырей ... С. 116–122.

⁵³² ГАВО. Ф. 511: Горно-Успенский женский монастырь, г. Вологда Вологодской губернии; Ф. 512: Павло-Обнорский Троицкий мужской монастырь, Грязовецкий уезд Вологодской губернии; Ф. 1041: Свято-Духов мужской монастырь, г. Вологда Вологодской губернии; ГУ РК «НА РК». Ф. 232: Троицко-Стефановский Ульяновский монастырь; МКАУ ВУЦА. Ф. 364: Великоустюжское духовное правление; Ф. 32: Канцелярия Велико-Великоустюжского епископа.

⁵³³ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 307. Л. 9–10, 15 и др.

⁵³⁴ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 394. Л. 2, 52–53; Д. 411. Л. 1–10б.; 21; Д. 551. Л. 8; Ф. 520. Оп. 1. Д. 150. Л. 27; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 42. Л. 139; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 125об.; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 228. Л. 57 и др.

⁵³⁵ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 13; МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1544. Л. 11.

Вологодской епархии «на увещевании» находились раскольники. Их, как правило, отправляли на несколько лет в Вологодские монастыри – Свято-Духов или Спасо-Прилуцкий⁵³⁶. Сослать «под начало» фактически означало определить провинившегося человека под особый надзор кого-либо из числа братии монастыря⁵³⁷. Не случайно в ряде исследований северные обители рассматривались как тюрьмы, а монастырская ссылка – в качестве формы внесудебной расправы, осуществляемой государственной властью над «государственными преступниками»⁵³⁸.

А.Р. Павлушков считает, что и во второй половине XIX в. северные монастыри не использовались как место «религиозно-исправительного наказания» светских лиц. По его мнению, последний случай пребывания на епитимии трёх гражданских лиц отмечен в 1850 г. по Вологодскому Свято-Духову монастырю⁵³⁹. На наш взгляд, эта точка зрения ошибочна или, как минимум, нуждается в серьёзной коррекции. Во всяком случае, выявленные в архивах источники содержат сведения об использовании во второй половине XIX – начале XX в. обителей Вологодской епархии для наказания не только провинившихся представителей духовенства, но и людей из других сословий⁵⁴⁰. В монастырях на «церковном покаянии» пребывали священники, крестьяне, купцы, военные, мещане и дворяне. В Спасо-Прилуцком монастыре наказание несли преимущественно раскольники «за отступление от православной веры»⁵⁴¹. В Вологодский Горный Успенский женский монастырь практиковалась ссылка женщин за прелюбодеяние⁵⁴².

С другой стороны, следует признать, что во второй половине XIX – начале XX в. монастыри Вологодской епархии принимали для выполнения «церковного наказания» преимущественно представителей «белого» духовенства. Вместе с тем фиксировались и случаи отбывания на епитимии настоятелей монастырей за «упущения по службе» (несоответствующее управление монастырём. – П.К., А.Р.). Так, в 1851 г. указом консистории за «непорядочное поведение» был отстранён от должности и направлен в Вологодский Спасо-Прилуцкий мужской двухклассный монастырь «на исправление» игумен Сольвычегодского Николаево-Коряжемского монастыря⁵⁴³.

⁵³⁶ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 654. Л. 5об., 6; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Д. 21. Л. 338, 429; Д. 107. Л. 107, 249, 534.

⁵³⁷ ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 3об.

⁵³⁸ Максимов С.В. Год на Севере ... С. 140–150; Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы ... С. 11–16; Он же. В казематах. Очерки ... С. 13–14.

⁵³⁹ Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей ... С. 122.

⁵⁴⁰ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 135. Л. 6–8об.; Ф. 512. Оп. 1. Д. 307. Л. 9–10, 15; МКАУ ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 3063. Л. 57; ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 220. Л. 16, 25 и др.

⁵⁴¹ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 556. Л. 1–2; Д. 551. Л. 8; Д. 516. Л. 18–19, 40–40об. и др.

⁵⁴² См., например: ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 50. Л. 70–73; Д. 189. Л. 1–4.

⁵⁴³ Николаевский Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1901. С. 11–29.

С 1861 г. в качестве места «монастырской ссылки» в Вологодской губернии стали использовать и Ульяновский Троицко-Стефановский мужской монастырь, который, напомним, располагался в отдалённой северо-восточной оконечности губернии, в Усть-Сысольском уезде⁵⁴⁴. Вначале обитель использовалась преимущественно для «исправления» священнослужителей (священников) и церковнослужителей (дьяконов, причетников и псаломщиков). Так, согласно данным таблицы 8, в 1861–1862 гг. в монастыре отбывали наказание два священника и три церковнослужителя. Из них один священник и два церковнослужителя «за причинение тяжкой обиды прихожанам» находились на «месячной епитимии». За «несоответствующее сану поведение» более строгое наказание – три месяца «в черных трудах» – понесли оставшиеся двое служителей церкви⁵⁴⁵.

Таблица 8

«Монастырская ссылка» в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре в 1860–1917 годах, чел.

Категория лиц, отбывавших «церковное наказание» в монастыре	Годы					Всего
	1861–1862	1882–1889	1890–1899	1900–1909	1910–1917	
Лица духовного ведомства						
Священнослужители	2	0	3	1	1	7
Церковнослужители	3	1	12	1	4	21
Монашествующие	0	0	0	0	1	1
Итого	5	1	15	2	6	29
Лица гражданского ведомства						
Крестьяне (из них несовершеннолетние)	0	1	5 (3)	5 (2)	0	11 (3)
Мещане (из них несовершеннолетние)	0	0	1 (1)	0	0	1 (1)
Итого	0	1	6 (4)	5 (2)	0	12 (6)
Лица обоих ведомств						
Итого	5	2	21 (4)	7 (2)	6	41 (6)

Примечания: 1. В графе «Церковнослужители» приведены сведения о дьяконах, причетниках и псаломщиках; 2. В скобках приведены данные о численности несовершеннолетних, находившихся в «монастырской ссылке».

Составлено по: ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 22. Л. 53, 53об.; Д. 25. Л. 20, 20об., 29, 31, 31об.; Д. 131. Л. 60–67; Д. 165. Л. 18; Д. 203. Л. 26; Д. 208. Л. 1–4; Д. 211. Л. 23, 23а, 32, 48–49; Д. 220. Л. 13, 16, 25; Д. 228. Л. 35, 36, 38, 38об., 57, 58, 59, 62в; Д. 278. Л. 6; Д. 301. Л. 23; Д. 314. Л. 31–32; Д. 337. Л. 1, 1об., 2; Д. 347. Л. 28–30; Д. 348. Л. 39; Д. 371. Л. 50, 50об.

⁵⁴⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 22. Л. 53, 53об.

⁵⁴⁵ Там же; Д. 25. Л. 20, 20об., 29, 31, 31об.

В работе А.Р. Павлушкова утверждается, что после 1866 г. ссылка правонарушителей в Троицко-Стефановский монастырь прекратилась⁵⁴⁶. На протяжении последующих почти 20 лет, действительно, не выявлены данные о пребывании в этой обители людей «на церковном наказании». Однако с 1882 г. она вновь начинает использоваться для «монастырской ссылки», причём не только для священников, дьяконов, причетников и псаломщиков, но и для «духовного исправления» крестьян и даже мещан⁵⁴⁷.

Материалы таблицы 8 показывают, что в 1882–1889 гг. в Ульяновском Троицко-Стефановском мужском монастыре находились «на церковном наказании» один церковнослужитель и один крестьянин. Затем пенитенциарная практика в обители заметно активизировалась, и в 1890–1899 гг. она приняла на исправление 21 человека, среди которых было 3 священника, или 14,2% от числа сосланных, 12 церковнослужителей, или 57,1% сосланных, 5 крестьян, или 23,8% сосланных, и 1 мещанин, или 4,8% от всех отбывавших наказание. Тем самым на людей духовного звания приходилось большинство отбывавших «монастырскую ссылку» в обители, но и «лица гражданского ведомства» составляли немалую часть от числа наказанных. Далее число людей «на церковном наказании» в Троицко-Стефановском монастыре сократилось в три раза, а по сословной структуре ситуация изменилась с точностью до наоборот: в 1900–1909 гг. в обители находилось на исправлении 5 крестьян и только 1 священник и 1 церковнослужитель. По истечении первого десятилетия XX в. положение вновь кардинально изменилось – в обитель на исправление стали высылать только представителей духовенства, в том числе из монастырей. В 1910–1917 гг. в Ульяновской обители в «монастырской ссылке» находились священник, 4 церковнослужителя и 1 монашествующий (таблица 8).

С конца 1880-х гг. представители духовенства отбывали «церковное наказание», как правило, «за нетрезвость и неблагочинное служение». В «Уставе Духовных Консисторий» такие правонарушения не фиксировались. Однако в этих случаях монастырское наказание назначалось в соответствии с положением о лицах духовного звания, которые оказывали неуважение «к дому Божию неприличными словами или действием»⁵⁴⁸.

После совершения проступков священники и церковнослужители подвергались заключению на основании резолюций епископов. За экономические преступления духовенства распоряжение о «церковном наказании» выносил Святейший синод. Срок отбывания в «монастыр-

⁵⁴⁶ Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей ... С. 122.

⁵⁴⁷ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 131. Л. 60–67.

⁵⁴⁸ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

ской ссылке» зависел от вида преступления (правонарушения), тяжести вины и составлял, как правило, от недели до 6 месяцев.

В 1899 г. после рассмотрения дела «за растрату сиротских сумм» в Синоде священник Великоустюгского уезда Евлакипай Заварин был отправлен на 6-месячную епитимию в Михайло-Архангельский мужской монастырь 2-го класса⁵⁴⁹. Особо выделяется среди других случаев по делу псаломщика Христорожественской церкви Аполлона Голубева. По «указам» Вологодской духовной консистории (от 18 декабря 1889 г.) и Великоустюгского духовного правления (от 15 февраля 1890 г.) он был определён в Михайло-Архангельский монастырь «за оскорбление в церкви перед приведением к присяге»⁵⁵⁰, что рассматривалось не только как проявление неуважения к церемонии, но и как своеобразное выступление против государственной власти.

С 1890 г. происходит усиление контроля над лицами, находящимися в «монастырской ссылке». По «указу» Вологодской духовной консистории от 11 декабря 1890 г. за № 14 настоятелям монастырей было предписано, чтобы они представляли в конце каждого года ведомость о лицах, содержащихся на «епитимии с обозначением времени их поступления и выбытия», и их «поведения»⁵⁵¹.

Известны случаи пребывания на епитимии священников, дьяконов, псаломщиков и причетников в Спасо-Прилуцком и Сольвычегодском Введенском монастырях⁵⁵². Социально-исправительную функцию в Вологодской губернии реализовывали также другие монастыри: Свято-Духов, Дионисиево-Прилуцкий, Павло-Обнорский, Спасо-Суморин, Николаево-Прилуцкий и Введенский⁵⁵³.

В архивных источниках выявлен факт неподобающего поведения и внутри монастырской общины Ульяновской Троицко-Стефановской обители. По делу «о разных беспорядках», рассмотренному в Вологодском духовном правлении и консистории в 1898 г., выяснилось, что «три года тому назад» иеромонах Александр «нанес оскорбление действием иеродиакону Аркадию ударив рукою по лицу во время богослужения»⁵⁵⁴. Возможно, этот факт остался бы без последствий, но о нём доложил один из свидетелей этого поступка. Его перевели из Ульяновского в восстановленный Николаево-Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда, и здесь он «не замедлил сообщить об этом» правонарушении благочинному. В результате иеромонаху Александру

⁵⁴⁹ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 126.

⁵⁵⁰ Там же. 125об.

⁵⁵¹ Там же. Л. 124, 124об.

⁵⁵² ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 883. Л. 2. 3об., 4; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 63.

⁵⁵³ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13об.

⁵⁵⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 10–11об.

была «предписана епитимия сроком на один месяц», которая вскоре была заменена взысканием штрафа в размере 8 руб. в пользу епархиального попечительства «в виду необходимости в нем при наступлении монастырских полевых работ»⁵⁵⁵. Этот случай из церковного судопроизводства конца XIX в. демонстрирует появление новой формы наказания для лиц из духовенства – в виде штрафа.

Отдельного рассмотрения требовали дела о гражданских лицах, совершивших церковные проступки или преступления. «Уставом Духовных Консисторий» (1841) регламентировалось, что «церковное покаяние» на гражданских людей должно налагаться епархиальным начальством или по приговорам светских присутственных мест. При этом «на основании церковных правил» определялись сроки и «образ прохождения покаяния, по роду поступков и преступлений»⁵⁵⁶. Как отмечалось, в течение ряда лет для «монастырской ссылки» светских лиц власти Вологодской губернии довольно активно использовали Ульяновский Троицко-Стефановский мужской монастырь (см. таблицу 8).

Многие из крестьян, попадавших «на исправление» в монастыри Вологодской епархии в конце XIX столетия, были несовершеннолетними. Они отбывали наказание по резолюциям Вологодского окружного суда за кражи или поджоги. В 1892 г. на двухмесячное заключение «за кражу со взломом» в Ульяновский монастырь был отправлен «крестьянский сын» Сильвестр Таскаев, в 1894 г. за аналогичное преступление 40-дневное заключение отбыл 14-летний Николай Морохин⁵⁵⁷. На содержание в обители несовершеннолетних дополнительно отпускались так называемые кормовые деньги⁵⁵⁸.

Проблема распределения в монастыри крестьянских детей, совершивших правонарушения, была рассмотрена в Вологодской духовной консистории и Вологодском окружном суде в 1897–1898 гг. Настоятелям и настоятельницам рекомендовалось не отказывать в приеме несовершеннолетних, направляемых в обители по решению суда. По резолюции архиерея Вологодской и Тотемской епархии наиболее удобными для «помещения» несовершеннолетних преступников являлись пять мужских монастырей. В Дионисиево-Глушицкий монастырь направляли несовершеннолетних крестьян, совершивших преступления в Вологодском и Кадниковском уездах, в Павло-Обнорский – детей из Грязовецкого уезда и прилегавшей к нему части Тотемского уезда, в Спасо-Суморин – из Вельского и Тотемского уездов, в Николаево-При-

⁵⁵⁵ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 24, 25, 25об.

⁵⁵⁶ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

⁵⁵⁷ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 211. Л. 48–49; Д. 228. Л. 38, 38об.

⁵⁵⁸ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 228. Л. 38.

луцкий – из Великоустюгского уезда и в Троицко-Стефановский – из Усть-Сысольского и Яренского уездов⁵⁵⁹.

В 1890–1899 гг. «церковному наказанию» в Ульяновском Троицко-Стефановском монастыре подвергались трое крестьянских юношей и один юноша из мещан, и они составляли почти пятую часть от всех высланных в обитель. В 1900–1909 гг. доля таких несовершеннолетних выросла до 28,6% от всех находившихся в «монастырской ссылке» по обители, правда все они являлись юношами из крестьян (см. таблицу 8).

«Духовное исправление» крестьянских детей, совершивших кражи или поджоги, выполнял также Горний Успенский женский монастырь. Эта обитель в Вологодской губернии использовалась в качестве места «заключения до производства следствия»⁵⁶⁰, т. е. являлась подобием нынешнего изолятора временного содержания.

Нельзя согласиться с А.Р. Павлушковым, считавшим, что в начале XX в. прекратилось использование монастырей Вологодской епархии в качестве мест «церковного наказания»⁵⁶¹. Следует говорить лишь о том, что в 1900–1914 гг. происходило сокращение численности лиц, отправленных на «церковное наказание» в иноческие обители, но не о полном прекращении реализации монастырями пенитенциарной практики⁵⁶². Во всяком случае, монастыри Вологодской губернии на «духовное исправление» принимали минимум одного-двух человек в год.

В середине первого десятилетия XX столетия в России разрабатывались изменения при назначении и отправлении «монастырской ссылки». В частности, по Высочайшему указу от 17 апреля 1905 г. вводился запрет на высылку раскольников и сектантов в монастыри для «исправления»⁵⁶³. В результате после 1905 г. монастыри Вологодской епархии использовались главным образом для «исправления» «синодального» духовенства, а также в качестве места «заключения до производства следствия» и отбывания наказания крестьянских детей, совершивших правонарушения. Социально-исправительную функцию в Вологодской епархии продолжали выполнять Дионисиево-Глушицкий, Ульяновский Троицко-Стефановский, Свято-Духов, Спасо-Суморин, Сямский Богородице-Рождественский, Николаево-Прилуцкий и другие отдельные мужские монастыри. Продолжала исполнять исправительную функцию и Вологодская Горне-Успенская женская обитель⁵⁶⁴.

⁵⁵⁹ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 255. Л. 7–8об.

⁵⁶⁰ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13об.

⁵⁶¹ Павлушков А.Р. Пенитенциарная практика северных монастырей ... С. 29–208.

⁵⁶² См., например, таблицу 8.

⁵⁶³ Апреля 17 [1905 года]. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров (Собр. Узак. 1905 г. Апреля 17, ст. 526). – Об укреплении начал веротерпимости // ПСЗРИ-3. Т. XXV. Собрание 1. № 26126. С. 258–262.

⁵⁶⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 348. Л. 38; ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 3об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 337. Л. 46.

Срок отбывания «монастырской ссылки» постепенно стал ограничиваться – как правило, двумя неделями. Конечно, наблюдались и отклонения от этой негласной нормы, в единичных случаях кардинальные. Так, в 1913 г. в Троицко-Стефановский Ульяновский мужской монастырь был «бессрочно» определён «на эпитимию безместный» священник Андрей Попов. Он отбывал наказание по «указу Великоустюжского Духовного правления» «за неблагоповедение» (поведение, не соответствующее священному сану. – П.К., А.Р.)⁵⁶⁵.

После начала Первой мировой войны пенитенциарная практика монастырей Вологодской губернии продолжалась. Например, в течение 1914 г. только «на эпитимии» в обителях губернии находилось 9 человек: 7 – из духовенства и 2 – из крестьянства⁵⁶⁶. В ведомости Ульяновского монастыря за 1915 г. зафиксирован редкий случай отбывания «на эпитимии» церковнослужителя «за совершение двух браков несовершеннолетних женихов». За это преступление по «Уставу Духовных Консисторий» предусматривалось «отправление в монастырь на половину срока, недостававшего до совершеннолетия» лиц, вступивших в брак⁵⁶⁷. После соответствующих подсчётов за венчание несовершеннолетних псаломщик Локчимской Богородицкой церкви Усть-Сысольского уезда Виталий Попов был выслан в Троицко-Стефановскую обитель на три месяца⁵⁶⁸.

Таким образом, социальное служение монастырей в конце XVIII – начале XX в. было подчинено реализации общегосударственных целей. Церковные власти оказывали прямое влияние на реализацию монастырями благотворительной, а также социально-исправительной деятельности.

В ведении органа епархиального управления находился суд, которому подлежали духовные лица, а также светские «по делам бракоразводным и по проступкам, повлекшим наложение церковной эпитимьи в монастырях». Отправление в «монастырскую ссылку» в обители Вологодской епархии по решениям властей разных уровней продолжалось до конца 1917 г.

Развитие монастырской благотворительности в Вологодской губернии связано с оказанием церковной поддержки этого направления деятельности во второй половине XIX – начале XX в. Пик активности благотворительности обителей оказался связан с периодом Первой мировой войны. Монастыри региона осуществляли помощь фронту, главным образом денежными средствами через Общество Красного Креста. Од-

⁵⁶⁵ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 337. Л. 46.

⁵⁶⁶ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 13об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 337. Л. 46.

⁵⁶⁷ ПСЗРИ-2. Т. XVI. Отделение 1. № 14409. С. 221–263.

⁵⁶⁸ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 337. Л. 46.

нако монастырское призрение в Вологодской епархии не реализовало в полной мере своего потенциала и не получило широкого развития, а лечебные заведения в связи с удалённостью от центра империи и мест военных действий практически пустовали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В России в конце XVIII – начале XX в. расширялась законодательная база, регламентировавшая отношения монастырей и церковных властей по основным направлениям деятельности. Для эффективного управления обителями и подчинения их деятельности реализации конкретных задач были выработаны основные механизмы управления и контроля.

Сложившаяся система взаимоотношений монастырей и синодально-епархиальных властей определяла возможность непрямого взаимодействия иноческих обителей с органами государственного управления, посредником которого выступали структуры церковной власти. Монастыри вошли в структуру государственной церкви и функционировали в соответствии с предписаниями синодально-епархиальных органов управления.

Вертикаль церковной власти, сложившаяся в конце XVIII – начале XX в., выглядела следующим образом. Во главе Русской православной церкви находился император, управлял духовным ведомством Святейший правительствующий синод, который с 1906 г. оказался в орбите постановлений Государственной думы и Государственного совета.

На местах руководство монастырями осуществлялось подведомственными Синоду учреждениями: в епархиях – архиереями и духовными консисториями, в викариатствах – викариями (викарными епископами), на уровне уездов – духовными правлениями. Прямой надзор за деятельностью православных обителей осуществлялся через монастырских благочинных. При этом настоятель, как глава иноческой общины, с одной стороны, представлял непосредственную власть в монастыре, с другой – являлся основным подотчётным лицом.

Количество монастырей в Вологодской губернии в течение XIX в. увеличивалось за счёт строительства новых и восстановления нескольких обителей в качестве приписных. Среди штатных иноческих обителей в Вологодской губернии не было монастырей 1-го класса, и в ней бытовали 2 монастыря 2-го класса и 11 обителей 3-го класса. Кроме них в губернии сложились 2 общежительных монастыря, 9 заштатных и 6 приписных обителей. С течением времени некоторые из них меняли свой вид и степень самостоятельности. Своеобразие структуры иноческих обителей Вологодской епархии заключалось в довольно высокой доле штатных монастырей.

С другой стороны, к 1914 г. в Вологодской губернии только 59% обителей перешло на общежительный устав, тогда как в целом по России – около 70% монастырей. Третья региональная особенность развития монастырских обителей в епархии была связана с процессами «фемин-

низации монашества». В Российской империи начало увеличения численности женского иночества наблюдалось уже с 1860-х гг. В Вологодской губернии процессы феминизации обителей протекали медленнее и получили развитие только к началу XX в., обусловив преобразование Арсениево-Комельского, Троицко-Гледенского и Знаменно-Филипповского мужских монастырей в женские.

Одной из ключевых проблем, стоявших перед синодальными и епархиальными властями вплоть до начала XX в., являлось несоответствие состава братии численности, регулируемой штатными ведомостями. Для её решения на локальном уровне епархиальным властям были делегированы значительные полномочия по вопросам о принятии в монашество, назначении настоятелей, перемещении иноков из одного монастыря в другой. Учёт и определение количества монахов и послушников, запрет их перемещения оказались неэффективными и не приводили к равномерному распределению братии по монастырям и их должной наполняемости иноками.

В 1860–1870-х гг. начался процесс изменения состава иночества в целом по стране. В центральной России в монастыри стали поступать представители дворянства и купечества. В Вологодской губернии пополнение братии монастырей происходило преимущественно за счёт выходцев из крестьян. В Кылтовском Крестовоздвиженском монастыре в 1908 г. из 110 обитавших в обители 106 были родом из крестьян.

Изменения в составе братии монастырей Вологодской губернии оказались связаны, с одной стороны, с последствиями реформ Александра II, с другой – с особенностями региона. Эти особенности заключались в слабом развитии земледелия в зоне Нечерноземья и сопряжённых с условиями Севера, отдалённостью монастырей Вологодской епархии от промышленных центров России. Однако в монастырях добивались достаточно стабильных доходов, обеспечивались гарантии пропитания и неплохое благосостояние братии, что обусловило приток крестьян в обители.

В Вологодской губернии в значительно большей степени, чем в целом по России, отмечались проявления «увядания» мужского монашества: по возрасту иноки были значительно моложе монахинь и послушниц в женских обителях.

Влияние церковных властей на деятельность монастырей наиболее сильно проявилось в аспекте социального служения и проверки финансовой деятельности. Экономическое развитие было важной составляющей жизни монастырей. В конце XVIII – начале XX в. со стороны епархиальных властей была установлена строгая система контроля за финансово-экономической деятельностью иноческих обителей. В конце XVIII в. монастыри находились в прямой зависимости от содержа-

ния по штатам. Однако государственные оклады не обеспечивали потребности монастырей, что приводило к поиску дополнительных денежных средств, получивших название «неокладных доходов».

В 30–50-х гг. XIX в. выстроилась системная вертикаль церковной власти на епархиальном уровне, которая обеспечила усиление влияния духовных консисторий. В этот период сформировалась чёткая система контроля за расходованием как окладных, так и неокладных средств в обителях. Усилились регламентация и регулярное проведение ревизий, вводился, по сути, прямой надзор за расходами, и оформилась строгая система отчётности.

В ходе регулярных проверок финансовой документации с середины XIX в. деятельность настоятелей была поставлена под непосредственный контроль благочинных. Власть этих чиновников усиливалась за счёт расширения церковных контрольно-распорядительных функций на местах. Являясь важным звеном в системе церковных властей, благочинные монастырей, по сути, становились «прямыми помощниками епископов». Они наделялись правом давать надлежащие советы, наставления и увещания настоятелям, доносили архиерею и викарному епископу о недостатках и всяких «чрезвычайных случаях» в монастырях.

Уровень доходов монастырей Вологодской губернии в конце XIX – начале XX в. был значительным. Средний душевой доход в самой бедной пустыни Вологодской епархии почти в два раза превышал доход на человека в среднем по России. С другой стороны, средняя зарплата рабочего по стране была сопоставима с уровнем дохода на одного человека в монастырях изучаемого региона.

Хорошая материальная обеспеченность монастырей Вологодской епархии достигалась прежде всего за счёт неокладных доходов. В конце XIX – начале XX в. оклады в среднем по всем монастырям епархии составляли всего одну двадцать пятую часть от их общих доходов, тогда как неокладные доходы приносили: проценты с вкладов – 39%, пожертвования – 24%, церковные деньги (от продажи икон, свечей и церковных треб, подношения и др.) – 22%, «арендные деньги» – около 7% и доходы от хозяйственной деятельности сравнивались с государственными средствами и достигали 4% всех доходов.

Основная часть расходов монастырей Вологодской губернии приходилась на хозяйственные нужды (до 41%) и продукты питания (до 28%). Немалую долю составляли церковные расходы (15%), благотворительность (7%), страхование имущества (6%), выписка журналов и книг (3%).

Являясь частью государственной церкви, в сфере социального служения православные обители всецело подчинялись реализации целей, поставленных правительством. Монастыри Вологодской губернии так-

же выступали важным звеном в осуществлении социальной помощи в ходе благотворительной деятельности и проведения пенитенциарной практики.

В конце XVIII – начале XIX в. церковные власти были заинтересованы в монастырских благотворительных заведениях и организации помощи преимущественно духовенству. Богадельня и учебное заведение для выходцев из духовного сословия существовала с 80-х гг. XVIII в. в Горнем Успенском монастыре в г. Вологде.

Поддержка монастырской благотворительности привела в конце XIX в. к развитию иноческого социального служения в Вологодской губернии. Административное управление благотворительной деятельностью монастырей осуществлялось епархиальным начальством. На основании указов консистории, принимаемых по резолюции архиерея, пополнялись богадельни и больницы, назначались учителя в церковно-приходские школы и школы грамотности. На рубеже XIX–XX столетий на работу учебных заведений в иноческих обителях оказывали влияние православные братства.

В Вологодской епархии выявлялись отдельные уникальные случаи создания благотворительных заведений не по воле «сверху», а по частной инициативе. Таковым явилось открытие в Кылтовской обители богадельни для призрения вдов и матерей заводских рабочих, которая была создана на средства купца А.В. Булычёва и продемонстрировала расширение сословных границ православного социального служения.

Важным элементом монастырской благотворительности был сбор добровольных пожертвований, также поставленный под контроль церковных властей. На основании указов Синода епархиальные учреждения регламентировали кружечные и тарелочные сборы в монастырях и через благочинных вели учёт поступлений, которые распределялись по воле церковных властей.

Кроме организации сбора средств с паломников в форме добровольных подаяний для монастырей устанавливались обязательные ежегодные взносы, часто в фиксированной сумме. Благотворительные средства обителей направлялись в пользу учебных и духовных заведений, попечительств и социально незащищённых категорий населения («немогущих и больных» духовного звания, инвалидов войны, глухонемых), на строительство и восстановление храмов, для миссионерских обществ и поддержки православных за пределами России.

По распоряжениям Синода и указам консисторий средства направлялись на конкретные нужды. При этом отношения, сложившиеся к концу XIX в., утвердили за благочинными особую роль посредников между епархиальными властями и монастырями в реализации социальных практик и организации сбора пожертвований.

В военное время православные обители обязательно вовлекались в осуществление благотворительной помощи раненым солдатам и семьям погибших воинов. При этом наибольший контроль за деятельностью монастырей со стороны церковных властей всех уровней наблюдался в годы Первой мировой войны.

В рамках реализации социально-исправительных практик иноческие обители Вологодской губернии использовались церковными властями как места «ссылки» и «духовного исправления» за совершение религиозно-нравственных, уголовных преступлений и правонарушений. Наложение епитимии осуществлялось на основании указов консистории по резолюции епископа. В этом отношении монастыри обычно выполняли предписания светских судов, решения которых реализовывались через распоряжения синодально-епархиальных властей.

«Указы» Вологодской консистории по «ссылкам» подтверждают, что монастыри губернии использовались церковными и гражданскими властями в социально-исправительных целях для реализации «церковного наказания» за правонарушения духовенства и гражданских лиц вплоть до 1917 г. Новые данные, введенные в научный оборот, опровергают выводы некоторых историков о прекращении пенитенциарной практики северных монастырей в начале XX в.

Таким образом, исследование взаимоотношений монастырей и церковных властей позволяет сделать вывод о формировании устойчивой системы отношений, определяемой методами управления, контроля и учёта. Несмотря на то, что в конце XVIII – начале XX в. был установлен контроль государства за деятельностью монастырей, используемые методы не всегда обеспечивали эффективное управление в последующее время.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Краткая справка о монастырях, существовавших в Вологодской губернии в 1796–1917 годах

Город Вологда и Вологодский уезд

(1) Спасо-Прилуцкий (Димитриев) мужской монастырь, 2-го класса. Основан как мужской в 1371 г. в с. Прилуки игуменом Никольского монастыря в Переславле-Залеском Димитрием, ближайшим последователем преподобного Сергия Радонежского. В 1796–1917 гг. – Вологодский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – район г. Вологды. Закрыт в XX в., восстановлен в 1991 г., действующий, федеральный памятник архитектуры.

(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов или Галактионова пустынь) мужской монастырь, в 1764 г. – заштатный, с 1775 г. – 3-го класса. Основан в начале XVII в. преподобным Галактионом, в миру Гавриилом, по преданию, сыном известного боярина и князя И.Ф. Бельского. По указу Святейшего синода от 10 ноября 1892 г. переименован в Свято-Духов монастырь. В 1796–1917 гг. – г. Вологда Вологодской губернии. Разрушен в XX в., утрачен.

В 1861 г. приписана восстановленная Арсениево-Маслянская Одигитриевская пустынь.

(3) Спасо-Каменный мужской монастырь (в 1801–1892 гг. – Белавинская Спасо-Преображенская пустынь), заштатный. Основан в 1262 г. на Каменном острове Кубенского озера, по преданию, согласно личному указанию князя Глеба Васильковича. В 1796–1917 гг. – Вологодский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – Усть-Кубенский район Вологодской области. Закрыт в XX в., восстановлен в октябре 2017 г., действующий.

В 1774 г. монастырь сгорел, в 1801 г. восстановлен по повелению Павла I, и к нему присоединена восстановленная Белавинская Спасо-Преображенская пустынь, по ней и стал называться. В 1892 г. вновь наименован Спасо-Каменным монастырём.

В 1833 г. была приписана восстановленная Александро-Куштская Успенская пустынь.

(4) Сямский Богородице-Рождественский (Рождества Богородицы Сямский) мужской монастырь, заштатный. Основан в 1524 г. крестьянином Иваном Родионовым и другими жителями с. Отводное близ Кубенского озера. В 1796–1917 гг. – Вологодский уезд Вологодской гу-

бернии, в настоящее время – Вологодский район Вологодской области. Разрушен в XX в., в 2018 г. на останках монастыря создано архиерейское подворье, восстанавливается.

(5) Горне-Успенский (Успенский Горний или Горний) женский монастырь, 3-го класса. Основан в 1590 г. старицей Доминикией. В 1796–1917 гг. – г. Вологда Вологодской губернии. Закрыт в XX в., восстановлен в декабре 2018 г., действующий.

В 1860 г. приписана восстановленная Николаевская Озерская женская пустынь (Грязовецкий уезд).

(21) Заоникиева (Заоникиевская Богородице-Владимирская) мужская пустынь, заштатная. Основана в 1588 г. преподобным Иосифом Заоникиевским (Вологодским), в миру житель с. Обухово Илларион Амросимов, в 14 верстах к северу от Вологды. В 1796–1917 гг. – Вологодский уезд Вологодской губернии, сегодня – Вологодский район Вологодской области. Закрыт в XX в., в мае 2019 г. восстановлен, действующий.

(25) Александро-Куштская Успенская мужская пустынь (Александро-Куштский мужской монастырь), приписная. Основана в 1420 г. преподобным Александром Куштским в 46 верстах от Кадникова, на правом берегу речки Кушты и в 3 верстах от Кубенского озера. В 1764 г. упразднена, в 1833 г. возрождена в качестве приписной к Вологодскому Спасо-Каменному мужскому монастырю. В 1833–1917 гг. – Вологодский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – место Александрово, Усть-Кубенский район Вологодской области. Закрыта в XX в., возрождена в 2017 г., действующая.

(26) Арсениево-Маслянская Одигитриевская мужская пустынь, приписная. Основана в 1529 г. преподобным Арсением Комельским в 40 верстах от Вологды. В 1764 г. упразднена, в 1861 г. возрождена в качестве приписной к Вологодскому Спасо-Прилуцкому мужскому монастырю. В 1861–1917 гг. – Вологодский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – территория Вологодского района Вологодской области. Закрыта в XX в., утрачена.

(27) Белавинская Спасо-Преображенская мужская пустынь, приписная. Основана в 1630 г. Марком, иноком упразднённого Вологодского Ильинского монастыря. В 1764 г. упразднена, в 1801 г. возрождена по личному повелению Павла I в качестве приписной к Спасо-Каменному мужскому монастырю. В 1801–1892 гг. носили общее наименование – Белавинская Спасо-Преображенская пустынь, затем было возвращено название Спасо-Каменный монастырь. В 1801–1917 гг. – Вологодский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – территория Усть-Кубенского района Вологодской области. Закрыта в XX в., утрачена.

Грязовецкий уезд

(6) Арсениево-Комельский (Ризоположенский) (Ризоположенская Сухорукова пустынь) мужской (с 1904 г. – женский) монастырь, 3-го класса. Основан в 1370 г. преподобным Арсением Комельским в 24 верстах на северо-востоке от город Грязовца на реке Лежу, по одним сведениям – в 1529 г., по другим – в 1530 и по третьим данным – в 1539 г. В 1796–1917 гг. – Грязовецкий уезд Вологодской губернии, в настоящее время – пос. Бушуиха Грязовецкого района Вологодской области. Закрыт в XX в., недействующий.

(7) Корнильево-Комельский мужской монастырь, 3-го класса. Основан в 1497 или 1498 г. преподобным Корнилием Комельским, в миру Корнилием Крюковым, в пяти верстах южнее Грязовца на реке Нуроме (Нурме). В 1796–1917 гг. – Грязовецкий уезд Вологодской губернии, в настоящее время – с. Корнильево Грязовецкого района Вологодской области. Закрыт в XX в., недействующий.

(8) Павло-Обнорский (Свято-Троицкий) мужской монастырь, 3-го класса. Основан в 1414 г. учеником святителя Сергия Радонежского преподобным Павлом Обнорским в 15 верстах южнее Грязовца на реке Нуроме (Нурме). В 1867 г. игуменом Иоасафатом основан Воскресенский скит. В 1796–1917 гг. – Грязовецкий уезд Вологодской губернии, в настоящее время – поселение Юношеское (Грязовецкий район Вологодской области). Закрыт в XX в., восстановлен в 2003 г., действующий.

(28) Николаевская Озерская (Николо-Озерская) женская пустынь, приписная. Основана как мужская обитель в 1520 г. преподобным Стефаном Комельским на оз. Комельском. В 1764 г. пустынь закрыта, в 1860 г. восстановлена в качестве женской и приписана к Горне-Успенскому женскому трёхклассному монастырю. В 1860–1917 гг. – Грязовецкий уезд Вологодской губернии, в настоящее время – район железнодорожной станции Стеблево (Грязовецкий район Вологодской области). Закрыта в XX в., утрачена.

Кадниковский уезд

(9) Дионисијево-Глушицкий Сосновецкий (Глушицкий Покровский) мужской монастырь, 3-го класса. Основан в 1420 г. преподобным Дионисием Глушицким, в миру Дмитрием, в 22 верстах севернее город Кадникова в окрестностях с. Покровское при реке Глушице и в 5 верстах от Покровско-Глушицкого монастыря. В 1796–1917 гг. – Кадниковский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – с. Покровское Сокольского района Вологодской области. Закрыт в XX в., утрачен.

В 1803 г. приписан восстановленный Покровский Глушицкий монастырь, после чего и утвердилось общее название.

(10) Лопотов Богородицкий Григорьево-Пельшемский (Григорьево-Пельшемский Лопотов) мужской монастырь, заштатный. Основан в 1426 г. преподобным Григорием Пельшемским в окрестностях южнее Кадникова. В 1796–1917 гг. – Кадниковский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – Кадниковский район Вологодской области. Закрыт в XX в., разрушен.

(22) Семигородняя Успенская общежительная пустынь, заштатная. Основана в начале XV в. как мужская иноками Дионисиево-Глушицкого Сосновецкого монастыря в 30 верстах севернее Кадникова на реке Двинице. В том же XV в. запустела, возрождена в XVI в., в «Смутное» время разорена и в 1632 г. вновь восстановлена в качестве женской обители старицей Новодевичьего монастыря Иулитанией. В 1796–1917 гг. – Кадниковский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – пос. Возрождение Харовского района Вологодской области. Закрыта в XX в., утрачена.

В 1803 г. приписан восстановленный в качестве женского Катромский Николаевский монастырь.

(29) Катромский Николаевский мужской монастырь, приписной. Впервые упоминается в 1532 г. Основан как мужской преподобным Онуфрием в 70 верстах севернее Кадникова на Катромском озере. В 1764 г. монастырь закрыт, восстановлен в 1803 г. и приписан Семигородней Успенской женской заштатной пустыни. В 1803–1917 гг. – Кадниковский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – Харовский район Вологодской области. Закрыт в XX в., утрачен.

(30) Покровский Глушицкий мужской монастырь, с 1803 г. – приписной. Основан в 1413 г. преподобным Дионисием Глушицким, в миру Дмитрием, в 23 верстах севернее Кадникова в окрестностях с. Покровское при реке Глушице. В 1764 г. монастырь закрыт, восстановлен в 1803 г. и приписан к Дионисиево-Глушицкому Сосновецкому монастырю. В 1803–1917 гг. – Кадниковский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – с. Покровское Сокольского района Вологодской области. Закрыт в XX в., утрачен.

Город Тотьма и Тотемский уезд

(11) Спасо-Суморин (Спасо-Суморинский) мужской монастырь, заштатный. Основан в 1554 г. иноком Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря преподобным Феодосием в Тотьме на берегу реки Песья Деньга. В 1796–1917 гг. – г. Тотьма Вологодской губернии, в настоящее время – г. Тотьма Вологодской области. Закрыт в XX в., восстановлен в 2014 г., действующий.

В 1833 г. приписана Дедова Троицкая (Дедовская Троицкая) мужская пустынь.

(24) Дедова Троицкая (Дедовская Троицкая) мужская пустынь, заштатная, с 1833 г. – приписная к Спасо-Суморину мужскому монастырю. Основана в 1670 или 1676 г. иноком Ионой на Дедовом острове реки Сухоны, ниже по течению от Тотьмы. В 1796–1917 гг. – Тотемский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – Тотемский район Вологодской области. Закрыта в XX в., недействующая.

Город Великий Устюг и Великоустюгский уезд

(12) Михайло-Архангельский мужской монастырь, 2-го класса. Старейший монастырь на Русском Севере, основан в 1212 г. (вероятнее, в 1216 г.) преподобным Киприаном в Великом Устюге. После 1764 г. к нему приписана, в реальности включена в его состав, Богородицкая Тихвинская мужская пустынь. В 1796–1917 гг. – г. Великий Устюг Вологодской губернии, в настоящее время – г. Великий Устюг Вологодской области. Закрыт в XX в., недействующий.

Приписаны: в 1841–1896 гг. – Троицкий Гledenский трёхклассный монастырь; в 1860 г. – Лальский Михайло-Архангельский трёхклассный монастырь.

(13) Гledenский Троицкий (Троицко-Гledenский) мужской монастырь, 3-го класса, в 1841–1896 гг. – приписной к Михайло-Архангельскому мужскому монастырю, с 1912 г. – женский. По преданиям, основан в конце XII или в середине XIII в. в 4 верстах от Великого Устюга на левом берегу реки Юг при слиянии с рекой Сухоней, достоверные сведения только с середины XVI в. В 1796–1917 гг. – Великоустюгский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – с. Морозовица Великоустюгского района Вологодской области. Закрыт в XX в., недействующий.

(14) Знаменно-Филипповский Яиковский (Филипповская Яиковская Знаменская пустынь) мужской монастырь, заштатный, с 1908 г. – женский. Основан как мужской около 1654 г. преподобным Филиппом (Сухонским) на Яиковой горе. В 1796–1917 гг. – Великоустюгский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – г. Великий Устюг Вологодской области. Закрыт в XX в., недействующий.

(15) Николаево-Прилуцкий мужской монастырь, заштатный. Впервые упомянут в 1561 г. в окрестностях д. Минина Полянка в 40 верстах на север от Великого Устюга. В 1796–1917 гг. – Великоустюгский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – дер. Минина Полянка Котласского района Архангельской области. Закрыт в XX в., недействующий.

(16) Иоанно-Предтечев (Устюжский Иоанно-Предтеченский) монастырь, с 1764 г. – женский, 3-го класса. Основан как мужской на Ива-

новской (Соколей) горе в Великом Устюге в 1262 г., по одним преданиям – крещёным татарским баскаком по имени Буга, по другим – праведными Иоанном и Марией Устюжскими. В 1764 г. в него переведены монахи Устюжского Преображенского монастыря. В обители размещались епархиальное училище, больница и богадельня. В 1796–1917 гг. – Великоустюгский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – г. Великий Устюг Вологодской области. Закрыт в XX в., недействующий.

(23) Лальский Михайловский (Михаило-Архангельский) мужской монастырь, 3-го класса, с 1860 г. – приписной к Михаило-Архангельскому мужскому монастырю, часть братии перечислена в Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь. Основан в XVII в. в Лальске. В 1796–1917 гг. – заштатный г. Лальск Великоустюгского уезда Вологодской губернии, в настоящее время – посёлок городского типа Лальск Кировской области. Закрыт в XX в., утрачен.

Город Сольвычегодск и Сольвычегодский уезд

(17) Сольвычегодский Введенский мужской монастырь, 3-го класса. Основан в 1565 г. братьями Строгановыми на берегу речушки Солониха (Усолка) на территории Сольвычегодска. В 1796–1917 гг. – Сольвычегодский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – г. Сольвычегодск Котласского района Архангельской области. Закрыт в XX в., недействующий.

В 1863–1896 гг. приписан Коряжемский Николаевский мужской трёхклассный монастырь.

(18) Коряжемский Николаевский (Николо-Коряжемский) мужской монастырь, 3-го класса, в 1863–1896 гг. – приписной к Сольвычегодскому Введенскому мужскому монастырю. Затем, в 1896 г., восстановлен в статусе самостоятельного, но выведен за штат. Основан в 1535 г. двумя иноками Павло-Обнорского монастыря преподобными Лонгином (Коряжемским) и Симоном (Сойгинским) близ устья речки Коряжемки. В 1796–1917 гг. – Сольвычегодский уезд Вологодской губернии, в настоящее время – г. Коряжма Котласского района Архангельской области. Закрыт в XX в., недействующий.

Усть-Сысольский уезд

(19) Ульяновский Троицко-Стефановский (Троицко-Стефановский Ульяновский) мужской монастырь, общежительный. По легенде, не подтверждённой данными источников, основан святителем Стефаном Пермским, после его смерти запустел; в 1667 г. монастырь в Ульяновско было возрождён московским священником Филаретом (в миру

Фёдор Тюрнин) и его сыновьями, вновь пришёл в упадок и в 1764 г. закрыт; в 1860 г. возобновил свою деятельность и в начале XX в. входил в десятку самых известных обитателей России. В 1860–1917 гг. – с. Ульяново Усть-Куломской волости Усть-Сыольского уезда Вологодской губернии, в настоящее время – с. Ульяново Усть-Куломского района Республики Коми. Закрыт в XX в., в 1994 г. воссоздан в очередной раз, действующий.

Яренский уезд

(20) Кылтовский Крестовоздвиженский женский монастырь, общежительный. Создание обители недалеко от с. Серёгово началось с конца 1880-х гг. стараниями архангелогородского купца первой гильдии А.В. Булычёва и общественного деятеля И.Г. Калашникова. Монастырь стал действующим с 1894 г. В 1894–1917 гг. располагался на территории Яренского уезда Вологодской губернии, в настоящее время – в пос. Кылтово Княжпогостского района Республики Коми. Закрыт в XX в., в 1995 г. восстановлен, действующий.

Примечание: Отмеченные номера монастырей (1–30) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме.

Динамика численности братии монастырей Вологодской губернии в 1810–1917 годах, чел.

Категория братии	1810–1820	1821–1830	1831–1840	1841–1850	1851–1860	1861–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1911–1917
	Вологодский уезд										
	(1) Спасо-Прилуцкий (Дмитриев) мужской, двухклассный										
Иноки	10	6	7	10	-	11	7	10	10	11	7
Послушники	11	5	6	11	-	7	10	6	18	0	3
Бельцы		1	4	3	-	3	3	1	0	1	1
Служители	20	0	0	20	-	0	0	0	0	0	0
Итого	41	12	17	44	-	21	20	17	28	12	11
	(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов) мужской, трёхклассный										
Иноки	5	7	-	6	5	7	9	8	7	8	11
Послушники	4	4	-	7	10	0	0	12	15	26	25
Бельцы	3	1	-	2	2	6	5	2	1	3	0
Служители	9	9	-	12	12	0	0	0	0	0	0
Итого	21	21	-	27	29	13	14	22	23	37	36
	(3) Спасо-Каменный мужской (в 1801–1892 гг. – Белаинская Спасо-Преображенская пустынь), заштатный										
Иноки	-	-	-	-	-	-	-	-	8	8	9
Послушники	-	-	-	-	-	-	-	-	15	16	11
Бельцы	-	-	-	-	-	-	-	-	1	5	0
Итого	-	-	-	-	-	-	-	-	24	29	20
	(4) Сямский Богородице-Рождественский мужской, заштатный										
Иноки	-	-	-	-	-	-	-	8	8	6	6
Послушники	-	-	-	-	-	-	-	4	24	2	2

Категория братии	1810–	1821–	1831–	1841–	1851–	1861–	1871–	1881–	1891–	1901–	1911–
	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1917
Бельцы	-	-	-	-	-	-	-	1	1	0	0
Итого	-	-	-	-	-	-	-	13	33	8	8
(5) Горне-Успенский (Успенский Горный) женский, трёхклассный											
Инокони	16	16	28	-	17	16	20	30	20	-	18
Послушницы	61	92	0	-	109	51	92	69	61	-	50
Бельцы	0	0	0	-	0	3	0	0	0	-	0
Итого	77	108	28	-	126	70	112	99	81	-	68
Грязовецкий уезд											
(6) Арсениево-Комельский мужской, трёхклассный (с 1904 г. – женский)											
Инокони (инокини)	-	-	-	-	-	5	-	6	7	8	10
Послушники (послушницы)	-	-	-	-	-	5	-	5	3	7	70
Бельцы (беллицы)	-	-	-	-	-	1	-	1	1	0	3
Служители	-	-	-	-	-	0	-	17	0	0	0
Итого	-	-	-	-	-	11	27	29	11	15	83
(7) Корнильево-Комельский мужской, трёхклассный											
Инокони	-	-	-	-	11	-	11	10	10	-	8
Послушники	-	-	-	-	12	-	3	15	18	-	15
Бельцы	-	-	-	-	2	-	7	4	2	-	0
Итого	-	-	-	-	25	-	21	29	30	-	23
(8) Павло-Обнорский мужской, трёхклассный											
Инокони	-	-	-	-	-	7	6	9	11	-	11
Послушники	-	-	-	-	-	8	24	4	16	-	8

Категория братья	1810– 1820	1821– 1830	1831– 1840	1841– 1850	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917
Служители	-	-	-	-	-	0	0	0	2	-	0
Итого	-	-	-	-	-	15	30	13	29	-	19
Кадниковский уезд											
(9) Дионисево-Глушицкий Сосновецкий (Глушицкий Покровский) мужской, трёхклассный											
Иноки	-	-	-	-	6	9	8	-	-	9	5
Послушники	-	-	-	-	10	8	15	-	-	11	10
Бельцы	-	-	-	-	0	0	2	-	-	3	0
Служители	-	-	-	-	0	0	32	-	-	12	5
Итого	-	-	-	-	16	17	57	-	-	35	20
(10) Лопотов Богородицкий Григорьево-Пельшемский мужской, заштатный											
Иноки	-	-	-	13	-	-	14	11	7	12	-
Послушники	-	-	-	10	-	-	7	9	1	0	-
Бельцы	-	-	-	3	-	-	0	3	2	0	-
Итого	-	-	-	26	-	-	21	23	10	12	-
Тотемский уезд											
(11) Спасо-Суморин мужской, заштатный											
Иноки	-	-	-	-	-	-	-	16	16	-	18
Послушники	-	-	-	-	-	-	-	11	13	-	11
Бельцы	-	-	-	-	-	-	-	0	1	-	1
Итого	-	-	-	-	-	-	-	27	30	-	30

Категория братии	1810– 1820	1821– 1830	1831– 1840	1841– 1850	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917
	Великоустюгский уезд										
(12) Михайло-Архангельский мужской, двухклассный											
Инок	4	-	-	-	10	-	-	-	-	9	-
Послушники	7	-	-	-	0	-	-	-	-	1	-
Бельцы	4	-	-	-	9	-	-	-	-	0	-
Служители	14	-	-	-	0	-	-	-	-	0	-
Итого	29	-	-	-	19	-	-	-	-	10	-
(13) Троицкий Гledenский мужской, трёхклассный, с 1841 г. – приписной (с 1912 г. – женский)											
Инок (инокини)	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6
Послушники (послушницы)	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	41
Бельцы	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
Служители	7	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
Итого	18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	47
(14) Знаменно-Филипповский мужской, заштатный (с 1908 г. – женский)											
Инок (инокини)	-	-	-	-	2	5	4	4	6	6	-
Послушники (послушницы)	-	-	-	-	9	0	1	0	0	1	-
Бельцы	-	-	-	-	2	6	9	3	0	0	-
Итого	-	-	-	-	13	11	14	7	6	7	-
(15) Николаево-Прилуцкий мужской, заштатный											
Инок	-	-	-	-	1	4	5	5	3	5	4
Послушники	-	-	-	-	0	0	0	0	9	3	8

Категория брации	1810– 1820	1821– 1830	1831– 1840	1841– 1850	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917
Бельцы	-	-	-	-	8	9	5	2	1	1	0
Итого	-	-	-	-	9	13	10	7	13	9	12
(16) Иоанно-Предтечев (Иоанно-Предтеченский) женский, трёхклассный											
Инокини	17	-	-	-	16	18	19	14	16	19	-
Послушницы	4	-	-	-	11	54	36	25	100	56	-
Итого	21	-	-	-	27	72	55	39	116	75	-
Сольвычегодский уезд											
(17) Сольвычегодский Введенский мужской, трёхклассный											
Иноки	-	-	-	-	-	-	-	-	6	4	-
Послушники	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1	-
Итого	-	-	-	-	-	-	-	-	8	5	-
(18) Коряжемский Николаевский мужской, трёхклассный, в 1863–1896 гг. – приписной, с 1896 г. – заштатный											
Иноки	-	-	-	-	-	-	-	-	4	6	28
Послушники	-	-	-	-	-	-	-	-	1	6	33
Итого	-	-	-	-	-	-	-	-	5	12	61
Усть-Сысольский уезд											
(19) Ульяновский Троицко-Стефановский общежительный мужской											
Иноки	-	-	-	-	-	3	13	34	39	19	44
Послушники	-	-	-	-	-	3	21	13	20	56	8
Бельцы	-	-	-	-	-	1	0	13	0	0	29
Итого	-	-	-	-	-	7	34	60	59	75	81

Категория братии	1810–1820	1821–1830	1831–1840	1841–1850	1851–1860	1861–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1901–1910	1911–1917
	Яренский уезд										
(20) Кытловский Крестовоздвиженский общежительный женский											
Инокнии	-	-	-	-	-	-	-	-	11	9	15
Послушницы	-	-	-	-	-	-	-	-	21	43	127
Белицы	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1
Итого	-	-	-	-	-	-	-	-	32	53	143

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (1–20) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отраженным на карте-схеме. 2. Знак «-» означает, что сведения в источниках не выявлены. 3. В Приложении подсчитаны средние за периоды (8–10 лет) показатели численности проживавших в монастырях Вологодской губернии. 4. В графе «Послушники (послушницы)» приводятся данные о «рясофорных» («указных») и «неназванных» послушниках. 5. Данные о бельцах (белицах) содержат сведения о белом духовенстве: о священно- и церковнослужителях, проживавших в монастырях.

Составлено по:

1. ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–606; Д. 26. Л. 8–22; Д. 35. Л. 1–16; Д. 46. Л. 40–43; Д. 77. Л. 1–6; Д. 86. Л. 206; Д. 88. Л. 406; Д. 92. Л. 8; Д. 134. Л. 1–26; Д. 144. Л. 11–27; Д. 206. Л. 2–32; Д. 226. Л. 8–47; Ф. 512. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–1906; Д. 446. Л. 1–5; Д. 494. Л. 1–9; Д. 536. Л. 1–4; Д. 538. Л. 1–22; Д. 787. Л. 1–20; Д. 828. Л. 1–15; Д. 876. Л. 1–6; Д. 972. Л. 8–24; Д. 1260. Л. 1–2; Д. 1334. Л. 1–7; Д. 1337. Л. 506; Ф. 513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2; Д. 6. Л. 9–15; Д. 11. Л. 2–10; Д. 18. Л. 14–22; Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–15; Д. 7. Л. 2–12; Д. 10. Л. 3–11; Д. 13. Л. 1–6; Ф. 519. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–11; Д. 225. Л. 4–13; Д. 261. Л. 77; Д. 279. Л. 1–8; Д. 299. Л. 20–40; Ф. 520. Оп. 1. Д. 113. Л. 2–8; Д. 177. Л. 2–17; Д. 193. Л. 2–12; Д. 229. Л. 7–24; Д. 293. Л. 1–6; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 2–23; Д. 122. Л. 52–64; Д. 142. Л. 62–75; Д. 155. Л. 5–18; Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 3–9; Д. 51. Л. 2–16; Д. 86. Л. 2–15; Д. 109. Л. 2–14; Ф. 523. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–21; Д. 71. Л. 1–5; Д. 157. Л. 1–2; Д. 183. Л. 1–8; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 52–66, 130–145; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–11, 38–40; Д. 42. Л. 10–15; Д. 49. Л. 8–15; Д. 50. Л. 1606–24; Д. 79. Л. 9, 15, 17; Д. 82. Л. 9–18; Д. 88. Л. 34; Д. 113. Л. 20; Д. 118. Л. 2–10; Д. 135. Л. 1–10; Д. 138. Л. 1–10; Д. 143. Л. 1–12.
2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–606; Д. 25. Л. 3, 306, 18; Д. 35. Л. 167–17006; Д. 36. Л. 2–606; Д. 63. Л. 806–29, 3106, 32; Д. 75. Л. 218–222; Д. 77. Л. 405–409; Д. 78. Л. 374–37606; Д. 79. Л. 403–40506; Д. 80. Л. 409–413; Д. 111. Л. 1–406; Д. 112. Л. 2–6; Д. 139. Л. 1–4, 7, 8; Д. 381. Л. 44; Д. 248. Л. 4–506, 23, 2306, 28–2906.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 106, 5, 22–30, 51, 54–55, 64–81; Д. 19. Л. 26–37, 56–63, 64–84, 89–112; Д. 105. Л. 1606, 17; Д. 108. Л. 10–20; Д. 337. Л. 14–38; Д. 342. Л. 6, 9–27; Д. 343. Л. 10, 14–32; Д. 344. Л. 18, 20–26; Ф. 364. Оп. 1. Д. 3455. Л. 1–11; Д. 4399. Л. 1–12; Д. 7547. Л. 1–12; Ф. 435. Оп. 1. Д. 122. Л. 2–9; Д. 185. Л. 2–21; Д. 237. Л. 2–17; Ф. 436. Оп. 1. Д. 138. Л. 2–11; Ф. 437. Оп. 1. Д. 76. Л. 3–606; Д. 125. Л. 4–8; Д. 149. Л. 2–12; Д. 187. Л. 4–6; Ф. 438. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–8; Д. 53. Л. 2–4; Д. 75. Л. 4–9; Д. 100. Л. 4–9.

**Динамика возрастного состава братии,
проживавшей в монастырях Вологодской губернии в 1831–1917 годах, лет**

Категория братии	1831– 1840	1841– 1850	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917	
	Вологодский уезд									
(1) Спасо-Прилуцкий мужской, двухклассный										
Иноки	54	48	-	49	40	45	56	58	53	
Послушники	23	25	-	29	26	35	31	0	49	
Бельцы	39	62	-	46	30	66	0	57	86	
Служители	0	34	-	0	0	0	0	0	0	
Итого	39	42	-	41	32	49	44	58	63	
(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов) мужской, трёхклассный										
Иноки	-	41	42	51	49	48	55	50	47	
Послушники	-	21	29	0	0	31	23	29	35	
Бельцы	-	53	41	27	31	42	48	56	0	
Служители	-	35	37	0	0	0	0	0	0	
Итого	-	38	37	39	40	40	42	45	41	
(3) Спасо-Каменный мужской, заштатный										
Иноки	-	-	-	-	-	-	53	58	57	
Послушники	-	-	-	-	-	-	27	31	29	
Бельцы	-	-	-	-	-	-	48	53	0	
Итого	-	-	-	-	-	-	43	47	43	
(4) Сямский Богородице-Рождественский мужской, заштатный										
Иноки	-	-	-	-	-	52	41	53	63	
Послушники	-	-	-	-	-	48	38	36	45	
Бельцы	-	-	-	-	-	60	50	0	0	
Итого	-	-	-	-	-	53	43	45	54	

Категория брагии	1831– 1840	1841– 1850	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917
(5) Горне-Успенский (Успенский Горный) женский, трёхклассный									
Инокони	43	-	42	54	60	56	63	-	61
Послушницы	0	-	45	39	47	48	54	-	49
Бельцы	0	-	0	53	0	0	0	-	0
Итого	43	-	44	49	54	52	59	-	55
Грязовецкий уезд									
(6) Арсениево-Комельский мужской, трёхклассный (с 1904 г. – женский)									
Инокони (инокини)	-	-	-	52	-	59	63	63	55
Послушники (послушницы)	-	-	-	34	-	20	19	37	26
Бельцы (белицы)	-	-	-	62	-	57	54	0	61
Служители	-	-	-	0	-	26	0	0	0
Итого	-	-	-	49	-	41	45	50	47
(7) Корнильево-Комельский мужской, трёхклассный									
Инокони	-	-	43	-	49	47	54	-	54
Послушники	-	-	35	-	33	35	23	-	44
Бельцы	-	-	29	-	48	39	39	-	0
Итого	-	-	36	-	43	40	39	-	49
(8) Павло-Обнорский мужской, трёхклассный									
иноки	-	-	-	40	46	48	50	-	52
послушники	-	-	-	28	36	43	31	-	33
служители	-	-	-	0	0	0	0	-	0
Итого	-	-	-	34	41	46	41	-	43

Категория брагии	1831– 1840	1841– 1850	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917
	Кадниковский уезд								
(9) Дионисево-Глушицкий Сосновецкий (Глушицкий Покровский) мужской, трёхклассный									
Иноки	-	-	55	38	49	-	-	66	50
Послушники	-	-	29	36	28	-	-	21	32
Бельцы	-	-	0	0	57	-	-	59	0
Служители	-	-	0	0	44	-	-	39	53
Итого	-	-	42	37	45	-	-	46	45
(10) Лопотов Богородицкий Григорьево-Пельшемский мужской, заштатный									
Иноки	-	50	-	-	47	49	64	54	-
Послушники	-	28	-	-	27	47	56	0	-
Бельцы	-	49	-	-	0	39	59	0	-
Итого	-	42	-	-	37	45	60	54	-
Тотемский уезд									
(11) Спасо-Суморин мужской, заштатный									
Иноки	-	-	-	-	-	54	57	-	58
Послушники	-	-	-	-	-	57	52	-	50
Бельцы	-	-	-	-	-	0	58	-	59
Итого	-	-	-	-	-	56	56	-	55
Великоустюгский уезд									
(12) Михайло-Архангельский мужской, двухклассный									
Иноки	49	-	57	-	-	-	-	52	-
Послушники	-	-	0	-	-	-	-	39	-
Бельцы	41	-	32	-	-	-	-	-	-
Служители	31	-	0	-	-	-	-	-	-
Итого	40	-	45	-	-	-	-	51	-

Категория братии	1831– 1840	1841– 1850	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917
(13) Троицкий Гledenский мужской, трёхклассный, с 1841 года – приписной (с 1912 г. – женский)									
Инокни	-	-	-	-	-	-	-	-	52
Послушницы	-	-	-	-	-	-	-	-	32
Итого	-	-	-	-	-	-	-	-	42
(14) Знаменно-Филипповский мужской, заштатный (с 1908 г. – женский)									
Инокни	-	-	58	53	61	45	61	63	-
Послушники	-	-	18	0	33	0	0	41	-
Бельцы	-	-	51	30	25	40	0	0	-
Итого	-	-	42	42	38	43	61	52	-
(15) Николаево-Прилуцкий мужской, заштатный									
Инокни	-	-	74	40	54	51	48	52	56
Послушники	-	-	0	0	0	0	44	46	48
Бельцы	-	-	31	22	33	50	45	47	0
Итого	-	-	53	31	44	51	46	48	51
(16) Иоанно-Предтечев женский, трёхклассный									
Инокни	65	-	60	62	62	67	64	67	-
Послушницы	40	-	54	42	42	46	49	48	-
Итого	58	-	57	52	52	57	57	58	-
Сольвычегодский уезд									
(18) Коряжемский Николаевский мужской, трёхклассный, в 1863–1896 гг. – приписной, с 1896 г. – заштатный									
Инокни	-	-	-	-	-	-	46	48	49
Послушники	-	-	-	-	-	-	39	38	35
Итого	-	-	-	-	-	-	43	43	42

Категория брагии	1831– 1840	1841– 1850	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917
	Усть-Сысольский уезд								
(19) Ульяновский Троицко-Стефановский мужской									
Иноки	-	-	-	10	45	55	54	55	57
Послушники	-	-	-	28	29	44	51	51	53
Бельцы	-	-	-	38	0	41	0	0	41
Итого	-	-	-	35	37	47	53	53	50
Яренский уезд									
(20) Кытловский Крестовоздвиженский женский									
Инокини	-	-	-	-	-	-	59	52	59
Послушницы	-	-	-	-	-	-	22	29	31
Белицы	-	-	-	-	-	-	28	55	50
Итого	-	-	-	-	-	-	36	45	47
Вологодская губерния									
Итого по губернии (мужские обители)	39	41	40	39	40	48	51	48	59
Иноки	54	48	51	45	-	51	59	57	53
Послушники	23	26	28	32	-	45	43	43	42
Бельцы	39	51	37	62	-	47	51	57	86
Служители	31	35	37	0	-	26	0	39	53
Итого по губернии (женские обители)	43	-	51	49	53	50	49	45	49
Инокини	43	-	53	58	61	53	54	52	57
Послушницы	42	-	50	41	45	47	42	29	35
Белицы	0	-	0	53	0	0	28	55	56

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (1–20) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отраженным на карте-схеме. 2. Знак «-» означает, что сведения в источниках не выявлены. 3. В Приложении подсчитаны средние за периоды (8–10 лет) показатели возраста иноков (инокинь), послушников (послушниц), бельцов (белиц) и служителей. 4. В графе «Послушники (послушницы)» приводятся данные о «рясофорных» («указных») и «неназывных» послушниках. 5. Данные о бельцах (белицах) содержат сведения о священно- и церковнослужителях, входящих в состав братии монастырей.

Составлено по:

1. ГАВРО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–6об.; Д. 26. Л. 8–22; Д. 35. Л. 1–16; Д. 46. Л. 40–43; Д. 77. Л. 1–6; Д. 86. Л. 2об.; Д. 88. Л. 4об., 5; Д. 92. Л. 8; Д. 134. Л. 1–26; Д. 144. Л. 1–80об.; Д. 178. Л. 11–27; Д. 206. Л. 2–32; Д. 226. Л. 8–47; Ф. 512. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–19об.; Д. 446. Л. 1–5; Д. 494. Л. 1–19; Д. 536. Л. 1–4; Д. 538. Л. 1–22; Д. 787. Л. 1–20; Д. 828. Л. 1–15; Д. 876. Л. 1–6; Д. 972. Л. 8–24; Д. 1260. Л. 1–2; Д. 1334. Л. 1–7; Д. 1337. Л. 5об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2; Д. 6. Л. 9–15; Д. 11. Л. 2–10; Д. 18. Л. 14–22; Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–15; Д. 7. Л. 2–12; Д. 10. Л. 3–11; Д. 13. Л. 1–6; Ф. 519. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–11; Д. 225. Л. 4–13; Д. 261. Л. 77; Д. 279. Л. 1–8; Д. 299. Л. 20–40; Ф. 520. Оп. 1. Д. 113. Л. 2–8; Д. 177. Л. 2–17; Д. 193. Л. 2–12; Д. 229. Л. 7–24; Д. 293. Л. 1–6; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 2–23; Д. 122. Л. 52–64; Д. 142. Л. 62–75; Д. 155. Л. 5–18; Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 3–9; Д. 51. Л. 2–16; Д. 86. Л. 2–15; Д. 109. Л. 2–14; Ф. 523. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–21; Д. 71. Л. 1–5; Д. 157. Л. 1–2; Д. 183. Л. 1–8; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 52–66, 130–145; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–11, 38–40; Д. 42. Л. 10–15; Д. 49. Л. 8–15; Д. 79. Л. 9, 15, 17; Д. 82. Л. 9–18; Д. 88. Л. 34; Д. 113. Л. 20; Д. 118. Л. 2–10; Д. 135. Л. 1–10; Д. 138. Л. 1–10; Д. 143. Л. 1–12.
2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–6об.; Д. 25. Л. 3, 3об., 18; Д. 35. Л. 167–170об.; Д. 36. Л. 2–6об.; Д. 63. Л. 8об.–29, 31об., 32; Д. 75. Л. 218–222; Д. 77. Л. 405–409; Д. 78. Л. 374–376об.; Д. 79. Л. 403–405об.; Д. 80. Л. 409–413; Д. 111. Л. 1–4об.; Д. 112. Л. 2–6; Д. 139. Л. 1–4, 7, 8; Д. 381. Л. 44; Д. 248. Л. 4–5об., 23, 23об., 28–29об.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 106, 5, 22–30, 51, 54–55, 64–81; Д. 19. Л. 26–37, 56–63, 64–84, 89–112; Д. 105. Л. 160б., 17; Д. 108. Л. 10–20; Д. 337. Л. 14–38; Д. 342. Л. 6, 9–27; Д. 343. Л. 10, 14–32; Д. 344. Л. 18, 20–26; Ф. 364. Оп. 1. Д. 3455. Л. 1–11; Д. 4399. Л. 1–12; Д. 7547. Л. 1–12; Ф. 435. Оп. 1. Д. 122. Л. 2–9; Д. 185. Л. 2–21; Ф. 436. Оп. 1. Д. 138. Л. 2–11; Ф. 437. Оп. 1. Д. 76. Л. 3–6об.; Д. 125. Л. 4–8; Д. 149. Л. 2–12; Д. 187. Л. 4–6; Ф. 438. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–8; Д. 53. Л. 2–4; Д. 75. Л. 4–9; Д. 100. Л. 4–9.
2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–6об.; Д. 25. Л. 3, 3об., 18; Д. 35. Л. 167–170об.; Д. 36. Л. 2–6об.; Д. 63. Л. 8об.–29, 31об., 32; Д. 75. Л. 218–222; Д. 77. Л. 44; Д. 248. Л. 4–5 об., 23, 23об., 28–29об.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 106, 5, 22–30, 51, 54–55, 64–81; Д. 19. Л. 26–37, 56–63, 64–84, 89–112; Д. 105. Л. 160б., 17; Д. 108. Л. 10–20; Д. 337. Л. 14–38; Д. 342. Л. 6, 9–27; Д. 343. Л. 10, 14–32; Д. 344. Л. 18, 20–26; Ф. 364. Оп. 1. Д. 3455. Л. 1–11; Д. 4399. Л. 1–12; Д. 7547. Л. 1–12; Ф. 435. Оп. 1. Д. 122. Л. 2–9; Д. 185. Л. 2–21; Д. 237. Л. 2–17; Ф. 436. Оп. 1. Д. 138. Л. 2–11; Ф. 437. Оп. 1. Д. 76. Л. 3–6об.; Д. 125. Л. 4–8; Д. 149. Л. 2–12; Д. 187. Л. 4–6; Ф. 438. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–8; Д. 53. Л. 2–4; Д. 75. Л. 4–9; Д. 100. Л. 4–9.

Настоятели монастырей Вологодской губернии, ставшие епископами в XIX – начале XX века

Период насто- ятель- ства	ФИО	Происхождение	Образование	Послужной список
Первая половина XIX в.	Амвросий (Рождествен- ский- Вещезеров)	Родился в 1758 г. в се- мье священника Нов- городской епархии	Кирилловская духов- ная семинария, Алек- сандро-Невская ду- ховная академия	С 1798 г. – соборный иеромонах Алексан- дро-Невской лавры, 1800 г. – архимандрит Спaso-Каменного Духова монастыря и рек- тор Вологодской семинарии, 1804 г. – на- стоятель Вологодского Спaso-Прилуцкого монастыря, 1811 г. – настоятель Валдайского Иверского монастыря, член консистории. С 1812 г. – инспектор Санкт-Петербургской духовной академии. С 1816 г. – настоятель Московского Донского монастыря и пред- седатель Московской духовной цензуры. С 1817 г. – епископ Вятский. В 1822–1825 гг. – архиепископ Тобольский
	Гавриил (Розанов)	Родился в 1781 г. в се- мье священника Ко- стромской епархии	Костромская, Троиц- ко-Сергиевская семи- нария	С 1811 г. – архимандрит Спaso-Каменного Духова монастыря, 1814 г. – ректор Вологод- ской семинарии и настоятель Спaso-При- луцкого монастыря, 1820 г. – настоятель Ярославского Толгского монастыря и ректор семинарии. С 1821 г. – епископ Орловский, с 1832 г. – архиепископ Екатеринославской епархии. В 1837–1848 гг. – архиепископ Хер- сонский и Таврический

Продолжение Приложения 4

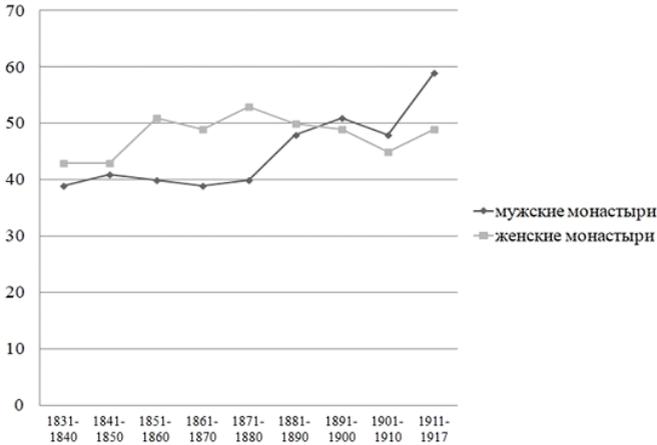
Период настоя- тельства	ФИО	Происхождение	Образование	Послужной список
Вторая половина XIX в.	Полиевкт (Пясковский)	Родился в 1817 г. в се- мье священника Мо- гилёвской епархии	Могилёвская семина- рия, Санкт-Петербур- гская духовная акаде- мия	С 1853 г. – настоятель Великолуцкого Троиц- кого монастыря, 1860 г. – Спасо-Елеазаров- ского монастыря, 1863 г. – Спасо-Каменного Духова монастыря. С 1864 г. – ректор Воло- годской духовной семинарии и настоятель Спасо-Прилуцкого монастыря. С 1867 г. – настоятель Витебского Макарова монасты- ря, 1873 г. – настоятель Белевского Спа- со-Преображенского монастыря, 1874 г. – Мстиславского монастыря, 1877 г. – Белецко- го Богородицкого монастыря, 1881 г. – Пред- теча-Трегудеевского монастыря, 1886 г. – Лебединского Троицкого монастыря, 1894 г. – Покровского Болдинского монастыря. С 1895 г. стал викарием Рязанской епархии епископом Михайловским. В 1900–1902 гг. – епископ Рязанский и Зарайский
	Павел (Попов Алексей Яковлевич)	Родился в 1827 г. в семье священника в Никольском уезде	Вологодская духов- ная семинария, Мос- ковская духовная ака- демия	С 1867 г. – настоятель Арсениево-Комель- ского монастыря, ректор Вологодской семи- нарии; настоятель Спасо-Прилуцкого мона- стыря. В 1868–1874 гг. – викарий Вологод- ской епархии епископ Тотемский

Период настоятельства	ФИО	Происхождение	Образование	Послужной список
Конец XIX – начало XX в.	Антоний (Быстров)	Родился в 1827 г. в семье священника	Вологодская духовная семинария	С 1889 г. – настоятель Лопотова Богородицкого Григорьево-Пельшемского монастыря. В 1890 г. был перемещён в Корнильево-Кормельский монастырь, в 1892 г. возведён в сан игумена, в 1906 г. – в сан архимандрита. С 1907 г. – настоятель Свято-Духова монастыря, с 1908 г. – член Вологодской духовной консистории, с 1910 г. – викарий Вологодской епархии епископ Вельский

Составлено по:

1. Абрамов Н.А. Амвросий II Рождественский, архиеп. Тобольский и Сибирский (1822–1825) // Странник. 1869. № 10. С. 15–68.
2. ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–1906.; Д. 787. Л. 3, 306.; Д. 793. Л. 2, 206.; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 5. Л. 26; Д. 11. Л. 3–8; Д. 61. Л. 12, 1206.; Д. 138. Л. 24.
3. Русский архив. 1903. Кн. 3. № 9. С. 97.
4. Русский паломник. 1911. № 30. С. 479; 1912. № 22. С. 334; № 38. С. 583.
5. Смирнов С. История Московской духовной академии. М., 1879. С. 445, 558.
6. Церковные ведомости. 1895. № 23. С. 236; 1900. № 5. С. 27; 1902. № 46. С. 353; 1910. № 1. С. 1.
7. Церковная летопись духовной беседы. 1874. № 47. С. 333–334.
8. Суворова С. Терновый венец Владыки Антония // Архангельский епархиальный вестник. 2002. № 4. С. 10–11.
9. Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 210.

**Динамика возрастного состава братии монастырей
Вологодской губернии в 1830–1917 годах**

Составлено по:

1. ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–6об.; Д. 26. Л. 8–22; Д. 35. Л. 1–16; Д. 46. Л. 40–43; Д. 77. Л. 1–6; Д. 86. Л. 2об.; Д. 88. Л. 4об., 5; Д. 92. Л. 8; Д. 134. Л. 1–26; Д. 144. Л. 1–80об.; Д. 178. Л. 11–27; Д. 206. Л. 2–32; Д. 226. Л. 8–47; Ф. 512. Оп. 1. Д. 404. Л. 1–19об.; Д. 446. Л. 1–5; Д. 494. Л. 1–19; Д. 536. Л. 1–4; Д. 538. Л. 1–22; Д. 787. Л. 1–20; Д. 828. Л. 1–15; Д. 876. Л. 1–6; Д. 972. Л. 8–24; Д. 1260. Л. 1–2; Д. 1334. Л. 1–7; Д. 1337. Л. 5об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2; Д. 6. Л. 9–15; Д. 11. Л. 2–10; Д. 18. Л. 14–22; Ф. 515. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–15; Д. 7. Л. 2–12; Д. 10. Л. 3–11; Д. 13. Л. 1–6; Ф. 519. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–11; Д. 225. Л. 4–13; Д. 261. Л. 77; Д. 279. Л. 1–8; Д. 299. Л. 20–40; Ф. 520. Оп. 1. Д. 113. Л. 2–8; Д. 177. Л. 2–17; Д. 193. Л. 2–12; Д. 229. Л. 7–24; Д. 293. Л. 1–6; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 2–23; Д. 122. Л. 52–64; Д. 142. Л. 62–75; Д. 155. Л. 5–18; Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 3–9; Д. 51. Л. 2–16; Д. 86. Л. 2–15; Д. 109. Л. 2–14; Ф. 523. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–21; Д. 71. Л. 1–5; Д. 157. Л. 1–2; Д. 183. Л. 1–8; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 52–66, 130–145; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–11, 38–40; Д. 42. Л. 10–15; Д. 49. Л. 8–15; Д. 50. Л. 16об.–24; Д. 79. Л. 9, 15, 17; Д. 82. Л. 9–18; Д. 88. Л. 34; Д. 113. Л. 20; Д. 118. Л. 2–10; Д. 135. Л. 1–10; Д. 138. Л. 1–10; Д. 143. Л. 1–2.
2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–6об.; Д. 25. Л. 3, 3об., 18; Д. 35. Л. 167–170об.; Д. 36. Л. 2–6об.; Д. 63. Л. 8об.–29, 31об., 32; Д. 75. Л. 218–222; Д. 77. Л. 405–409; Д. 78. Л. 374–376об.; Д. 79. Л. 403–405об.; Д. 80. Л. 409–413; Д. 111. Л. 1–4об.; Д. 112. Л. 2–6; Д. 139. Л. 1–4, 7, 8; Д. 381. Л. 44; Д. 248. Л. 4–5об., 23, 23об., 28–29об.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 1об., 5, 22–30, 51, 54–55, 64–81; Д. 19. Л. 26–37, 56–63, 64–84, 89–112; Д. 105. Л. 16об., 17; Д. 108. Л. 10–20; Д. 337. Л. 14–38; Д. 342. Л. 6, 9–27; Д. 343. Л. 10, 14–32; Д. 344. Л. 18, 20–26; Ф. 364. Оп. 1. Д. 3455. Л. 1–11; Д. 4399. Л. 1–12; Д. 7547. Л. 1–12; Ф. 435. Оп. 1. Д. 122. Л. 2–9; Д. 185. Л. 2–21; Д. 237. Л. 2–17; Ф. 436. Оп. 1. Д. 138. Л. 2–11; Ф. 437. Оп. 1. Д. 76. Л. 3–6об.; Д. 125. Л. 4–8; Д. 149. Л. 2–12; Д. 187. Л. 4–6; Ф. 438. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–8; Д. 53. Л. 2–4; Д. 75. Л. 4–9; Д. 100. Л. 4–9.

Среднегодовые неокладные доходы монастырей Вологодской губернии в 1796–1917 годах, руб.

Монастыри	1796–	1810–	1821–	1831–	1841–	1851–	1861–	1871–	1881–	1891–	1901–	1911–
	1806	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1917
Вологодский уезд												
(1) Спасо-Прилуцкий, муж.	-	468	5 729	4 844	-	2 623	3 503	6 164	6 908	8 701	10 577	8 892
(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов), муж.	1 086	1 119	3 193	3 685	-	3 910	4 169	6 931	12 714	11 725	14 596	16 300
(4) Сямский Богородице-Рождественский, муж.	-	-	-	-	-	-	-	-	4 687	-	5 922	4 976
(5) Горне-Успенский, жен.	-	2 135	-	2 293	2 268	2 226	4 738	-	8 360	7 486	9 786	15 158
Грязовецкий уезд												
(6) Арсениево-Комельский, муж. (с 1904 г. – жен.)	-	-	-	-	-	-	-	3 371	3 149	2 186	-	5 778
(7) Корнильево-Комельский, муж.	-	-	-	-	-	-	-	-	6 156	6 633	-	-
(8) Павло-Обнорский, муж.	-	-	-	-	-	-	6 799	-	6 460	3 241	-	9 331
Кадниковский уезд												
(9) Дионисијево-Глушицкий Сосновецкий, муж.	-	-	-	-	-	-	-	2 516	3 418	-	-	-
(10) Лопотов Богородицкий, муж.	-	-	-	-	-	-	-	-	7 165	-	-	-
(22) Семитородный Успенский, муж.	-	-	-	-	-	-	-	-	8 501	-	-	-

Монастыри	1796– 1806	1810– 1820	1821– 1830	1831– 1840	1841– 1850	1851– 1860	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1917
	Тотемский уезд											
(11) Спасо-Суморин, муж.	-	-	-	-	-	-	-	-	16 719	15 513	-	23 298
Великоустюгский уезд												
(12) Михайло-Архангельский, муж.	758	2 341	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1 075
(13) Троицкий Гledenский, муж. (с 1912 г. –жен.)	-	-	440	-	-	-	-	-	-	-	-	5 856
(14) Знаменно-Филипповский, муж. (с 1908 г. – жен.)	99	-	-	-	-	-	861	407	936	811	-	-
(15) Николаево-Прилуцкий, муж.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2 714	-	4 028
(16) Иоанно-Предтечев, жен.	-	-	-	-	-	1 637	1 723	3 134	3 588	4 227	-	-
Сольвычегодский уезд												
(18) Коряжемский Николаевский, муж.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7 963
Усть-Сысольский уезд												
(19) Ульяновский Троицко-Стефановский, муж.	-	-	-	-	-	-	785	10 610	12 264	13 266	18 282	29 766
Яренский уезд												
(20) Кытловский Крестовоздвиженский, жен.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	62 893	10 369	14 641

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (1–20) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отраженным на карте-схеме. 2. Знак «-» означает, что сведения в источниках не выявлены. 3. Сведения о доходах в монастырях округлены до целых рублей, переведены на серебряный номинал и указаны вместе с выявленными данными по приписным обителям.

Составлено по:

1. ГАВО, Ф. 511. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–62об.; Д. 34. Л. 1–5; Д. 51. Л. 27; Д. 62. Л. 1–89об.; Д. 88. Л. 2–100б.; Д. 113. Л. 12–29; Д. 142. Л. 1; Д. 154. Л. 2–20б.; Д. 178. Л. 29–30; Ф. 512. Оп. 1. Д. 358. Л. 1–14; Д. 359. Л. 1–19; Д. 360. Л. 1–150б.; Д. 405. Л. 1–50б.; Д. 446. Л. 1–17; Д. 479. Л. 1–15; Д. 532. Л. 1–6; Д. 544. Л. 1–48; Д. 654. Л. 7–12; Д. 738. Л. 1–11; Д. 759. Л. 1–48; Д. 820. Л. 1–20б.; Д. 823. Л. 1–40б.; Д. 875. Л. 1–120б.; Д. 877. Л. 1–3; Д. 1014. Л. 23–30; Д. 1325. Л. 1; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–3; Ф. 521. Оп. 1. Д. 142. Л. 22–27, 34; Д. 155. Л. 20–25; Д. 1228. Л. 10б.–40б.; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–8; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–120б.; Д. 11. Л. 1–6, 38–39; Д. 15. Л. 1–130б.; Д. 20. Л. 1–4, 140б.–17; Д. 23. Л. 1–70б.; Д. 34. Л. 1–160б.; Д. 50. Л. 26–33; Д. 51. Л. 1–35; Д. 62. Л. 1–26, 145–66; Д. 77. Л. 1–17; Д. 79. Л. 9–10, 15–18; Д. 81. Л. 1–90б.; Д. 104. Л. 1–12; Д. 113. Л. 1–26; Д. 114. Л. 1–450б.; Д. 132. Л. 20б.–3; Д. 144. Л. 1–50б.
2. ГУ РК «НА РК», Ф. 232. Оп. 1. Д. 23. Л. 30б.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–19, 53–540б., 64–81; Д. 31. Л. 1–3; Д. 105. Л. 17; Д. 108. Л. 7–25; Д. 142. Л. 100б.; Д. 191. Л. 220б.; Д. 241. Л. 340б.; Д. 337. Л. 9–90б.; Д. 341. Л. 6–60б.; Д. 342. Л. 106.–30б., 9–27; Д. 343. Л. 6, 360б.–390б.; Д. 344. Л. 120б.–150б.; Ф. 364. Оп. 1. Д. 1624. Л. 1–7, 9–12, 14–18, 26–35; Д. 3277. Л. 1–60б.; Д. 3515. Л. 1–6; Д. 3970. Л. 1–5; Д. 4280. Л. 1–10; Д. 4281. Л. 1–19; Д. 4398. Л. 1–80б.; Д. 4399. Л. 1–12; Д. 4535. Л. 1–10; Ф. 435. Оп. 1. Д. 129. Л. 10б.–40б.; Д. 182. Л. 10б.–30б.; Д. 242. Л. 10б.–40б.; Д. 296. Л. 21–27; Ф. 436. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–20б.; Ф. 437. Оп. 1. Д. 124. Л. 10б.–30б.; Д. 148. Л. 2–6; Д. 186. Л. 1–12; Ф. 438. Оп. 1. Д. 37. Л. 4, 6–8; Д. 53. Л. 2–3; Д. 75. Л. 4–8; Д. 100. Л. 4–7.

Среднегодовые неокладные доходы на одного проживающего
в монастырях Вологодской губернии в 1810–1917 годах, руб. на чел.

Монастыри	1810–	1821–	1831–	1851–	1861–	1871–	1881–	1891–	1901–	1911–
	1820	1830	1840	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1917
Вологодский уезд										
(1) Спасо-Прилуцкий, муж.	11,41	477,42	284,94	-	166,81	308,20	406,35	310,75	881,42	808,36
(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов), муж.	53,29	158,05	-	100,26	320,69	495,07	577,91	509,78	394,49	452,78
(4) Сямский Богородице-Рождественский, муж.	-	-	-	-	-	-	360,54	-	740,25	622,00
(5) Горне-Успенский, жен.	27,73	-	81,89	17,67	67,69	-	84,44	92,42	-	222,91
Грязовецкий уезд										
(6) Арсениево-Комельский, муж. (с 1904 г. – жен.)	-	-	-	-	-	124,85	108,59	198,73	-	69,61
(7) Корнильево-Комельский, муж.	-	-	-	-	-	-	212,28	221,10	-	-
(8) Павло-Обнорский, муж.	-	-	-	-	453,27	-	496,92	111,76	-	491,11
Кадниковский уезд										
(9) Дионисиево-Глушицкий Сосновецкий, муж.	-	-	-	-	-	93,19	-	-	-	-
(10) Лопотов Богородицкий, муж.	-	-	-	-	-	-	311,52	-	-	-
Тотемский уезд										
(11) Спасо-Суморин, муж.	-	-	-	-	-	-	619,22	517,10	-	776,60
Великоустюгский уезд										
(12) Михайло-Архангельский, муж.	80,72	-	-	-	-	-	-	-	-	-
(13) Троицкий Гledenский, муж. (с 1912 г. –жен.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	124,60

Монастыри	1810-1820	1821-1830	1831-1840	1851-1860	1861-1870	1871-1880	1881-1890	1891-1900	1901-1910	1911-1917
(14) Знаменно-Филипповский, муж. (с 1908 г. – жен.)	-	-	-	-	78,27	29,07	133,71	135,17	-	-
(15) Николаево-Прилуцкий, муж.	-	-	-	-	-	-	-	208,77	-	335,67
(16) Иоанно-Предтечев, жен.	-	-	-	60,63	23,93	56,98	92,00	36,44	-	-
Сольвычегодский уезд										
(18) Коряжмский Николаевский, муж.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	130,54
Усть-Сысольский уезд										
(19) Ульяновский Троицко-Стефановский, муж.	-	-	-	-	112,14	312,06	204,40	224,85	243,76	367,48
Яренский уезд										
(20) Кылтовский Крестовоздвиженский, жен.	-	-	-	-	-	-	-	1 965,41	195,64	102,38

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (1–20) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме. 2. Знак «» означает, что сведения в источниках не выявлены. 3. Сведения о доходах в монастырях переведены на серебряный номинал и указаны вместе с выявленными данными по приписным обителям.

Составлено по:

- ГАВРО Ф. 511. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–62об.; Д. 34. Л. 1–5; Д. 51. Л. 27; Д. 62. Л. 1–89об.; Д. 88. Л. 2–10об.; Д. 113. Л. 12–29; Д. 142. Л. 1; Д. 154. Л. 2–2об.; Д. 178. Л. 29–30; Ф. 512. Оп. 1. Д. 358. Л. 1–14; Д. 359. Л. 1–19; Д. 360. Л. 1–15об.; Д. 405. Л. 1–5об.; Д. 446. Л. 1–17; Д. 479. Л. 1–15; Д. 532. Л. 1–6; Д. 544. Л. 1–48; Д. 654. Л. 7–12; Д. 758. Л. 1–11; Д. 759. Л. 1–48; Д. 820. Л. 1–2об.; Д. 823. Л. 1–4об.; Д. 875. Л. 1–12об.; Д. 877. Л. 1–3; Д. 1014. Л. 23–30; Д. 1325. Л. 1; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–3; Ф. 521. Оп. 1. Д. 142. Л. 22–27, 34; Д. 155. Л. 20–25; Д. 1228. Л. 1об.–4об.; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–8; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–12об.; Д. 11. Л. 1–6, 38–39; Д. 15. Л. 1–13об.; Д. 20. Л. 1–4, 14об.–17; Д. 23. Л. 1–7об.; Д. 34. Л. 1–16об.; Д. 50. Л. 26–33; Д. 51. Л. 1–35; Д. 62. Л. 1–26, 145–66; Д. 77. Л. 1–17; Д. 79. Л. 9–10, 15–18; Д. 81. Л. 1–9об.; Д. 104. Л. 1–12; Д. 113. Л. 1–26; Д. 114. Л. 1–45об.; Д. 132. Л. 2об.–3; Д. 144. Л. 1–5об.
- ГУ РК «НА РК», Ф. 232. Оп. 1. Д. 23. Л. 3об.
- МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19; Л. 2–19, 53–54об., 64–81; Д. 31. Л. 1–3; Д. 105. Л. 17; Д. 108. Л. 7–25; Д. 142. Л. 10об.; Д. 191. Л. 22об.; Д. 241. Л. 34об.; Д. 337. Л. 9–9об.; Д. 341. Л. 6–6об.; Д. 342. Л. 1об.–3об., 9–27; Д. 343. Л. 6, 36об.–39об.; Д. 344. Л. 12об.–15об.; Ф. 364. Оп. 1. Д. 1624. Л. 1–7, 9–12, 14–18, 26–35; Д. 3277. Л. 1–6об.; Д. 3515. Л. 1–6; Д. 3970. Л. 1–5; Д. 4280. Л. 1–10; Д. 4281. Л. 1–19; Д. 4398. Л. 1–8об.; Д. 4399. Л. 1–12; Д. 4535. Л. 1–10; Ф. 435. Оп. 1. Д. 129. Л. 1об.–4об.; Д. 182. Л. 1об.–3об.; Д. 242. Л. 1об.–4об.; Д. 296. Л. 21–27; Ф. 436. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–2об.; Ф. 437. Оп. 1. Д. 124. Л. 1об.–3об.; Д. 148. Л. 2–6; Д. 186. Л. 1–12; Ф. 438. Оп. 1. Д. 37. Л. 4, 6–8; Д. 53. Л. 2–3; Д. 75. Л. 4–8; Д. 100. Л. 4–7.

**Структура земельных угодий в монастырях Вологодской губернии
в 1851–1915 годах, дес. и %**

Монастыри, пустыни	Год	Измере- ние	Пашня	Сено- кос	Лес и прочие	Итого
Вологодский уезд						
(1) Спасо-Прилуцкий, муж.	1851	дес.	0	35,6	12,1	47,7
		%	0	74,6	25,4	100,0
	1891	дес.	0	31,3	3,1	34,4
		%	0	91,0	9,0	100,0
(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов), муж.	1880	дес.	0	0	337,8	337,8
		%	0	0	100,0	100,0
	1910	дес.	0	0	337,8	337,8
		%	0	0	100,0	100,0
(3) Спасо-Каменный, муж.	1910	дес.	0	0	0,1	0,1
		%	0	0	100,0	100,0
(4) Сямский Богородице- Рождественский, муж.	1891	дес.	36,2	65,1	1 111,5	1 212,8
		%	3,0	5,4	91,6	100,0
	1914	дес.	0	65,0	1 258,6	1 323,6
		%	0	4,9	95,1	100,0
(5) Горний Успенский, жен.	1870– 1880	дес.	25,0	119,0	9,7	153,7
		%	16,3	77,4	6,3	100,0
	1881– 1890	дес.	25,0	119,0	9,7	153,7
		%	16,3	77,4	6,3	100,0
	1911	дес.	25,0	119,0	9,7	153,7
		%	16,3	77,4	6,3	100,0
Грязовецкий уезд						
(6) Арсениево- Комельский, мужской (с 1904 г. – жен.)	1885	дес.	18,3	0	106,6	124,9
		%	14,7	0	85,3	100,0
	1899	дес.	18,3	0	106,6	124,9
		%	14,7	0	85,3	100,0
(7) Корнильево- Комельский, муж.	1885	дес.	-	-	-	170,5
		%	-	-	-	100,0
	1891	дес.	-	-	-	170,5
		%	-	-	-	100,0

Продолжение Приложения 8

Монастыри, пустыни	Год	Измерение	Пашня	Сенокос	Лес и прочие	Итого
(8) Павло-Обнорский, муж.	1871	дес.	0	157,0	154,0	311,0
		%	0			100,0
	1893	дес.	32,8	0	279,5	312,3
		%	10,5	0	89,5	100,0
	1912	дес.	48,5	0	263,8	312,3
		%	15,5	0	84,5	100,0
Кадниковский уезд						
(9) Глушицкий Покровский, муж.	1887	дес.	18,3	0	50,3	68,6
		%	26,7	0	79,3	100,0
(10) Лопотов Григорьево-Пельшемский, муж.	1875	дес.	47,4	119,3	21,5	188,3
		%	25,2	63,4	11,4	100,0
(22) Семигородняя Успенская, жен.	1882	дес.	35,0	100,0	2 441,9	2 576,9
		%	1,4	3,9	94,8	100,0
Тотемский уезд						
(11) Спасо-Суморин, муж.	1890	дес.	21,0	3,3	103,9	128,2
		%	16,4	2,6	81,0	100,0
Великоустюгский уезд						
(12) Михайло-Архангельский, муж.	1890	дес.	-	-	-	206,3
		%	-	-	-	100,0
	1904	дес.	-	-	-	206,3
		%	-	-	-	100,0
(15) Николаевский Прилуцкий, муж.	1890	дес.	12,0	107,0	61,0	180,0
		%	6,7	59,4	33,9	100,0
	1902	дес.	12,0	107,0	131,0	250,0
		%	4,8	42,8	52,4	100,0
(16) Иоанно-Предтечев, жен.	1890	дес.	61,5	21,9	33,1	116,5
		%	52,8	18,8	28,4	100,0
Сольвычегодский уезд						
(17) Сольвычегодский Введенский, муж.	1890	дес.	8,4	25,5	68,3	102,3
		%	8,2	24,9	66,8	100,0

(18) Коряжемский Николаевский, муж.	1890	дес.	2,0	30,0	150,0	182,0
		%	1,1	16,5	82,4	100,0
	1915	дес.	2,0	30,0	264,0	296,0
		%	0,7	10,1	89,2	100,0
Монастыри, пустыни	Год	Измере- ние	Пашня	Сено- кос	Лес и прочие	Итого
Усть-Сысольский уезд						
(19) Ульяновский Стефановский, муж.	1882	дес.	20,0	60,0	735,5	815,5
		%	2,5	7,4	90,2	100,0
	1890	дес.	30,0	61,0	724,5	815,5
		%	3,7	7,5	88,8	100,0
	1904	дес.	40,0	50,0	725,5	815,5
		%	4,9	6,9	89,0	100,0
	1915	дес.	40,0	63,0	712,5	815,5
		%	4,9	7,7	87,4	100,0
Яренский уезд						
(20) Кытловский Крестовоздвижен- ский, жен.	1900	дес.	20,0	20,0	2 460,0	2 500,0
		%	0,8	0,8	98,4	100,0
	1914	дес.	47,5	42,0	2 500,5	2 590,0
		%	1,8	1,6	96,5	100,0

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (1–22) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме. 2. Десятина (дес.) – единица земельной площади, равная 1,09 га или 2 400 кв. саж. 3. Площадь монастырских угодий указана вместе с приписными объектами. 4. В графе «Лес и прочие» содержатся сведения о лесных угодьях, местах для рыбной ловли на реках и озерах, землях под мельницами, огородами, а также так называемых «неудобных землях» (дороги, гати, болота и другие немногочисленные участки).

Составлено по:

1. ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 144. Л. 84об., 85; Д. 226. Л. 6; Ф. 512. Оп. 1. Д. 672. Л. 2, 3; Д. 972. Л. 7, 7об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 2об., 7; Д. 18. Л. 3об.; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 6–7, 14–15; Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 5–6; Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 2; Д. 112. Л. 50; Ф. 523. Оп. 1. Д. 203. Л. 2об., 3, 4; Ф. 562. Оп. 1. Д. 113. Л. 155об., 156, 157об.; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 79. Л. 18; Д. 86. Л. 7об., 14; Д. 104. Л. 6об., 7.

2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 139. Л. 5об.; Д. 302. Л. 1об.

3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 32, 121; Д. 19. Л. 12, 51, 53, 54об.; 78об., 89; Д. 108. Л. 6об.; Д. 188. Л. 12; Д. 337. Л. 7; Д. 341. Л. 6; Д. 343. Л. 6, 7; Д. 344. Л. 9об.; Ф. 436. Оп. 1. Д. 137. Л. 4; Ф. 438. Оп. 1. Д. 53. Л. 7об.; Д. 75. Л. 2; Д. 100. Л. 2–2об.

4. Сойкин П.П. Спасо-Каменный монастырь в Вологодском уезде // Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне / сост. П.П. Сойкин [Репринтное изд. 1910 г.]. СПб., 1994. С. 90–93.

**Посевы зерновых культур в монастырях Вологодской губернии
в 1870–1915 годах**

Монастыри, пустыни	Год	Пшеница		Овёс		Рожь		Ячмень	
		четв.	пуд.	четв.	пуд.	четв.	пуд.	четв.	пуд.
Вологодский уезд									
(2) Свято-Духов, муж.	1910	1,38	-	26,41	-	6,13	-	-	-
	1914	0,25	-	21,63	-	5,75	-	1,50	-
(4) Сямский Бого- родице-Рождествен- ский, муж.	1906	1,00	-	37,00	-	12,00	-	2,0	-
	1914	-	-	30,00	-	11,00	-	-	-
(5) Горне-Успенский, жен.	1913	2,00	-	28,00	-	12,00	-	2,50	-
Грязовецкий уезд									
(8) Павло-Обнор- ский, муж.	1885	-	-	-	240	-	165	-	-
	1890	-	-	-	120	-	116	-	25
	1912	-	-	-	250	-	200	-	-
Кадниковский уезд									
(10) Лопотов Бого- родицкий, муж.	1875	3,00	-	50,00	-	25,00	-	8,00	-
(22) Семигородняя Успенская пустынь, муж.	1882	-	-	50,00	-	16,00	-	-	-
Тотемский уезд									
(11) Спасо-Суморин, муж.	1887	-	-	15,13	-	4,63	-	-	-
	1890	-	-	26,75	-	8,88	-	-	-
Великоустюгский уезд									
(15) Николаево- Прилуцкий, муж.	1890	-	-	2,00		2,00	-	3,00	-
	1915	-	-	-	20	-	25	-	20
Сольвычегодский уезд									
(17) Сольвычегод- ский Введенский, муж.	1890	-	-	-	-	2,00	-	3,00	-
(18) Коряжемский Николаевский, муж.	1890	-	-	-	-	-	8	-	7
	1915	-	-	-	65	-	30	-	20
Усть-Сысольский уезд									

(19) Ульяновский Троицко-Стефанов- ский, муж.	1915	-	15	-	30	-	60	-	-
---	------	---	----	---	----	---	----	---	---

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (2–22) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме. 2. Данные в источниках по ряду обителей приведены в четвертях (четв.) – единице измерения объёма сыпучих тел: одна четверть равна восьми четверикам, что составляет примерно 209,91 л. Данные по ряду других обителей приведены в пудах – единице измерения массы, равной примерно 16,38 кг. 3. Сведения об урожаях в монастырях указаны вместе с выявленными данными по приписным обителям. 4. По ряду обителей сведения о посевах зерновых не выявлены.

Составлено по:

1. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19701. Л. 564; Ф. 511. Оп. 1. Д. 144. Л. 3; Д. 178. Л. 9об.; Д. 226. Л. 6об.; Ф. 512. Оп. 1. Д. 133. Л. 11об.–13; Д. 1341. Л. 33об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 2об., 7; Д. 18. Л. 3об., 9, 12, 12об.; Ф. 515. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 7; Д. 178; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 6 об., 14об.; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 10, 10об.; Д. 119. Л. 7об.; Д. 122. Л. 49об.; Д. 142. Л. 94; Д. 155. Л. 1об.; Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 2; Ф. 523. Оп. 1. Д. 157. Л. 15; Д. 203. Л. 2об.; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 42, 156об., 157; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 79. Л. 15; Д. 86. Л. 14; Д. 132. Л. 5; Д. 142. Л. 4об.; Д. 154. Л. 4.
2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 139. Л. 5–6; Д. 302. Л. 1об.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 52об., 54об., 78об.; Д. 341. Л. 5; Д. 342. Л. 3, 3об.; Д. 343. Л. 7; Д. 344. Л. 9об.; Ф. 364. Оп. 1. Д. 7547. Л. 12.

**Урожайность зерновых в монастырях Вологодской губернии
в 1870–1916 годах, «самы»**

Монастыри, пустыни	Год	Озимые (рожь)	Пше- ница	Овёс	Ячмень	Итого яровые	Всего зерно- вые
Вологодский уезд							
(2) Свято-Духов, муж.	1910	4,2	2,5	2,5	0,0	2,5	2,8
	1914	4,2	2,5	2,5	1,4	2,4	2,8
(4) Сямский Богородице- Рождественский, муж.	1906	7,6	0,0	4,9	2,0	4,0	4,7
	1914	7,0	0,0	2,0	0,0	2,0	3,3
(5) Горне- Успенский, жен.	1913	6,5	2,3	2,6	4,4	2,7	3,7
Грязовецкий уезд							
(8) Павло- Обнорский, муж.	1885	3,2	0,0	4,1	0,0	4,1	3,7
	1890	7,2	0,0	6,0	9,6	6,6	6,9
	1912	5,0	0,0	4,0	0,0	4,0	4,4
Тотемский уезд							
(11) Спасо- Суморин, муж.	1887	9,1	0,0	4,6	0,0	4,6	5,7
	1890	14,0	0,0	5,0	0,0	5,0	7,3
Великоустюгский уезд							
(15) Николаево- Прилуцкий, муж.	1890	10,0	0,0	4,0	8,7	6,8	8,0
	1915	8,0	0,0	3,0	3,0	3,0	4,9
Сольвычегодский уезд							
(17) Сольвычегод- ский Введенский, муж.	1890	12,5	0,0	0,0	10,0	10,0	11,0
(18) Коряжемский Николаевский, муж.	1915	7,3	0,0	3,8	4,5	4,0	4,9
Усть-Сысольский уезд							
(19) Ульяновский Троицко- Стефановский, муж.	1915	4,0	3,0	3,3	0,0	3,2	3,7

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (2–19) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме. 2. Сведения приведены в «самах», в которых фиксировалась урожайность в России в течение нескольких столетий и которые выводились как результат деления сборов хлебов на их посев (в четвертях или пуд.). 3. Сведения об урожайности в основных монастырях указаны вместе с выявленными данными по приписным обителям. 4. По ряду обителей сведения об урожайности зерновых не выявлены.

Составлено по:

1. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19701. Л. 564; Ф. 511. Оп. 1. Д. 144. Л. 3; Д. 178. Л. 9об.; Д. 226. Л. 6об.; Ф. 512. Оп. Д. 133. Л. 11об.–13; Д. 1341. Л. 33об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 2об., 7; Д. 18. Л. 3об., 9, 12, 12об.; Ф. 515. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 7; Д. 178; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 6об., 14об.; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 10, 10об.; Д. 119. Л. 7об.; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 42, 156об., 157; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 79. Л. 15; Д. 86. Л. 14; Д. 132. Л. 5; Д. 142. Л. 4об.; Д. 154. Л. 4.

2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 139. Л. 5–6; Д. 302. Л. 1об.

3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 52об., 54об., 78об.; Д. 341. Л. 5; Д. 342. Л. 3, 3об.; Д. 343. Л. 7; Д. 344. Л. 9об.; Ф. 364. Оп. 1. Д. 7547. Л. 12.

**Сборы зерновых в монастырях Вологодской губернии
в 1870–1916 годах**

Монастыри, пустыни	Год	Пшеница		Овёс		Рожь		Ячмень	
		четв.	пуд.	четв.	пуд.	четв.	пуд.	четв.	пуд.
Вологодский уезд									
(2) Свято-Духов, муж.	1910	3,51	-	66,00	-	26,00	-	-	-
	1914	0,63	-	33,13	-	24,38	-	2,13	-
(3) Спасо- Каменный, муж.	1909	-	-	5,00	-	6,50	-	-	-
(4) Сямский Богородице- Рождественский, муж.	1906	-	-	180,00	-	91,00	-	10,00	-
	1914	-	-	60,00	-	77,00	-	-	-
(5) Горне- Успенский, жен.	1870	5,00	-	55,00	-	90,00	-	2,00	-
	1881	8,00	-	70,00	-	65,00	-	6,00	-
	1890	7,50	-	140,00	-	110,38	-	3,00	-
	1913	4,50	-	72,00	-	78,00	-	11,00	-
Грязовецкий уезд									
(6) Арсениево- Комель-ский, муж. (с 1912 г. – жен.)	1897	-	-	65,00	-	57,00	-	17,00	-
	1899	8,00	-	85,00	-	40,00	-	3,88	-
	1913	3,00	-	41,50	-	18,00	-	11,50	-
(8) Павло- Обнорский, муж.	1885	-	-	-	987	-	520	-	-
	1890	-	-	-	720	-	840	-	240
	1912	-	-	-	1 000	-	1 000	-	-
Кадниковский уезд									
(9) Дионисиево- Глушицкий Сосновецкий, муж.	1875	3,00	-	91,50	-	40,00	-	9,38	-
	1893	-	-	80,00	-	60,00	-	-	-
	1902	1,38	-	18,75	-	6,00	-	2,25	-
Тотемский уезд									
(11) Спасо- Суморин, муж.	1887	-	-	70,00	-	42,00	-	-	-
	1890	-	-	134,88	-	124,68	-	-	-
	1913	-	-	87,25	-	96,25	-	-	-
Великоустюгский уезд									
(15) Николаево- Прилуцкий, муж.	1890	-	-	8,00	-	20,00	-	26,00	-
	1915	-	-	-	60	-	200	-	60

Монастыри, пустыни	Год	Пшеница		Овёс		Рожь		Ячмень	
		четв.	пуд.	четв.	пуд.	четв.	пуд.	четв.	пуд.
Сольвычегодский уезд									
(17) Сольвыче- годский Введен- ский, муж.	1890	-	-	-	-	25,00	-	30,00	-
(18) Коряжем- ский Николаев- ский, муж.	1915	-	-	-	250	-	220	-	90
Усть-Сысольский уезд									
(19) Ульяновский Троицко- Стефановский, муж.	1915	-	45	-	100	-	240	-	-
Яренский уезд									
(20) Кылтовский Крестовоздви- женский, жен.	1895	-	8	-	19	-	356	-	240
	1916	-	-	-	10	-	480	-	300

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (2–20) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме. 2. Сведения по ряду обителей приведены в четвертях (четв.) – единице измерения объёма сыпучих тел: одна четверть равна восьми четверикам, что составляет примерно 209,91 л. Данные по ряду других обителей приведены в пудах – единице измерения массы, равной примерно 16,38 кг. 3. Сведения об урожаях в монастырях указаны вместе с выявленными данными по приписным обителям. 4. По ряду обителей сведения о сборах зерновых не выявлены.

Составлено по:

1. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19701. Л. 564; Ф. 511. Оп. 1. Д. 144. Л. 3; Д. 178. Л. 9об.; Д. 226. Л. 6об.; Ф. 512. Оп. 1. Д. 133. Л. 11об.–13; Д. 1341. Л. 33об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 2об., 7; Д. 18. Л. 3об., 9, 12, 12об.; Ф. 515. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 7; Д. 178; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 6 об., 14об.; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 10, 10об.; Д. 119. Л. 7об.; Д. 122. Л. 49об.; Д. 142. Л. 94; Д. 155. Л. 1об.; Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 2; Ф. 523. Оп. 1. Д. 157. Л. 15; Д. 203. Л. 2об.; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 42, 156об., 157; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 79. Л. 15; Д. 86. Л. 14; Д. 132. Л. 5; Д. 142. Л. 4об.; Д. 154. Л. 4.

2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 139. Л. 5–6; Д. 302. Л. 1об.

3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 52об., 54об., 78об.; Д. 341. Л. 5; Д. 342. Л. 3, 3об.; Д. 343. Л. 7; Д. 344. Л. 9об.; Ф. 364. Оп. 1. Д. 7547. Л. 12.

**Поголовье скота в монастырях Вологодской губернии
в 1865–1915 годах, голов**

Монастыри, пустыни	Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Мелкий скот	Всего
Вологодский уезд					
(1) Спасо-Прилуцкий, муж.	1891	3	10	0	13
(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов), муж.	1880	3	13	0	16
	1910	4	14	0	18
	1914	4	13	0	17
(4) Сямский Богородицкий, муж.	1906	16	42	0	58
	1914	10	27	0	37
(5) Горний Успенский, жен.	1870	0	30	0	30
	1881	8	27	0	35
	1890	11	34	0	45
	1911	12	31	0	43
Грязовецкий уезд					
(6) Арсениево-Комельский, муж. (с 1912 г. – жен.)	1897	5	26	0	31
	1913	4	17	0	21
	1915	6	16	0	22
(7) Корнильево-Комельский, муж.	1891	5	5	0	10
(8) Павло-Обнорский, муж.	1871	7	14	0	21
	1885	7	23	0	30
	1890	8	26	0	34
	1893	6	17	0	23
	1912	-	-	-	36
	1913	5	12	0	17
Кадниковский уезд					
(9) Глушицкий Покровский, муж.	1877	7	35	0	42
	1887	5	25	0	30
	1902	18	37	0	55
(10) Лопотов Богородицкий, муж.	1875	20	40	0	60
(22) Семигородная Успенская, муж.	1882	12	50	0	62

Монастыри, пустыни	Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Мелкий скот	Всего
Тотемский уезд					
(11) Спасо-Суморин, муж.	1887	17	20	0	37
	1890	12	24	0	36
	1913	12	20	0	32
Великоустюгский уезд					
(12) Михайло-Архангельский, муж.	1865	4	13	0	17
(14) Знаменно-Филипповская, муж.	1880	2	2	0	4
	1890	1	1	0	2
(15) Николаево-Прилуцкий, муж.	1890	4	8	0	12
(16) Иоанно-Предтечев, жен.	1890	7	5	12	24
Сольвыгодский уезд					
(17) Сольвыгодский Введенский, муж.	1890	9	26	5	40
(18) Коряжемский Николаевский, муж.	1915	6	14	5	25
Усть-Сысольский уезд					
(19) Троицко-Стефановский Ульяновский, муж.	1887	16	25	8	49
	1890	20	30	8	58
	1914	27	40	3	70
Яренский уезд					
(20) Кылтовский Крестовоздвиженский, жен.	1900	7	36	50	93
	1914	17	27	32	76

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (1–20) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме; 2. Знак «-» означает, что сведения в источниках не выявлены; 3. Показатели о количестве скота в монастырях указаны вместе с выявленными данными по приписным обителям.

Составлено по:

1. ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 144. Л. 87; Д. 226. Л. 4, 6об.; Д. 349. Л. 352, 355об., 356; Д. 178. Л. 9, 9об., 10; Ф. 512. Оп. 1. Д. 972. Л. 7; Д. 1337. Л. 12, 12об., 13; Д. 1341. Л. 33об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 2об., 7; Д. 18. Л. 3об.; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 6об.; Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 5; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 10; Д. 119. Л. 7; Д. 122. Л. 49; Д. 142. Л. 93; Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 2; Ф. 523. Оп. 1. Д. 157. Л. 5–8; Д. 203. Л. 3, 4; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 79. Л. 15, 18; Д. 86. Л. 6об., 7об., 14; Д. 142. Л. 4, 4об.
2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 139. Л. 5об.; Д. 371. Л. 9об.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 32; Д. 19. Л. 12, 53, 59об., 78об., 121; Д. 342. Л. 3об.; Д. 343. Л. 7об.; Ф. 436. Оп. 1. Д. 137. Л. 2; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 41об., 155об.

**Количество скота в расчёте на 100 человек, проживающих
в монастырях Вологодской губернии в 1865–1915 годах, голов**

Монастыри, пустыни	Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Мелкий скот	Всего
Вологодский уезд					
(1) Спасо-Прилуцкий, муж.	1891	10,7	35,7	0	46,4
(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов), муж.	1880	13,6	59,1	0	72,8
	1910	11,1	38,9	0	50,0
	1914	11,1	36,1	0	47,2
(4) Сямский Богородицкий, муж.	1906	200,0	525,0	0	725,0
	1914	125,0	337,5	0	462,5
(5) Горне-Успенский, жен.	1870	0,0	26,8	0	26,8
	1881	8,1	27,3	0	35,4
	1890	13,6	42,0	0	35,6
	1911	17,6	45,6	0	63,2
Грязовецкий уезд					
(6) Арсениево-Комельский, муж. (с 1912 г. – жен.)	1897	45,5	236,4	0	281,8
	1913	4,9	20,5	0	25,3
	1915	7,2	19,3	0	26,5
(7) Корнильево-Комельский, муж.	1891	16,7	16,7	0	33,3
(8) Павло-Обнорский, муж.	1871	23,3	46,7	0	70,0
	1885	53,8	176,9	0	230,8
	1890	27,6	89,7	0	117,2
	1893	20,7	58,6	0	79,3
	1912	-	-	-	189,5
	1913	26,3	63,2	0	89,5
Кадниковский уезд					
(9) Дионисиево-Глушицкий Сосновецкий, муж.	1877	12,3	61,4	0	73,7
	1902	51,4	105,7	0	157,1
(10) Лопотов Богородицкий, муж.	1875	95,2	190,5	0	285,7
(22) Семигородняя Успенская, муж.	1882	52,2	217,4	0	269,6

Монастыри, пустыни	Год	Лошади	Крупный рогатый скот	Мелкий скот	Всего
Тотемский уезд					
(11) Спасо-Суморин, муж.	1887	63,0	74,1	0	137,0
	1890	40,0	80,0	0	120,0
	1913	40,0	66,7	0	106,7
Великоустюгский уезд					
(14) Знаменно-Филипповская, муж.	1880	28,6	28,6	0	57,1
	1890	16,7	16,7	0	33,3
(15) Николаево-Прилуцкий, муж.	1890	30,8	61,5	0	92,3
(16) Иоанно-Предтечев, жен.	1890	6,0	4,3	10,3	20,7
Сольвычегодский уезд					
(17) Сольвычегодский Введенский, муж.	1890	112,5	325,0	62,5	500,0
(18) Коряжемский Николаевский, муж.	1915	9,8	23,0	8,2	41,0
Усть-Сысольский уезд					
(19) Троицко-Стефановский Ульяновский, муж.	1887	26,7	41,7	13,3	81,7
	1890	33,9	50,8	13,6	98,3
	1914	33,3	49,4	3,7	86,4
Яренский уезд					
(20) Кылтовский Крестовоздвиженский, жен.	1900	13,2	68,9	94,3	175,5
	1914	11,9	18,9	22,4	53,1

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (1–20) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме. 2. Знак «-» означает, что сведения в источниках не выявлены. 3. Сведения о количестве скота в монастырях указаны вместе с выявленными данными по приписным обителям. 4. Показатели о количестве скота в расчёте на 100 человек братии подсчитаны исходя из материалов Приложений 2 и 12.

Составлено по:

1. ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 144. Л. 87; Д. 226. Л. 4, 6об.; Д. 349. Л. 352, 355об., 356; Д. 178. Л. 9, 9об., 10; Ф. 512. Оп. 1. Д. 972. Л. 7; Д. 1337. Л. 12, 12об., 13; Д. 1341. Л. 33об.; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 2об., 7; Д. 18. Л. 3об.; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 6об.; Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 5; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 10; Д. 119. Л. 7; Д. 122. Л. 49; Д. 142. Л. 93; Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 2; Ф. 523. Оп. 1. Д. 157. Л. 5–8; Д. 203. Л. 3, 4; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 79. Л. 15, 18; Д. 86. Л. 6об., 7об., 14; Д. 142. Л. 4, 4об.
2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 139. Л. 5об.; Д. 371. Л. 9об.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 8. Л. 32; Д. 19. Л. 12, 53, 59об., 78об., 121; Д. 342. Л. 3об.; Д. 343. Л. 7об.; Ф. 436. Оп. 1. Д. 137. Л. 2; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 41об., 155об.

Структура доходов в монастырях Вологодской губернии в 1890–1915 годах, руб. и %

Монастыри	Год	Изменение	Все доходы	Оклад	Неокладные доходы				итого	
					с вкладов	от аренды	от пожертвований	от хозяйства		церковные
Вологодский уезд										
(1) Спасо-Прилуцкий, муж.	1893	руб.	8 856	1 250	1 116	1 144	2 270	276	2 800	7 606
		%	100,0	14,1	12,6	12,9	25,6	3,1	28,2	85,9
(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов), муж.	1890	руб.	9 736	712	3 979	2 355	470	0	2 220	9 024
		%	100,0	7,3	40,9	24,2	4,8	0	27,8	93,7
(4) Сямский Богородице-Рождественский, муж.	1914	руб.	4 897	0	395	1 648	1 628	0	1 226	4 897
		%	100,0	0	8,1	33,7	33,2	0	25,0	100,0
(5) Горне-Успенский, жен.	1890	руб.	7 384	197	378	657	1 435	0	4 717	7 187
		%	100,0	2,7	5,1	8,9	19,4	0	63,9	97,3
Грязовецкий уезд										
(6) Арсениево-Комельский, муж. (с 1904 г. – жен.)	1890	руб.	2 657	670	35	1 013	651	0	288	1 987
		%	100,0	25,2	1,3	38,1	24,6	0	10,8	74,8
(7) Корнильево-Комельский, муж.	1890	руб.	6 730	712	1 244	1 435	2 005	284	1 050	6 018
		%	100,0	10,6	18,5	21,3	29,8	4,2	15,6	89,4
(8) Павло-Обнорский, муж.	1890	руб.	5 709	712	873	1 524	900	0	1 700	4 997
		%	100,0	12,5	15,3	26,7	15,8	0	29,8	87,5
Тотемский уезд										
(11) Спасо-Суморин, муж.	1890	руб.	15 512	0	6 751	1 013	1 786	0	5 962	15 512
		%	100,0	0	43,5	6,5	11,5	0	38,4	100,0

Монастыри	Год	Изменение	Все доходы	Оклад	Неокладные доходы					итого
					с вкладов	от аренды	от пожертвований	от хозяйства	церковные	
Великоустюгский уезд										
(12) Михайло-Архангельский, муж.	1915	руб.	4 723	1 250	0	0	2 650	0	823	3 473
		%	100,0	26,5	0	0	56,1	0	17,4	73,5
(13) Троицкий Гледенский, муж. (с 1912 г. – жен.)	1915	руб.	5 856	500	143	0	760	2 276	2 177	5 356
		%	100,0	8,5	2,4	0	13,0	38,9	37,2	91,5
(14) Знаменно-Филипповский, муж. (с 1908 г. – жен.)	1890	руб.	1 080	0	361	100	517	0	102	1 080
		%	100,0	0	33,4	9,3	47,9	0	9,4	100,0
(15) Николаево-Прилуцкий, муж.	1890	руб.	2 670	0	164	410	1 489	236	371	2 670
		%	100,0	0	6,1	15,4	55,8	8,8	13,9	100,0
(16) Иоанно-Предтечев, жен.	1890	руб.	5 625	365	2 078	232	698	1 648	604	5 260
		%	100,0	6,5	36,9	4,1	12,4	29,3	10,7	93,5
Сольвычегодский уезд										
(18) Коражемский Николаевский, муж.	1915	руб.	7 963	0	2 343	0	2 228	375	3 017	7 963
		%	100,0	0	29,4	0	28,0	4,7	37,9	100,0
Усть-Сысольский уезд										
(19) Ульяновский Троицко-Стефановский, муж.	1890	руб.	11 954	0	5 904	0	5 290	0	760	11 954
		%	100,0	0	49,4	0	44,3	0	6,4	100,0
	1904	руб.	30 731	0	22 881	0	4 605	0	3 245	30 731
		%	100,0	0	74,5	0	15,0	0	10,6	100,0
	1915	руб.	20 576	0	11 993	0	4 939	666	2 978	20 576
		%	100,0	0	58,3	0	24,0	3,2	14,5	100,0

Монастыри	Год	Изменение	Все доходы	Оклад	Неокладные доходы				итого	
					с вкладов	от аренды	от пожертвований	от хозяйства		церковные
(20) Кытловский Крестовоздвиженский, жен.	1900	руб. %	5 756 100,0	0	1 347	0	3 704	224	501	5 756
Яренский уезд										
				0	23,3	0	64,1	3,9	8,7	100,0

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (1–20) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме; 2. Сведения о доходах в монастырях округлены до целых рублей, переведены на серебряный номинал и указаны вместе с выявленными данными по приписным обителям.

Составлено по:

1. ГАРКО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1014. Л. 23–30; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 23–24, 31–38; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 113. Л. 26; Д. 132. Л. 7.
2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 195. Л. 106, 206, 306.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–9, 1806, 65; Д. 108. Л. 25; Д. 336. Л. 306–806; Д. 343. Л. 36–3906; Д. 344. Л. 1206–1506.

Структура расходов в монастырях Вологодской губернии в 1889–1915 годах, руб.

Монастыри	Год	Изменение	Все расходы	Хозяйственные нужды	Продовольствие	Церковные расходы	Благотворительность	Страхование имущества	Журналы и книги	
										руб.
Вологодский уезд										
(1) Спасо-Прилуцкий, муж.	1893	руб.	5 032	2 526	1 649	617	218	0	22	
		%	100,0	50,2	32,8	12,3	4,3	0	0,4	
	1890	руб.	8 700	4 030	2 702	1 425	526	17	0	
		%	100,0	46,3	31,1	16,4	6,0	0,2	0	
(2) Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов), муж.	1904	руб.	10 219	4 599	2 606	1 680	960	347	27	
		%	100,0	45,0	25,5	16,4	9,4	3,4	0,3	
	1914	руб.	11 916	5 547	2 119	2 676	956	596	22	
		%	100,0	46,6	17,8	22,5	8,0	5,0	0,2	
(4) Сямский Богородице-Рождественский, муж.	1889	руб.	3 762	1 649	1 651	305	131	0	26	
		%	100,0	43,8	43,9	8,1	3,5	0	0,7	
(5) Горне-Успенский, жен.	1890	руб.	6 484	3 256	1 962	897	12	352	5	
		%	100,0	50,2	30,3	13,8	0,2	5,4	0,1	
Грязовецкий уезд										
(6) Арсениево-Комельский, муж.	1899	руб.	2 621	1 541	265	531	119	152	13	
		%	100,0	58,8	10,1	20,3	4,5	5,8	0,5	
(7) Корнильево-Комельский, муж.	1891	руб.	5 635	2 559	1 689	456	539	392	0	
		%	100,0	45,4	30,0	8,1	9,6	7,0	0	
(8) Павло-Обнорский, муж.	1893	руб.	3 425	927	957	595	110	825	11	
		%	100,0	27,1	27,9	17,4	3,2	24,1	0,3	

Монастыри	Год	Изменение	Все расходы	Хозяйственные нужды	Продовольствие	Церковные расходы	Благотворительность	Страхованные имущества	Журналы и книги
Тогемский уезд									
(11) Спасо-Суморин, муж.	1890	руб.	14 998	3 707	4 004	4 904	0	100	2 283
		%	100,0	24,7	26,7	32,7	0	0,7	15,2
Великоустюгский уезд									
(12) Михайло-Архангельский, муж.	1915	руб.	1 075	139	614	250	45	19	8
		%	100,0	12,9	57,1	23,3	4,2	1,8	0,7
(13) Троицкий Гледенский, жен.	1915	руб.	5 063	3 516	917	456	80	74	20
		%	100,0	69,4	18,1	9,0	1,6	1,5	0,4
(14) Знаменно-Филипповский, муж.	1890	руб.	568	137	285	59	41	38	8
		%	100,0	24,1	50,2	10,4	7,2	6,7	1,4
(15) Николаево-Прилуцкий, муж.	1890	руб.	2 204	1 030	360	744	41	29	0
		%	100,0	46,7	16,3	33,8	1,9	1,3	0
(16) Иоанно-Предтечев, жен.	1890	руб.	4 165	2 053	1 113	572	10	402	15
		%	100,0	49,3	26,7	13,7	0,2	9,7	0,4
Сольвычегодский уезд									
(18) Коряжемский Николаевский, муж.	1915	руб.	7 630	4 715	1 531	636	331	285	132
		%	100,0	61,8	20,1	8,3	4,3	3,7	1,7
Усть-Сысольский уезд									
(19) Ульяновский Троицко-Стефановский муж.	1890	руб.	11 825	5 561	4 503	650	239	621	251
		%	100,0	47,0	38,1	5,5	2,0	5,3	2,1
1904	1904	руб.	11 023	2 925	2 489	624	2 083	2 604	298
		%	100,0	26,5	22,6	5,7	18,9	23,6	2,7

Монастыри	Год	Изменение	Все расходы	Хозяйственные нужды	Продовольствие	Церковные расходы	Благотворительность	Страхование имущества	Журналы и книги
	1915	руб. %	20 679 100,0	6 190 29,9	6 967 33,7	1 839 8,9	3 907 18,9	963 4,7	813 3,9
Яренский уезд									
(20) Кытловский Крестовоздвиженский, жен.	1900	руб.	5 330	1 980	2 056	1 015	14	209	56
		%	100,0	37,1	38,6	19,0	0,3	3,9	1,1

Примечания: 1. Отмеченные номера монастырей (1–20) в данном Приложении соответствуют номерам монастырей, отражённым на карте-схеме. 2. Сведения о расходах в монастырях округлены до целых рублей, переведены на серебряный номинал и указаны вместе с выявленными данными по приписным обителям.

Составлено по:

1. ГАВО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 178. Л. 320–324; Д. 230. Л. 99; Ф. 512. Оп. 1. Д. 1014. Л. 1–11; Д. 1228. Л. 2; Ф. 513. Оп. 1. Д. 6. Л. 36; Д. 15. Л. 26–31; Ф. 519. Оп. 1. Д. 261. Л. 8–15; Ф. 520. Оп. 1. Д. 229. Л. 24–29; Ф. 521. Оп. 1. Д. 108. Л. 112–116; Д. 122. Л. 500б.; Ф. 526. Оп. 1. Д. 113. Л. 146–151; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 114. Л. 4–73; Д. 134. Л. 1–87; Д. 144. Л. 2–6; Д. 154. Л. 23–27.
2. ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 195. Л. 4; Д. 303. Л. 9–150б.; Д. 368. Л. 12, 120б., 13.
3. МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 2–120б., 16–190б., 66, 81; Д. 108. Л. 25; Д. 342. Л. 2–4; Д. 343. Л. 37–40; Д. 344. Л. 13–16.

**Разделение братских доходов в Спасо-Каменном Духове
(Свято-Духове) монастыре в 1876 и 1891 годах**

Год, месяц	Источ- ник	В среднем на одного человека, руб.						
		На- стоя- тель	Старшая братия				Младшая братия	
			Иеро- мона- хи	Иеро- дья- коны	Свя- щен- ники	Дья- коны	Мона- хи	По- слуш- ники
1876 г.								
Январь- февраль	Церков- ные доходы	90,00	58,00	15,00	-	28,00	17,00	51,00
Март- апрель		81,66	57,00	15,00	-	25,00	8,70	47,20
Май- июнь		80,00	54,00	14,00	-	26,00	27,00	40,00
Июль- август		79,00	51,20	36,90	-	25,60	7,30	36,50
Сентябрь- октябрь		76,00	48,00	35,50	-	23,00	7,50	37,50
Ноябрь- декабрь		74,00	46,00	34,00	-	22,00	19,00	28,00
Итого за год	1 421,56	480,66	314,20	150,40	-	149,60	86,50	240,20
в %	100,0	33,8	22,1	10,6	-	10,5	6,1	16,9
Итого за год	1 421,56	480,66	614,20				326,70	
в %	100,0	33,8	43,2				23,0	
Январь- июнь	процен- ты с вкладов	160,00	113,00	30,00	-	53,00	30,00	94,00
Июль- декабрь		116,00	77,00	57,00	-	38,00	10,00	50,00
Итого за год	828,00	276,00	190,00	87,00	-	91,00	40,00	144,00
в %	100,0	33,3	23,0	10,5	-	11,0	4,8	17,4
Итого за год	828,00	276,00	368,00				184,00	
в %	100,0	33,3	44,4				22,2	
Всего за год	2 249,56	756,66	504,20	237,40	-	240,60	126,50	384,20
в %	100,0	33,6	22,4	10,6	-	10,7	5,6	17,1
Всего за год	2 249,56	756,66	982,20				510,70	

Год, месяц	Источ- ник	В среднем на одного человека, руб.						
		На- стоя- тель	Старшая братия				Младшая братия	
			Иеро- мона- хи	Иеро- дья- коны	Свя- щен- ники	Дья- коны	Мона- хи	По- слуш- ники
в %	100,0	33,6	43,7				22,7	
Всего в расчёте на человека за год		756,66	126,05	79,13	-	120,30	63,25	38,42
1891 г.								
Январь- февраль	Церков- ные доходы и про- центы с вкла- дов	141,91	70,92	15,00	30,64	38,00	10,00	85,00
Март- апрель		187,00	96,00	-	43,00	46,00	12,50	116,50
Май- июнь		113,71	74,45	-	31,45	27,45	10,75	76,25
Июль- август		125,66	57,50	-	28,75	15,00	8,00	32,36
Сентябрь- октябрь		114,75	63,20	-	23,60	-	-	82,52
Ноябрь- декабрь		204,51	111,35	4,00	36,90	-	9,50	115,70
Всего за год	2 259,83	887,54	473,42	19,00	194,34	126,45	50,75	508,33
в %	100,0	39,3	20,9	0,8	8,6	5,6	2,2	22,4
Всего за год	2 259,83	887,54	813,21				559,08	
в %	100,0	39,3	36,0				24,7	
Всего в расчёте на человека за год		887,54	118,36	19,00	194,34	126,45	50,75	33,89

Примечания: 1. Знак «-» означает, что выплаты не назначались или таковые иноки не проживали; 2. В 1891 г. в обители иеродьякон проживал только в январе-феврале и с 16 декабря, дьяконы – с 1 января по 15 августа и монахи – в январе-августе и ноябре-декабре.

Составлено по: ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 82. Л. 9-18; Д. 88. Л. 1-10; Д. 115. Л. 2-7; Д. 118. Л. 2-10.

Архиерей (епархиальный архиерей) – глава епархии в Российской империи в сане епископа, архиепископа или митрополита. С начала XIX в. существовали правящие архиереи и архиереи-викарии (викарии).

Белец, белица – человек, проживающий в монастыре, но не принявший монашеский постриг.

Бесприходная церковь – храм, в котором служили несколько священников по очереди.

Благочиние (благочиннический округ) – административно-территориальная единица в системе государственно-церковного управления Российской империи.

Благочинный – административно-судебная должность, введённая Петром I в «Духовном регламенте» 25 января 1721 г. В каждой епархии бытовали должности благочинных над церквями, монастырями и по делам раскола.

Братия (братья) – монашеская община одного монастыря.

Викариатство – церковно-административная территориальная единица, входящая в состав епархии.

Викарий – епископ во главе викариатства, находившийся в подчинении епархиального (правлящего) архиерея.

Духовная консистория – орган епархиального управления, появившийся на территории Российской империи по указу Синода «Об именовании Архиерейских домовых Правлений Консисториями» от 9 июля 1744 г. Консистории состояли из присутствия и канцелярии, члены которых избирались епархиальным архиереем из духовенства и утверждались Святейшим синодом. Одновременно консистории являлись присутственными местами при архиереях, но не входили в структуру архиерейских домов.

⁵⁶⁹ Список терминов составлен с использованием следующих изданий: Августа 4 [1799 года]. Синодский, в следствие Именнаго Июля 31. – Об учреждении соборных церквей в некоторых городах на денежном окладе; об ассигновании суммы на жалование Священно и церковнослужителям оных церквей и о перемене названий Епархий для единообразия по званию тех губерний, в коих кафедры их состоят // ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 19070. С. 750–754; Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004; Богословская энциклопедия. М.: Директмедиа Паблишинг, 2005. С. 7790; Выписка из инструкции Великоустюжскому епископу, викарию Вологодской епархии // ВЕВ. № 8. С. 71–74; Июля 9 [1744 года]. Синодский. – О именовании Архиерейских домовых Правлений Консисториями // ПСЗРИ-1. Т. XII. № 8988. С. 166–167; Покровский И.М. Русские епархии ... Казань, 1897. Т. 1; 1913. Т. 2; Православная богословская энциклопедия. СПб., 1902. Т. 3. Столбец 705–750; Список монастырей, соборов и церквей Вологодской епархии, подразделением их на благочиннические округа с указанием (по округам) благочинных // ВЕВ. 1908. № 22. Приложение. С. 1–18; Указ об учреждении Великоустюжского викариатства // ВЕВ. 1888. № 4–5. Приложение. С. 1–6; Указ об учреждении Вельского викариатства // ВЕВ. 1909. № 5; Указ об учреждении Тотемского викариатства // ВЕВ. 1868. № 4–5. Приложение. С. 1–6; Устав духовных консисторий. СПб., 1841; Цыпин В.А. Церковное право. Курс лекций. Крутой стол по религиозному образованию в Русской Православной церкви, 1994. М.: Изд-во МФТИ. С. 25.

Духовное правление – органы территориального управления, подведомственные консисториям. Открывались, как правило, в уездах на отдалённых от епархиального центра территориях.

Епархия – церковно-административный округ во главе с архиереем (епископом, архиепископом или митрополитом). В ходе административно-территориальных преобразований в конце XVIII в. почти все территории епархий стали совпадать с границами соответствующих губерний.

Казначей – должность в монастырях: монах, заведующий доходами и расходами.

Ключник (хлебодар) – должность в монастырях: монах, заведующий съестными припасами, погребом. Русская поговорка характеризует значимость этой должности: «Ключника нет, так и не монастырь».

Монастырь (обитель) – община монахов. В зависимости от устава были общежительные и необщежительные. С 1764 г. в Российской империи существовали штатные и заштатные монастыри.

Монашествующий (инок) – человек, принявший постриг и обет послушания, целомудрия и нестяжательности. По церковной иерархии иноки в Российской империи разделялись на монахов, иеродиаконов, иеромонахов, игуменов и архимандритов.

Насельник, насельница – лицо, проживающее в монастыре.

Настоятель – инок, управляющий монастырём.

Просвиряк (просвирик) – должность в монастырях: монах, пекущий хлеб для церковных обрядов (просвиры, просфоры).

Послушник – человек, проживающий в монастыре и готовящийся к принятию иночества.

Пустынь – первоначально небольшой монастырь в отдалённом, уединённом месте; в XIX – начале XX в. пустынями назывались уже и крупные, многолюдные монастыри.

Священнослужитель (пресвитер) – человек, имеющий право совершать богослужение и церковные таинства.

Церковнослужитель – человек, который имел право помогать священникам и епископам при совершении богослужений, но самостоятельно ни служить, ни совершать таинства не мог. Церковнослужители в Российской империи разделялись на дьяконов, причетников и псаломщиков.

Циркулярные указы Святейшего синода – особо важные указы, обязательные для исполнения.

Чашиник – должность в монастыре: монах, заведующий погребом, напитками.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абрамов Н.А. 185
Августин, *архимандрит* 21
Александр I 31
Александр II 18, 38, 97
Александр III 17, 97
Александр Куштский, *преподобный* 50, 164
Александр, *иеромонах* 153, 154
Алексий, *патриарх* 32
Амвросий (Рождественский-Вещезеров), *архиепископ* 78, 183, 185
Андреева Е.В. 30
Андрей, *апостол* 65
Антоний (Быстров), *епископ-викарий* 78, 185
Аркадий, *иеродиакон* 153
Арсений Комельский, *преподобный* 48, 50, 164, 165
Арсеньев Ф.А. 20, 21, 50
Артамонов Д.С. 27
Афанасьев Илья, *крестьянин* 77
Афиногентова А.П. 28, 128

Б

- Баклановская Ю.П., *учитель* 139
Балашова Т.В. 30, 77, 78, 81
Балов Е. 21
Барсов Т.В. 10, 11, 18, 37, 38, 39, 97
Безсонов Б.В. 12, 108, 121
Беликов П.В. 24
Беловинский Л.В. 214
Бельский И.Ф. 163
Благовидов Ф.В. 18, 94, 95
Блинов В.А. 24, 54
Бондаренко О.Е. 28, 134
Борисов А.М. 25
Буга, *крещеный татарин, баскак* 47, 168
Булычёв А.В. 12, 54, 55, 57, 120, 142, 143, 169
Бусева-Давыдова И.Л. 53, 98

В

- Варсанофий, *викарий* 139
Веретенников В.И. 27

Власов П.В. 28
Водарский Я.Е. 25

Г

Гавриил (Розанов), *архиепископ* 79, 183
Гавриил, *епископ-викарий* 79, 143
Гагарин Ю.В. 22, 54
Галактион (Гавриил, Гаврила Бельский), *преподобный* 46, 163
Геркулов Е.Ф. 18
Герман, *игумен* 66
Гернет М.Н. 27
Гецен В.В. 73
Глеб Василькович, *князь* 49, 163
Глубоковский Н.Н. 32
Голосов А. 21, 47
Голубев А.А. 27
Голубев Аполлон, *псаломщик* 153
Голубинский Е.Е. 17
Гончаров Ю.М. 85
Горбунов Василий, *мещанин* 91
Грекулов Е.Ф. 27
Григорий Пельшемский, *преподобный* 48, 166
Григорий, *инок* 139, 140
Гринько Е.Д. 7

Д

Данилов Павел, *крестьянин* 45
Дементьев В.В. 49
Денисов Л.И. 11
Детков Н.Г. 29
Дионисий Глушицкий (Дмитрий), *преподобный* 48, 165, 166
Дмитриев А.Д. 27
Дмитрий Прилуцкий, *игумен* 46, 163
Доброумов Николай, *благочинный* 139
Додонов Б.Ф. 7
Дойникова Н.А. 28, 52, 129, 134
Доминикия, *старица* 46, 164

Е

Екатерина II 24, 44
Емелях Л.И. 19
Ершова Н.А. 73

Есеева О.В. 23
Есипов Г. 27
Ефремов В.А. 29

Ж

Жданов Л.А. 25
Желонкина А.А. 23
Жеребцов И.Л. 4, 25, 32, 54
Жиров С.С. 30
Жуков А.Ю. 23
Журавлева В.А., *учитель* 139

З

Заварин Евлакипай, *священник* 153
Завьялов А.А. 24
Зайончковский П.А. 73
Захарова Л.Ф. 25
Захарова О.А. 23
Зверинский В.В. 11, 50, 52, 58
Зенкова О.Б. 86
Зинченко А.Л. 25
Знаменский П.В. 19, 67
Зориков А.Н. 29
Зосима, *преподобный* 121
Зубанова С.Г. 28, 128
Зырянов П.Н. 5, 19, 22, 30, 33, 54, 58, 73, 92

И

Иванов А. 22
Иванов В.И. 22
Ивановский В.Н. 10
Иванюков И.И. 73
Израиль, *епископ* 57
Иннокентий Комельский, *игумен* 45
Иннокентий, *игумен* 65
Иоанн Кронштадтский, *святой* 57
Иоанн Устюжский, *праведный* 47, 168
Иоаникий, *епископ-викарий* 55
Иоасафат, *игумен* 165
Иона, *инок* 48, 167
Иосиф Заоникиевский (Илларион Амросимов), *преподобный* 47, 164
Иринея, *игумен* 120
Иулитания, *старица* 166

К

- Калашников И.Г. 55, 57, 169
Камкин А.В. 5, 24, 32, 44, 52, 128, 149
Камкин А.С., *учитель* 140
Кандидов Б.П. 19
Карнюшина А.Д. 23
Карпов А.Ю. 22
Карташев А.В., *обер-прокурор Синода* 7, 30, 31, 70
Катунин Ю.А. 19
Киприан, *преподобный* 47, 167
Клибанов А.И. 5
Климовский А.В. 5
Ключевский В.О. 27
Ковальченко И.Д. 26, 102, 106
Кожевникова Ю.Н. 30
Колесников П.А. 26
Комиссаренко А.И. 19
Конаков Н.Д. 32
Кондаков Ю.Е. 19
Коновалов Ф.Я. 32
Кононова Т.Б. 28
Корзун М.С. 27
Корнилий Комельский (Корнилий Крюков), *преподобный* 48, 165
Коротаева Л.Д. 32
Котов П.П. 5, 6, 23, 26–29, 45, 54, 62, 63, 73, 92, 101–104, 106, 122, 134, 140
Кубышкина Л.Т. 28, 134
Кудинов А.П. 29, 145
Кузнецов Н.Д. 24
Кузнецов П.В. 32
Курманова Г.Д. 28, 129
Куров М.Н. 19
Курочкин М.И. 24, 32, 54
Курочкин П.К. 18
Кустова Е.В. 28

Л

- Лабутин И.К. 27
Лебедев А.К. 20, 50, 52, 136, 137
Лебедев В. 21, 49
Леонид (Кавелин), *епископ* 25
Леонид, *преподобный* 45
Линовский В. 27

Лисин А.Г. 29
Лисовой Н.Н. 36
Лобанов М. 21
Лобачев С.В. 128
Ломоносов М.В. 103
Лонгин Коряжемский, *преподобный* 49, 168
Лопухин А.П. 32
Лукичев А.Н. 32

М

Макарий (Булгаков), *митрополит* 19
Македонская Н.М. 32
Максимов С.В. 27, 148, 150
Максимова М.М. 129
Марголис А.Д. 29, 128, 148
Марголис Ю.Д. 26, 30, 73
Мария Устюжская, *праведная* 47, 168
Мария Фёдоровна, *императрица* 145
Марк, инок 164
Матфей, *архимандрит* 139
Милютин В.О. 24
Миронов Б.Н. 88, 90, 115, 116
Митюшев Василий Афанасьевич, *крестьянин* 77
Михаил, *архимандрит* 64
Морохин Николай 154
Муравьев В.А. 23

Н

Надтьев Дмитрий Фёдорович, *крестьянин* 77
Налимов Василий Афанасьевич, *крестьянин* 77
Ненахов 30, 73
Неофит, *архимандрит* 21, 57
Никитин Е. 27
Николаева С. 73
Николай I 37
Николай II 31, 42
Никольский А.В. 32, 53
Никольский Н.М. 18, 25
Никон, *патриарх* 128
Нифонт, *преподобный* 45
Нифонтов А.С. 26
Носова Т.А. 28, 29, 134, 140

О

Онуфрий, *преподобный* 166
Осонин Иван, *послушник* 66

П

Павел (Попов Алексей Яковлевич), *епископ-викарий* 78, 184
Павел I 36, 49, 163, 164
Павел Обнорский, *преподобный* 48, 165
Павел, *благочинный, иеромонах, игумен* 78, 79, 143
Павлушков А.Р. 29, 30, 128, 149–151, 155
Паисий, *иеромонах* 117
Панкратов А.С. 12, 58
Панов Л.С. 32
Парфений, *архимандрит* 131
Пашенцев Д.А. 28, 128
Пащенко Е.В. 29
Петренко Н.И. 29
Петрова М.Г. 23
Пётр I 27, 62, 129, 130
Пимен (Мясников), *архимандрит* 25
Питирим, *епископ* 24
Платонов Н.Ф. 19
Плигин Н.А. 49
Победоносцев К.П., *обер-прокурор Синода* 17, 55
Погодин М.П. 20
Покровский И.М. 17, 214
Полиевкт (Пясковский), *епископ* 78, 184
Полиектов 12
Полунов А.Ю. 19
Поляков, *священник* 139
Попов А. 21
Попов Андрей, *священник* 156
Попов Виталий, *псаломщик* 156
Попов Георгий, *учитель* 139
Попов М.В. 48
Попов С.В. 138
Попов Семён, *священник* 131
Поспеловский Д.В. 19
Потапов Я. 28
Преображенская Е.А. 18
Протасов Н.А., *обер-прокурор Синода* 94
Пругавин А.С. 27, 148, 150

Пулькин М.В. 23
Путинцев Ф.М. 19

Р

Расин Б.И. 28
Раскин Д.И. 10
Рассказовский С. 28
Ратишин А. 11
Реброва П.В. 23
Римский С.В. 19
Рогачев М.Б. 24, 32, 54
Родионов Иван, *крестьянин* 47, 163
Рожина А.В. 4, 7, 22, 23, 26, 29, 38, 54, 55, 144, 149
Рожина Т.Я. 22, 23, 54
Ростиславов Д.И. 25, 113
Рощевская Л.П. 23, 30, 32, 54
Рудин Л.Г. 32
Рузанова Н.П. 30, 53

С

Саблин В.А. 4
Савваитов П.И. 20, 21, 35, 51, 52
Савватий, *преподобный* 121
Савельева Э.А. 129
Сазонов А.И. 32
Сальников А.К. 49
Самарагда, *игуменья* 78
Самсонова Т.Ю. 23
Семевский В.И. 24, 25
Семушина Н.И. 5, 6
Сергий Нуромский, *преподобный* 45
Сергий Радонежский, *святой* 48, 163, 165
Симон Сойгинский, *преподобный* 49, 168
Симон, *архиепископ* 130
Синицына Н.В. 22
Сметанин А.Ф. 25
Смирнова В.Б. 25, 185
Смирнова С.С. 32
Смолич И.К. 31, 39
Сойкин П.П. 31, 47, 49, 100, 195
Соколов А.Р. 10
Спиридонов А.М. 65

Степановский И.К. 12, 47
Стефан Комельский, *преподобный* 50, 165
Стефан Пермский, *святитель* 50, 168
Стефанида (Запорощенко), *старшая монахиня* 24
Стикина Н.В. 23
Столповский П.М. 32
Строгановы, *братья* 49, 168
Суворов Н.И. 6, 20, 21, 38, 47, 49, 50, 52, 137
Суворов С. 185
Сурков Н.И. 28, 134

Т

Тальберг Н.Д. 31
Таскаев М.В. 23, 25
Таскаев Сильвестр, *крестьянин* 154
Титлинов Б.В. 18
Тихон (Бронницкий), *архиепископ* 32, 53
Третьякова С.В. 23
Трифон, *иеромонах* 24, 54
Трутнева Елена, *учитель* 139

У

Уваров Н.В. 32
Ульгорн Г. 27
Ушаков Иван Евстафьевич, *крестьянин* 77

Ф

Федоров В.А. 19, 23, 34, 38, 39, 40, 43–45, 59, 66, 68, 70, 71, 75, 77, 80, 83, 95, 97
Феодосий Тотемский, *преподобный* 48, 166
Феодосий, *архиепископ* 136
Филарет (Гумилевский), *архиепископ* 19
Филарет (Федор Тюрнин), *преподобный* 50, 168
Филарета, *настоятельница* 78
Филатов С.Б. 22
Филипп Яиковский (Сухонский), *преподобный* 48, 167
Фирсов М.В. 28
Фирсов С.Л. 30, 60
Флорентия, *игуменья* 124
Фруменков Г.Г. 28

Х

Хаминов М.А. 59, 112

Хотимова Л.В. 28, 29, 134

Ц

Цыпин В.А. 129, 214

Ч

Чернышевский Д.В. 29

Чижевкий И. 10

Чистович И.А. 185

Чудецкий П.И. 19, 20, 45

Чудов С.И. 26

Ш

Шаляпин С.О. 128

Шептяков Н.В. 29

Шергин И.А. 12

Штепа А.В. 28

Ю

Юрьев А.А. 22

Я

Яковлева Е.И. 29

Яровой О.А. 65

Яруков Степан Иванович, *крестьянин* 77

Яшина О.Н. 26, 44, 83, 89

House F. 5

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Александрово, *поселение* 164
Архангельск 8, 12, 23–28, 103, 106, 128
Архангельская губерния 5, 6, 23, 26, 29, 102, 109
Архангельская епархия 77
Архангельская область 6, 167, 168
Архангельский Север 27,

Б

Белгород 23
Белозерье 23
Берлин 31
Бушуиха, *пос.* 168

В

Валаам 65
Векса, *р.* 88
Великий Устюг 8, 13, 20, 46, 47, 58, 86, 140, 167, 168
Великоустюгская епархия 35, 46, 47
Великоустюгский район 6, 13, 167
Великоустюгский уезд 5, 6, 13, 20, 41, 47, 58, 59, 66, 67, 71, 72, 88, 102, 103, 108, 119, 143, 146, 147, 153, 155, 167, 168, 173, 179, 188, 190, 194, 196, 198, 200, 203, 205, 207, 210
Великоустюгское викариатство 10, 41, 47, 79, 143, 214
Великоустюгское духовное правление 87, 139, 149
Вель, *р.* 8
Вельск 8
Вельский район 6
Вельский уезд 5, 6, 49, 154
Вельское викариатство 41, 214
Верхнегоемский район 6
Ветлуга, *р.* 8
Вожа, *оз.* 8
Возрождение, *пос.* 166
Вологда 5, 8, 12, 13, 20–23, 26–29, 46, 48, 49, 52, 71, 132, 137, 149, 150, 161, 163, 164
Вологодская губерния 5–8, 11–16, 20–23, 26, 28–30, 32, 35, 40, 44, 46–49, 51, 52, 54, 55, 58–60, 62, 64, 67, 69, 71–73, 75–75, 80–83, 85–90, 93, 97, 98, 99–117, 119–124, 126, 127, 130, 133, 134–138, 140, 141, 143–151, 153–155, 158–170, 177, 181, 183, 186, 187, 190, 193, 196, 198, 200, 202, 204, 206, 209

Вологодская духовная консистория 57, 66, 69, 112, 117, 120, 121, 124,
131, 136, 153, 154, 162
Вологодская епархия 6, 7, 14, 21, 23, 28, 29, 32, 35, 40–42, 45, 46, 48, 49,
51, 52, 58, 59, 61, 64, 66, 67, 72, 73, 78–82, 86, 89, 93, 101, 103–105, 107,
108, 111–116, 118, 122, 124, 126, 131, 133–136, 138, 140, 141, 143, 144,
147–150, 154, 155, 157–161, 214
Вологодская область 6, 13, 32, 33, 163, 164, 165, 166, 167, 168
Вологодский край 12
Вологодский район 6, 164
Вологодский уезд 6, 13, 20, 42, 46, 47, 49, 59, 66, 67, 88, 98, 100, 102, 103,
108, 138, 145, 146, 154, 163, 164, 170, 187, 190, 193, 195, 196, 198, 200,
202, 204, 206, 209
Вологодское наместничество 35
Воронеж 27
Воль, *р.* 8
Вычегда, *р.* 8
Вычегодский край 5
Вятка 8

Г

Глушица, *р.* 166
Греция 135
Грязовец 8
Грязовецкий район 6, 165
Грязовецкий уезд 5, 10, 13, 48, 52, 58, 72, 87, 103, 108, 109, 138, 145, 146,
149, 154, 165, 171, 178, 187, 190, 193, 196, 198, 200, 202, 204, 206

Д

Двиница, *р.* 166
Двинская губа 8
Двинская земля 23, 29
Джорданвилль 31
Дедов остров 167
Древняя Русь 27

Е

Европейский Север России 5, 23, 26–29, 32, 45, 50, 55, 62, 103, 106, 128,
129
Европейский Северо-Восток 38
Екатеринбург 30
Екатеринбургская епархия 30
Екатеринославская епархия 183

И

Иваново 29
Ивановская (Соколья) гора 168
Ижма, *р.* 8
Иркутск 122

К

Кадников 8, 164, 165, 166
Кадниковский район 6, 166
Кадниковский уезд 5, 6, 13, 20, 48, 49, 71, 72, 88, 98, 146, 154, 165, 166,
172, 179, 187, 190, 194, 196, 200, 202, 204
Казанская епархия 17
Казань 17, 18, 63, 214
Калужская епархия 28
Кама, *р.* 8
Каменный, *остров* 49, 163
Каргополь 8
Карелия 33
Катромское, *оз.* 166
Кемский уезд 103
Киев 20
Кириллов 8
Кирилловский уезд 46
Киров 28
Кировская область 6, 168
Княжпогостский район 169
Кола 124
Кологрив 8
Кольский уезд 6
Комела, *р.* 88
Комельское, *оз.* 165
Коми автономия 25
Коми край 6, 22, 23, 25, 28, 30, 54, 104, 134
Корнильево, *с.* 165
Коряжемка, *р.* 168
Коряжма 168
Костромская епархия 183
Котельнич 8
Котлас 8, 23, 29
Котлаский район 6, 167, 168
Красноборск 8
Красноборский район 6

Крым 19
Кубенское, оз. 6, 8, 21, 47, 49. 163, 164
Курма, р. 88
Курск 30
Курская епархия 30
Кушта, р. 164
Кылтово, д. (пос.) 169

Л

Лальск 6, 8, 168
Лальский уезд 5
Лача, оз. 8
Лежу, р. 88, 165
Луза, р. 8
Лузская Пермца 6
Лузский район 6

М

Мезенский уезд 6
Мезень, р. 8
Минина Полянка, д. 167
Минск 27
Могилевская епархия 184
Морозовица, с. 167
Москва 23, 77, 81
Московская епархия 40

Н

Никольск 8
Никольский уезд 5, 41, 49, 55, 184
Новгородская губерния 8, 29, 83, 102,
Новгородская епархия 183
Новосибирск 32
Нурома (Нурма), р. 93, 165

О

Обнора, р. 93
Обухово, с. 164
Одесса 27
Окольная Сухона, р. 88
Олонецкая губерния 8
Олонецкая епархия 30

Онега 8
Онега, *р.* 8
Орлов 8
Отводное, *с.* 47, 163

П

Палестина 132
Париж 31
Пеца, *р.* 8
Переяславль-Залесский 163
Песья Деньга, *р.* 48, 166
Петрозаводск 23
Печора, *р.* 8
Печорский уезд 6, 109
Пижма, *р.* 8
Пинега 8
Пинега, *р.* 8
Подосиновский район 6
Покровское, *с.* 165
Пошехонье 8
Правобережная Украина 25
Прилуки, *с.* 13, 163
Приуралье 28
Псковская губерния 102

Р

Республика Коми 6, 13, 32, 104, 169
Русский Север 23, 24, 44, 52, 128
Рязанская епархия 184

С

Санкт-Петербург 27, 29, 63, 145
Саратов 29,
Север России 6, 21, 28
Северная Двина, *р.* 8
Северная Кельтма, *р.* 8
Северо-Запад России 27, 54
Сергиев Посад 24
Серегово, *с., пос.* 22, 120, 169
Сибирь 70
Сокольский район 165, 166
Солигалич 8

Солони́ха (Усолка), *р.* 168
Сольвы́чегодск 8, 103, 168
Сольвы́чегодский уезд 5, 20, 41, 48, 49, 55, 59, 102, 103, 146, 153, 168,
174, 180, 188, 191, 194, 196, 198, 201, 203, 205, 207, 210
Стеблево, *железнодорожная станция* 165
Сухона, *р.* 8, 167
Сы́ктывкар 6, 7, 22–30, 45, 54, 104
Сы́ктывкарская и Ворку́тинская епархия 5
Сы́сола, *р.* 8

Т

Тамбовская епархия 77
Тверская губерния 29
Тверь 29
Тобольская губерния 8, 85
Тотемский район 7, 167
Тотемский уезд 5, 20, 48, 51, 88, 102, 108, 138, 145, 146, 154, 166, 167, 172,
179, 188, 190, 194, 196, 198, 200, 203, 205, 206, 210
Тотемское викариатство 40, 214
Тотьма 8, 20, 41, 48, 166, 167

У

Ульяново, *с.* 169
Унжа, *р.* 8
Усть-Кубенский район 163, 164
Усть-Кулом, *с.* 141
Усть-Куломская вол. 169
Усть-Куломский район 169
Усть-Сы́ольск 8, 120
Усть-Сы́ольский уезд 5, 6, 21, 29, 41, 49, 50, 55, 76, 77, 103, 108, 120, 138,
139, 146, 151, 155, 156, 168, 169, 174, 181, 188, 191, 194, 196, 198, 201,
203, 205, 207, 210
Устья́нский район 6
Ухта, *р.* 12

Х

Харовский район 166
Харьков 10, 27
Холмогорский уезд 103
Холмогоры 8

Ц

Цильма, *p.* 8

Ч

Чухлома 8

Ш

Шенкурск 8

Ю

Юг, *p.* 8, 167

Южная Кельтма, *p.* 8

Юношеское, *поселение* 165

Я

Яикова гора 167

Яренск 8, 29, 55, 103

Яренский район 6

Яренский уезд 5, 41, 49, 54, 55, 57, 77, 98, 108, 138, 143, 146, 155, 169, 175,
181, 188, 191, 194, 201, 203, 205, 207, 211

New York 5

УКАЗАТЕЛЬ МОНАСТЫРЕЙ И ПУСТЫНЕЙ

А

- Александро-Коровинная пустынь 48
Александро-Куштская Успенская пустынь 9, 50, 163, 164
Александро-Невская лавра 183
Антониево-Сийский монастырь 128
Арсениево-Комельский (Ризоположенский) (Ризоположенская Сухо-рукова пустынь) монастырь 9, 10, 13, 21, 43, 48, 52, 58, 78, 88, 99, 108, 111, 114, 122, 138, 139, 146, 159, 165, 171, 178, 184, 187, 190, 193, 200, 202, 204, 206, 209
Арсениево-Маслянская Одигитриевская пустынь 9, 48, 50, 163, 164
Архангельский собор Московского Кремля 86

Б

- Белавинская Спасо-Преображенская пустынь 9, 49, 164
Белевский Спасо-Преображенский монастырь 184
Белецкий Богородицкий монастырь 184
Богородицкая Тихвинская пустынь 47, 167

В

- Валаамский монастырь 65
Валдайский Иверский монастырь 183
Великолуцкий Троицкий монастырь 183
Витебский Макаров монастырь 184
Вологодский Ильинский монастырь 165
Воскресенский скит 165
Вятский Успенский Трифонов монастырь 28

Г

- Горне-Успенский (Успенский Горний или Горный) монастырь 9, 13, 20, 46, 47, 50, 52, 67, 71, 72, 75, 76, 78, 80, 81, 87, 89, 93, 99, 100, 105, 108, 111, 112, 114, 115, 118, 123, 136–138, 140, 146, 149, 150, 155, 161, 164, 165, 171, 178, 187, 190, 193, 196, 198, 200, 202, 204, 206, 209

Д

- Дедова Троицкая (Дедовская Троицкая) пустынь 9, 48, 51, 167
Дионисиево-Глушицкий Сосновецкий (Глушицкий Покровский) монастырь 9, 13, 21, 48–50, 71, 93, 98, 99, 105, 153–155, 165, 166, 172, 179, 187, 190, 194, 200, 202, 204

З

Заоникиева (Заоникиевская Богородице-Владимирская) пустынь 9, 47, 60, 164

Знаменно-Филипповский (Яиковский) монастырь 9, 13, 47, 48, 52, 58, 60, 71, 72, 79, 87, 89, 105, 118, 159, 173, 180, 188, 191, 203, 205, 207, 210

И

Иоанно-Предтечев (Устюжский Иоанно-Предтеченский) монастырь 9, 13, 21, 47, 66, 72, 80, 87, 93, 101, 102, 105, 106–109, 113, 114, 118, 123, 124, 141, 143, 147, 167, 174, 180, 187, 191, 194, 203, 205, 207, 210

К

Катромский Николаевский монастырь 9, 20, 21, 49, 52, 166

Кирилло-Белозерский монастырь 46

Козельская Введенская Оптина пустынь 30

Корнилиево-Комельский монастырь 9, 13, 21, 48, 72, 78, 88, 93, 108, 109–111, 123, 138–140, 146, 165, 171, 178, 185, 187, 190, 193, 202, 204, 206, 209

Кылтовский Крестовоздвиженский монастырь 9, 22–24, 30, 54, 56, 57, 59, 60, 75–78, 80–82, 98–101, 103, 105, 106, 108, 110, 112, 113, 115, 120, 121, 123, 125, 138, 141, 142, 159, 161, 169, 175, 181, 187, 191, 195, 201, 203, 205, 207, 211

Л

Лальский Михайловский (Михаило-Архангельский) монастырь 9, 32, 47, 51, 167, 168

Лебединский Троицкий монастырь 184

Лопотов Богородицкий Григорьево-Пельшемский (Григорьево-Пельшемский Лопотов) монастырь 9, 10, 48, 60, 72, 78, 99–101, 105–107, 166, 172, 179, 185, 187, 190, 194, 196, 202, 204

М

Михаило-Архангельский монастырь 9, 13, 20, 21, 47, 51, 64, 71, 72, 79, 87–91, 113, 115, 122, 131, 146, 153, 167, 173, 179, 188, 190, 194, 203, 207, 210

Московский Донской монастырь 183

Мстиславский монастырь 184

Н

Николаево-Прилуцкий монастырь 9, 13, 21, 33, 42, 47, 71, 72, 79, 80, 87, 100, 102, 105, 108, 110, 113, 119, 123, 146, 153–155, 167, 173, 180, 187, 191, 194, 196, 198, 200, 203, 205, 207, 210

Николаевская Озерская (Николо-Озерская) пустынь 9, 20, 50, 52, 104, 137, 164, 165

Николо-Коряжемский (Коряжемский Николаевский) монастырь 9, 21, 49, 51, 52, 59, 60, 87, 98, 102, 106, 108, 110, 112, 118, 146, 150, 153, 168, 174, 180, 187, 191, 194, 196, 198, 201, 203, 205, 207, 210

Никольский монастырь 164

Новодевичий монастырь 166

П

Павло-Обнорский (Свято-Троицкий) монастырь 9, 13, 20, 21, 48, 60, 87, 88, 99, 101, 103, 111, 113, 114, 115, 120, 123, 124, 146, 149, 153, 154, 165, 168, 171, 178, 187, 190, 194, 196, 198, 200, 202, 204, 206, 209

Покровский Болдинский монастырь 184

Покровский Глушицкий монастырь 9, 49, 99, 166

Предтеча-Трегулевский монастырь 184

С

Саровский монастырь (пустынь) 25, 59, 60

Свято-Троицкая Сергиева лавра 25, 46, 62

Семигородняя Успенская пустынь 9, 20, 21, 48, 49, 52, 60, 88, 98, 99, 101, 105–107, 166, 187, 194, 196, 202, 204

Соловецкий монастырь 23, 28

Сольвычегодский Введенский монастырь 9, 20, 21, 49, 51, 52, 87, 101, 102, 106, 107, 153, 168, 174, 194, 196, 198, 201, 203, 205

Спасо-Елизаровский монастырь 184

Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов) монастырь 9, 13, 20, 21, 46, 50, 59, 67, 71, 72, 78–80, 88, 90, 93, 98, 99, 102, 104, 111, 113, 114, 118, 123, 124, 125, 146, 147, 149, 150, 153, 163, 170, 177, 183–185, 187, 190, 193, 196, 198, 200, 202, 204, 206, 209, 212

Спасо-Каменный монастырь 9, 13, 21, 42, 49, 59, 60, 66, 99, 100, 101, 115, 165, 164, 170, 177, 193, 195, 200

Спасо-Преображенский Иннокентиевский монастырь 45

Спасо-Преображенский Нуромский монастырь 45

Спасо-Прилуцкий (Димитриев) монастырь 9, 13, 20, 21, 46, 66, 67, 71, 72, 78–80, 88–90, 93, 98, 99, 101, 104, 107, 110, 114, 115, 135, 137, 146, 150, 153, 163, 164, 166, 170, 177, 183, 184, 187, 190, 193, 202, 204, 206, 209

Спасо-Суморин (Спасо-Суморинский) монастырь 9, 13, 20, 48, 51, 60, 88, 99, 101, 102, 105, 108, 111–114, 118, 123, 137, 139, 141, 153–155, 166, 172, 179, 188, 190, 194, 196, 198, 200, 203, 205, 206, 210

Спасская (Ульяновская) пустынь 21, 50

Сямский Богородице-Рождественский (Рождества Богородицы Сямский) монастырь 9, 13, 21, 47, 60, 98, 99, 102, 105–107, 109, 111, 114,

123, 124, 146, 155, 163, 170, 177, 187, 190, 193, 196, 198, 200, 202, 204,
206, 209

Т

Телегов Троицкий монастырь 45

Теплогорская Богородицкая пустынь 45

Троицкий Гледенский (Троицко-Гледенский) 9, 13, 47, 51, 58–60, 66, 80,
86, 90, 102, 108, 109, 112–114, 118, 146, 159, 167, 173, 180, 188, 190,
207, 210

У

Ульяновский Троицко-Стефановский (Троицко-Стефановский Улья-
новский) монастырь 9, 13, 21, 24, 25, 47, 50, 51, 59, 60, 75–77, 79, 80,
82, 98, 99, 103, 105, 106, 108–110, 112–118, 120, 123, 124, 138–142,
146–149, 151–156, 168, 174, 181, 187, 191, 195, 196, 198, 201, 203, 205,
207, 210

Успенский собор Московского Кремля 86

Устюжский Преображенский монастырь 167

Усть-Недумская Богородицкая пустынь 45

Я

Ярославский Толгский монастырь 183

СОКРАЩЕНИЯ

ВГВ – Вологодские губернские ведомости

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости

вол. – волость

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

г. – город

ГУ РК «НА РК» – Государственное учреждение Республики Коми
«Национальный архив Республики Коми»

д. – деревня

дес. – десятина

др. – другие

жен. – женский

коп. – копейка

МКАУ ВУЦА – Муниципальное казённое архивное учреждение Великоустюгского муниципального района «Великоустюгский центральный архив»

муж. – мужской

НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН – Научный архив Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

оз. – озеро

пос. – посёлок

ПСЗРИ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое

ПСЗРИ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе

ПСЗРИ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье

пуд. – пуды

РГИА – Российский государственный исторический архив

р. – река

руб. – рубль

саж. – сажень

с. – село

сер. – серебром

см. – смотри

ст. – статья

тыс. – тысяча

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Монастыри и церковная власть в конце XVIII – начале XX века в трудах российских исследователей.....	17
§ 1. Исследования по истории церковного управления.....	17
§ 2. Труды по истории монастырей и монашества.....	19
§ 3. Изучение отдельных вопросов развития иноческих обителей.....	24
§ 4. Литература справочно-энциклопедического характера.....	31
Глава 2. Монастыри в системе управления русской православной церковью в 1796–1917 годах.....	34
§ 1. Структура синодально-епархиальных властей.....	34
§ 2. Виды иноческих обителей в Вологодской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века.....	43
§ 3. Монастыри Вологодской епархии в 1860-х – 1917 годах.....	54
Глава 3. Состав проживавших в обителях Вологодской епархии в конце XVIII – начале XX века.....	62
§ 1. Численность монастырской братии в конце XVIII – начале XIX века.....	62
§ 2. Регулирование состава иноков и послушников в 1830–1850-х годах.....	68
§ 3. Изменение состава братии в православных обителях в 1860-х – 1917 годах.....	73
Глава 4. Финансово-экономические отношения монастырей Вологодской губернии и церковных властей в 1796–1917 годах.....	83
§ 1. Содержание обителей в конце XVIII – начале XIX века.....	83
§ 2. Усиление контроля за хозяйственной деятельностью монастырей в 1830–1850-х годах.....	91
§ 3. Изменение окладов и развитие сельского хозяйства в иноческих обителях во второй половине XIX – начале XX века.....	97
§ 4. Неземледельческие занятия, новые виды получения прибыли и уровень доходов в монастырях в 1860-х – 1917 годах.....	108
§ 5. Содержание общины и расходы в обителях в конце XIX – начале XX века.....	116

Глава 5. Влияние церковных властей на социальное служение иноческих обителей Вологодской епархии в конце XVIII – начале XX века	128
§ 1. Регламентация социальной деятельности монастырей в конце XVIII – первой половине XIX века.....	128
§ 2. Благотворительность, приюты и церковно-приходские школы в обителях Вологодской губернии во второй половине XIX – начале XX века.....	134
§ 3. Создание богаделен и больниц в монастырях Вологодской епархии и активизация социального служения иноческих обителей в годы Первой мировой войны.....	141
§ 4. Реализация социально-исправительных функций обителями Вологодской епархии во второй половине XIX – начале XX века.....	148
 Заключение.....	 158
Приложения.....	163
Термины.....	212
Именной указатель.....	214
Географический указатель.....	223
Указатель монастырей и пустыней.....	230
Сокращения.....	234

Научное издание

Пётр Павлович Котов
Анастасия Владимировна Рожина

**МОНАСТЫРИ В СИСТЕМЕ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Рекомендовано к печати Учёным советом Института языка, литературы
и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (протокол № 14 от 22.12.2021 г.)

Монография подготовлена в рамках реализации государственного задания
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме «Трансформации общества, власти и экономики в
регионах Европейского Севера России» (№ государственного учета 122040800166-0)

Редактор – К.А. Попова
Оригинал-макет и дизайн обложки – Я.С. Куликова
Корректурa английского текста – А.М. Тентюкова

Лицензия № 0047 от 10.09.99.
Компьютерный набор. Формат 60x90 ¹/₁₆. Подписано в печать 19.10.2022.
Уч.-изд. л. 16,6. Усл. печ. л. 14,9. Тираж 500. Заказ № 39.

Редакционно-издательский центр ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24.

